Джон Скотт

За Уралом

Американский рабочий в русском городе стали

Джон Скотт

ЗА УРАЛОМ

Американский рабочий в русском городе стали

Москва, Свердловск
Издательство Московского университета
Издательство Уральского университета
1991

ББК 63.3(2) 716
С42

Рецензент: доктор исторических наук А. В. Бакунин
Перевод с английского Л. А. Гуреевой
Автор вступительной статьи Л. И. Васькина

J. Scot. Behind the Urals. An American Worker in Russia's City of Steel.— Indiana University Press, 1989

С $\frac{0503020500}{077(02)\text{-}91}$ КБ 15—8—1991

ISBN 5—211—01673—4 (Изд-во МГУ)
ISBN 5—7525—0251—9 (Изд-во Урал. ун-та)
ISBN 0—253—35121—1.—ISBN 0—253—20536—0 (англ.)

© Indiana University Press, 1989
© Перевод на рус. язык, Л. А. Гуреева, 1991
© Вступ. ст., Л. И. Васькина, 1991

Маше

Джон Скотт, 1940 г., Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию

Перед читателем необычная книга. Она написана осенью 1941 года, когда фашистские армии находились на подступах к Москве. Гитлеровское командование готовилось к параду на Красной площади. Мир взволнованно следил за противоборством, от исхода которого во многом зависели судьбы человеческой культуры. Именно в эти дни американец Джон Скотт, в тридцатые годы работавший на строительстве Магнитогорского металлургического комбината, счел своим долгом рассказать соотечественникам о Стране Советов. Он знал, что русские не сдадутся, верил — Москва выстоит, Советский Союз победит. Эти чувства наполняли его, и он страстно желал, чтобы вся передовая Америка разделила их вместе с ним. Воспоминания Скотта — не столько о своей работе в Магнитогорске, сколько о людях, строивших комбинат и город.

С тех пор прошло почти полвека. Сегодня книга Джона Скотта, впервые переведенная на русский язык, становится достоянием широкого круга читателей.

Вряд ли найдется человек, который ничего не знал бы о Магнитке. О ней рассказывают в школах и вузах, о ней написаны научные труды и воспоминания, очерки и рассказы, ее прославляют в стихах и песнях, фильмах и спектаклях. Выросли новые металлургические комбинаты, и по традиции их называют Липецкой Магниткой, Казахстанской Магниткой...

Так нужна ли еще одна книга об этом? Не отнести ли работу Джона Скотта к источникам, которые нужны лишь узкому кругу историков-профессионалов? Чем привлекают нас сегодня воспоминания американца? Можно было бы сказать, что они интересны как взгляд со стороны. Но пять лет, с января 1933 по конец 1937 года, когда Джон Скотт жил и работал в одних и тех же условиях с нашими людьми, сделали его «своим». Он

приехал в СССР добровольно, с искренней симпатией к «советскому эксперименту». Таким же вернулся домой, вопреки всем бедам и трудностям. В этом смысле чувства, переживания автора не выходят за рамки традиций нашей литературы о Магнитке.

И все же мемуары Джона Скотта необычны. Их отличает страстное стремление молодого человека увидеть жизнь тех лет в ее реальных противоречиях, рассказать не только о том, что строилось и было построено в Магнитогорске, но и о том, какой ценой достигались тогда эти победы. Конечно, и раньше о трудностях говорилось немало. Однако все они сводились к суровому климату, к неурядицам быта и плохим условиям труда, к нехватке опыта, квалифицированных кадров, общей культуры. Мы читали о «происках кулацких элементов», о «вредительстве», о последствиях внутрипартийной борьбы, противодействии оппозиционеров и т. п.

Пишет об этом и Джон Скотт. Однако в отличие от советских авторов, десятилетиями оценивающих факты и явления сугубо однозначно (причем больше оценивающих, чем показывающих), Скотт старается охватить жизнь разносторонне и быть предельно объективным.

Он приехал в Магнитогорск, когда пора больших котлованов оставалась позади. Началось освоение первых объектов комбинатов. Строительство продолжалось, но на передний план теперь выходили монтажники, доменщики, сталевары, слесари — одним словом, рабочие и специалисты, непосредственно занятые производством металла. Тысячи людей еще отлично помнили пустыри, на которых в короткий срок они сами возвели громадные цехи, построили дороги, жилье. Одно это уже поднимало дух, помогало работать. Джон Скотт оказался среди тех, чья жизнь сознательно была подчинена призывам и лозунгам: «Даешь домну!», «Даешь металл!».

По объему строительных работ Магнитка впятеро превышала Днепрострой. У руководителей этого гигантского комбината на первом месте значились кубометры земли и леса, тонны цемента, бетона, металлоконструкций, расходы на оплату рабочих и специалистов. Но никто точно не знал, сколько требовалось бань и сапожных мастерских, врачей, медсестер, портных, учителей и школ. В середине тридцатых годов Я. С. Гугель, возглавлявший Магнитострой, когда ему не было и тридцати, писал: «Считалось даже «неприличным», «несоциалистичным»

уделять в такое время слишком много внимания личным удобствам. Это притупляло наше внимание к тому, что являлось важнейшей предпосылкой успешной борьбы на тягчайшем участке»[1].

К 1933 году многое уже было сделано. Достигнутые рубежи вселяли надежду на близкое завершение работ, на скорое освобождение от прежних тягот. И хотя легче не становилось, к трудностям привыкли. Привыкли и к произволу и беззаконию. Временами численность «спецпереселенцев», «вредителей» и других, ходивших на работу под конвоем, превышала половину всех занятых на Магнитке. Не секретом были многочисленные факты нарушения законности и норм партийной морали руководящими работниками комбината.

Мемуары Джона Скотта отличаются целостностью описания событий, взглядов, настроений. Он не рассказывает о жизни по принципу: с одной стороны и с другой стороны. В итоге сотни порой взаимоисключающих деталей сливаются в единую картину.

Говоря о Джоне Скотте, его восприятии событий, не будем принижать степень вдумчивости, наблюдательности и многих из тех, кто в тридцатые годы трудился в Магнитогорске. Сохранились любопытные документы, в частности письма, дневниковые записи очевидцев, умом и сердцем воспринимавших историю Магнитки и как подвиг и как драму строителей новой жизни. Однако долгие десятилетия такие материалы либо вообще не публиковались у нас, либо издавались с большими купюрами, которые обедняли тексты, лишали их должной полноты и смысла. Ситуация мало изменилась даже в период хрущевской оттепели.

Только на исходе восьмидесятых наметились кардинальные сдвиги. Курс на перестройку, гласность позволил исследователям (прежде всего уральцам) ввести в оборот новые источники о возникновении Магнитки, о ее начальном этапе. Воспоминания Джона Скотта — продолжение этой работы. Чтобы лучше понять их своеобразие и практическую значимость (и тем самым полнее оценить место книги Скотта в литературе), нужно хотя бы коротко сказать о самом мемуаристе, о его необычайной судьбе.

Джон Скотт приехал в Советский Союз осенью 1932 года. Это был молодой человек двадцати лет, с юных лет

[1] Слово о Магнитке. М., 1979. С. 81.

мечтавший стать писателем. Взгляды его формировались под влиянием отца, профессора политэкономии, входившего некоторое время в Компартию США. В 1925-м отец Скотта впервые посетил СССР. У него осталось хорошее впечатление от увиденного, и, когда сын решил поехать в нашу страну, отец напутствовал его добрыми словами, посоветовав предварительно получить нужную специальность. Джон бросил колледж, в котором учился, стал квалифицированным сварщиком, купил пишущую машинку и отправился за океан.

Америка, да и крупнейшие страны буржуазной Европы переживали в то время самый тяжелый кризис из всех, потрясавших дотоле капиталистический мир. Коммунисты считали, что этот кризис — яркое подтверждение близкой кончины строя, основанного на эксплуатации. Они видели в кризисе неопровержимое доказательство правильности пути, избранного советским народом в 1917 году. Что же касается сограждан Джона Скотта, то для них небывалый спад производства, многомиллионная безработица и растущая нищета стали подлинной катастрофой. По меньшей мере сто тысяч американцев просили тогда разрешения на въезд в Советский Союз. И хотя далеко не все из них имели сколько-нибудь ясное представление о трудностях проходившего в СССР переустройства общества, они не сомневались: в Советском Союзе у власти стоит рабочий класс, там идет массовое строительство современных предприятий, повсеместно нужны квалифицированные кадры, там ценят труд, там рождается человек свободного мира.

Именно с такими настроениями Джон Скотт приехал в Магнитогорск. Его пыл не охладили ни бюрократические препоны московских чиновников, ни январская стужа Урала, куда он добирался поездом четыре дня, ни тяжелейшие условия труда и быта, с которыми пришлось столкнуться сразу же. По его собственному признанию, он приехал в Россию «работать, учиться, и помогать в строительстве общества, которое, казалось, было по меньшей мере на шаг впереди американского». Уже через три месяца он преодолел языковый барьер. Самое главное — рабочие искренне считали его своим. И дело было не в том, что он роздал почти всю одежду, привезенную с собой, и внешне теперь уже ничем не отличался от остальных. Его ценили прежде всего за трудолюбие и горячую приверженность к коллективу. Неда-

ром по рекомендации местной партийной организации американского рабочего приняли в Коммунистический университет, где, как правило, занимались только члены ВКП(б).

Джон Скотт, будучи по характеру человеком открытым и компанейским, отнюдь не отличался легковерием и наивностью. Его пытливый ум и острый глаз журналиста позволили ему быстро разобраться в повседневных реалиях жизни в Магнитогорске. Расскажи ему заранее о нехватке продуктов даже по карточкам, о жилых бараках без всяких коммунальных удобств и т. п., он, возможно, и не поверил бы, назвал клеветой на страну Октября. А простои, штурмовщина, прогулы, частые аварии?

Поверить, однако, пришлось быстро. Но едва ли Скотт написал бы книгу, которая сейчас в руках у читателя, если бы видел только тяготы и ошибки первого поколения магнитогорцев. Нет. Больше всего молодого американца поразило отношение окружавших его людей ко всем этим трудностям, отношение их друг к другу. Он был удивлен, обрадован и воодушевлен.

Тысячи людей именно в этих невероятных условиях, со стороны представлявшихся хаосом или даже фантасмагорией, выходили на работу в зимнюю стужу и в знойное лето, без паники и страха принимали хозяйственные беды и бытовые неудобства. После трудового дня они могли часами стоять в очередях за продуктами или «ширпотребом», заполняли красные уголки, школы ликбеза, курсы повышения квалификации. Часто вечерами собирались вокруг гармониста, плясали, пели частушки и разные песни... Были здесь и энтузиасты, и сезонники, и летуны, приехавшие за длинным рублем. Случалось всякое, вплоть до ссор, пьянок, драк... Впрочем, не будем пересказывать воспоминания американца. Подчеркнем главное: уехав из страны, где царила великая депрессия, он оказался на знаменитой стройке, и вопреки суровому климату, тяжелым материальным и бытовым условиям люди здесь работали и верили в завтрашний день.

Характеризуя взгляды Скотта, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Через несколько месяцев после приезда в Магнитогорск он познакомился с молоденькой учительницей Машей Дикаревой, происходившей из крестьянской семьи. В 1934 году они поженились. У них родилось двое детей. Впоследствии журналисты и историки не раз записывали свои беседы с Машей

Скотт [2]. Она охотно рассказывала о счастливой семейной жизни, о совместных поездках с мужем в родную деревню, о своих разговорах с Джоном, который любил делиться впечатлениями об увиденном. Джон много беседовал с рабочими, техниками, инженерами, изучал материалы архива, где работали его товарищи. Отсюда сведения о распределении жилья, о ходе выполнения годовых планов, о производительности труда и т. п. Отсюда же и представление о труде спецпереселенцев, об их численности и составе, данные о стоимости продуктов и т. д. Правда, они носят разрозненный характер и не всегда при проверке оказываются достоверными, ведь многие сведения, полученные в частных беседах, перепроверить было невозможно, к тому же обстановка, сложившаяся в стране к началу 1938 года, не располагала к откровенному разговору с иностранцем. Однако не будем излишне строги, ведь перед нами не научный труд, не учебное пособие. Цифры следует воспринимать главным образом как показатель настроений и представлений современников об условиях своего труда и быта, своего образа жизни.

Женитьба на русской девушке помогла американскому журналисту глубже и полнее понять характер целого народа. Сопричастность к его жизни была для него радостью. Тем страшнее оказались события 1937—1938 годов. Скотт и раньше видел много несправедливости, даже прямого обмана. В том же Магнитогорске он стал свидетелем разительного контраста между жизнью рядовых рабочих и начальников. Его беспокоило расхождение официальных лозунгов, выдвигавшихся в далеком центре, с их реальным воплощением на местах. Да, металлургический комбинат строили масштабно, но все планы срывались. Обещали возвести современные кварталы из камня и стекла со школами и больницами, кинотеатрами и поликлиниками, а напоминанием об этом осталось

[2] В 1945 году Пёрл С. Бак выпустила в Нью-Йорке книгу «Разговор о России (с Машей Скотт)». В 1986 году интервью у М. Скотт взял американский историк С. Коткин, не раз приезжавший в Советский Союз, в частности, в связи с подготовкой монографического исследования, посвященного истории Магнитогорска. Приведенные факты свидетельствуют не только об интересе американцев к нашей стране, но и о значительности того вклада, который Д. Скотт внес в историографию советского общества, в укрепление культурных связей между народами СССР и США.

лишь назваие — Соцгород (города обещанного так и ие построили, тем более социалистического). В Коммунистическом уииверситете много и красиво говорилось о высоких идеях и планах, но в ходе партийных чисток раз за разом исчезали преподаватели.

И вот 1937-й. Шквал арестов. На комбинате. В горкоме. Идет массовое увольиеиие иностранцев. Уже под подозрением и сам Джои Скотт. Начались иелепые придирки к Маше. Семье пришлось уехать.

22 июня 1941 года гитлеровские полчища вторглись в СССР. И Джои Скотт взял в руки перо. Ои сиова встал в одии строй с теми, с кем добровольно пять лет работал на Магнитке, работал во имя будущего.

Приложеиие к данной книге (записи, сделаниые по поручению посольства США) дает богатую пищу для размышлеиий о иастроениях американского журналиста. Эти материалы, предиазначеиные для служебиого пользоваиия, хранятся в архиве. Впервые под названием «Заметки из Москвы» оии были опубликованы в качестве дополиеиия к третьему изданию книги Скотта, вышедшему в США в 1989 году. Теперь иазванные отрывки становятся достояиием советского читателя. Подобных источииков, посвященных довоеииым пятилеткам, до сих пор в нашей страие ие было. «Заметки из Москвы» состоят из трех частей: труд заключенных, вредительство, новые люди. Завершеиием служат выводы, сделанные после двухиедельной поездки по Уралу, посещеиия Свердловска, Магнитогорска, Челябинска.

Наше виимание к приложеиию не случайно. Оно является самостоятельным источииком. К тому же «Заметки из Москвы» вышли из-под пера автора тремя годами раньше, чем была написана книга. Сравнивая заметки с книгой, можио обнаружить, как измеиились взгляды Джоиа Скотта за это время. Не будем гадать, что думал ои в те дни о Сталине. В создании индустриального цеитра Урала Скотт увидел один из главных итогов политики, проводившейся в тридцатые годы.

Зиал ли американский автор о том, что комбинат в Магиитогорске предназначался для выпуска броневой стали, необходимой фронту, понимал ли, какой урон репрессии причинили кадровому корпусу Магиитки и всей страие? У читателя возникиут и другие вопросы, и пусть на них он ответит сам.

Л. И. Васькина

Предисловие

БУДНИ СТАЛИНИЗМА

В своей книге «За Уралом» Джон Скотт показывает нам, как бы в ритме замедленной киносъемки, как жили люди в тридцатые годы — в период формирования Советской системы. Скотт сосредоточивает внимание на поразительных деталях своей жизни и жизни тех людей, с которыми он познакомился в Магнитогорске — молодом индустриальном центре. В то же время он знакомит читателей и со своей интерпретацией больших проблем. Джон Скотт нарисовал захватывающую картину жизни Магнитогорска, справедливо считающуюся классическим описанием очевидца будней сталинизма.

Сейчас, через несколько десятилетий после смерти Сталина, мы все еще продолжаем спорить о сущности и истоках сталинизма, его взаимосвязи с Октябрьской революцией и о его влиянии на нашу оценку современного советского режима и общества.

Одним из приводящих в недоумение и ставящих в тупик аспектов этих дебатов по сталинизму продолжает оставаться тот факт, что, хотя многие советские граждане, жившие в сталинскую эпоху, с ужасом оглядываются на это время, многие другие вспоминают о нем как о наиболее полноценном периоде своей жизни. Книга Скотта помогает понять причины этого двойственного восприятия жизни при Сталине. Более того, описав в своей книге реальных людей, Скотт дает нам возможность увидеть, что трудности и репрессии уживались в сердцах и умах многих людей с чувством глубокого удовлетворения по поводу того, как разворачиваются события, и с оптимизмом в отношении будущего.

* * *

Джои Скотт родился 6 марта 1912 года в Филадельфнн. Его семья была довольио необычиой. Отец, Скотт Ннарннг, был профессором политической экоиомии в престнжной Уортоновской школе бизиеса прн Пеисильваиском уннверситете. Это был человек, известиый своими радикальнымн убеждеииями. В 1915 году профессора Ннарннга уволили за его позицию откровениого иеприятня капнтализма по вопросу об академическнх свободах — правах уннверснтетов н студенческого волеизъявлеиия, а в 1918 году за свою аитивоеииую деятельность он был обвииеи (хотя позже его оправдали) в аитиправительствеииой агитации. Скотт Ниариig стал члеиом сначала Социалистической, а затем Коммуиистической партии, из которой был исключен в 1929 году за отказ внестн в рукопись своей киити такие измеиеиия, чтобы оиа не противоречила лиини партни. И все же ои оставался радикалом до самой своей смерти, последовавшей в 1983 году, когда ему было сто лет. Ои опубликовал множество киит, причем все оин былн напнсаиы с позиций левых, включая работы, где он высказывает хорошее миеине об СССР, основаниое на впечатлеиия от поездок туда в 1925 году и позже *. Нелли Сидс, ставшая жеиой Ниаринга в 1908 году, также имела докторскую степеиь и вела активиую политическую деятельиость. У Ннарннгов было два сыиа, и старший нз них — Джои Скотт Ннариig.

Неудивительио, что, роднвшись н будучи воспитаииым в такой семье, Джои Скотт Ннариig в юиости сильно увлекался радикальиыми идеями и политической деятельиостью. В то же время он, по-видимому, противился оказываемому на иего огромиому давленню последовать примеру своих родителей, в особеииости отца, под чьнм влняиием и под сеиью авторитета которого жила вся семья. Джоиу было семиадцать или восемиадцать лет, когда ои изменил имя, чтобы сохраиить свою иидивидуальиость н иезависимость, отбросив «Ниариig» и став просто Джоиом Скоттом. Тем не менее ои сохраиил к об-

* Взгляд иа Советскую республику. Нью-Йорк, 1926. Библиография работ Ниариига даиа в автобиографической книге «Как я стал радикалом». Нью-Йорк, 1972.— *Примеч. автора.*

ществу, в котором жил, критическое отношение, воспринятое от родителей; оно даже усилилось под влиянием образования, полученного им за границей, где он учился в нескольких привилегированных школах, в том числе и в Швейцарии, где занимался французским и немецким языками еще до того, как поступил в колледж.

В 1929 году Джон Скотт начал учиться в Экспериментальном колледже Висконсинского университета, основанном в 1927 году Александром Меклджоном (1872—1964), новатором в области образования, который в 1920 году стал одним из основателей ACLU *. В Экспериментальном колледже обучение велось по программе для того времени радикальной: не было ни экзаменов, ни классов, профессора и учителя жили вместе со студентами, а курс, сфокусированный на изучении древнегреческой культуры, предусматривал анализ моральных и политических ценностных категорий западной цивилизации. Все то время, пока существовал Экспериментальный колледж, он привлекал к себе всеобщее внимание и пользовался заслуженной славой.

Будучи студентом Экспериментального колледжа, Джон Скотт мечтал стать писателем. В годы учения он написал роман и несколько эссе о культурной элите в древних Афинах и роли мыслителя и писателя в современной ему Америке. Среди его личных бумаг, хранящихся в историческом обществе штата Висконсин в Мэдисоне, есть эссе, написанное им в конце первого семестра, в котором он под псевдонимом Смизерс размышляет над программой своей учебы и о своем будущем:

Сейчас классовая борьба играет важную роль... Смизерс, твое место теперь в этой борьбе.

Но напрашивается интересный вопрос. Смог бы Смизерс сыграть бо́льшую роль в классовой борьбе, если бы он остался в своей маленькой белой комнате (убираемой горничными), объективно оценил всю проблему, а затем закончил бы курс обучения и стал бы лидером? Ответить на этот вопрос можно только отрицательно... Теперь надлежит вести работу среди самих рабочих...

Смизерсу надо забросить чтение трудов Платона и Аристофана и основательно заняться изучением марксизма и его современных интерпретаторов, таких как

* ACLU — American Civil Liberties Union — Американский Союз гражданских свобод.— *Примеч. переводчика.*

Ленин... Смизерс еще молод, и ему предстоит многому научиться, но он набирается знаний и начинает понимать, где его место. Он, может быть, останется в своей белой комнатке еще на некоторое время, но сконцентрирует свои усилия на анализе книг Маркса, а не Платона; он понимает, что должен быть с рабочими, помогая им создавать новый мир.

Скотт проучился в Экспериментальном колледже еще два семестра. Затем, зимой 1931 года, он решает принять участие в подлинном, реальном эксперименте, который в то время был у всех на устах, и отправиться в Советский Союз, где, как говорили, рабочие строят новый мир.

* * *

Довольно непросто сейчас воссоздать и дать почувствовать читателю то широко распространившееся в Америке после 1929 года ощущение, что в США жизнь идет не так, как надо, а в Советском Союзе происходит нечто чрезвычайно важное. В 1931 году Джон Скотт принял решение ехать в Советский Союз; это было время, когда Америку охватила великая депрессия: закрывались заводы, в стране появились миллионы безработных. В Советском Союзе, напротив, строили сотни новых заводов, безработица исчезла, и даже возникла острая нехватка рабочей силы. Как писал Артур Кёстлер, «если бы сама История взялась за дело, то и она не смогла бы более точно совместить эти события во времени: самый серьезный кризис западного мира совпал с начальным периодом промышленной революции в России... Контраст... был настолько велик и очевиден, что напрашивался столь же очевидный вывод: они — это будущее, а мы — прошлое» *.

Подобно тому как американская технология и цивилизация оказывали значительное влияние на большевиков, планы строительства в Советском Союзе производили глубокое впечатление на американцев. Ученые и просветители, промышленники и поэты — все хотели посетить «огромную лабораторию» новой России. Объявление,

* *Артур Кёстлер.* Стрела в ясном небе. Нью-Йорк, 1952. С. 277—278.— *Примеч. автора.*

появившееся в «Нейшн» 16 января 1929 года, призывало «ехать в Россию»:

В России тепло встретят интеллектуалов, общественных деятелей, профессионалов-специалистов, мужчин и женщин. Здесь Вы можете увидеть причудливое переплетение живописных национальностей, удивительную природу, великолепную архитектуру и экзотические цивилизации.

Редактор другого журнала, Рэй Лонг, расхваливал поездки в Советский Союз, называя их «самым интересным путешествием, которое сегодня можно предпринять», и окрестил советский эксперимент «важнейшим шагом человечества со времен зарождения христианства». Увлечение американцев Советским Союзом, в результате чего появилось несметное количество книг, написанных в новом фривольном жанре, названном «Страна, имеющая план», оказало свое влияние и на умы американских сторонников политических реформ. Эдмунд Уилсон обратился с призывом ко всем прогрессивным силам страны «отобрать коммунизм у коммунистов», а Чарльз Баэрд предлагал наметить «пятилетний план для Америки». Однако самая запоминающаяся фраза о новой Советской России принадлежит Линкольну Стивенсу, сказавшему: «Я побывал в будущем — и оно действует» *.

Тысячи американцев уезжали в эту незнакомую, далекую, загадочную страну советского социализма: некоторые — по политическим убеждениям, другие — в поисках работы, но было немало и таких, которые отправились туда в поисках приключений. Помимо известных и не очень известных «деятелей», совершавших поездки по Советскому Союзу, множество американских инженеров и квалифицированных рабочих ехали руководить или принимать участие в великих проектах пятилетнего плана. Эти американские специалисты не только играли важную и не всегда по достоинству оцененную роль в деле индустриализации Советского Союза, некоторые из них оставили ценные для нас описания своих впечатлений. Эти воспоминания, за исключением нескольких публикаций, похоронены на страницах никому не известных журналов или в архивах, разбросанных по всей территории Соединенных Штатов. Однако ни одна книга воспоминаний,

* *Питер Файлин.* Американцы и советский эксперимент. 1917—1933. Кембридж, 1967. С. 141, 196—197, 199, 242—243.— *Примеч. автора.*

какой бы интересной или важной она ни была, не идет ни в какое сравнение с книгой Джона Скотта.

Бросив учебу в Экспериментальном колледже, Скотт по совету отца решил овладеть какой-нибудь полезной специальностью, прежде чем отправиться в СССР. Поэтому он поступил на завод Дженерал Электрик в городе Шенектади штата Нью-Йорк, где несколько месяцев учился сварочному делу и получил документы, подтверждавшие его квалификацию и дававшие ему возможность работать сварщиком. Теперь он был готов к поездке, но все еще оставались некоторые трудности, например путешествие в Европу. В августе 1932 года он поехал в Амстердам вместе со своим отцом, где участвовал в работе антивоенного совещания в качестве члена американской делегации. Отец Скотта оплатил его путешествие из Америки в Европу. Здесь перед Джоном Скоттом встала новая задача — получить разрешение на поездку в СССР. Поскольку Советский Союз не имел дипломатического (официального) представительства в США до ноября 1933 года, Скотту пришлось проделать тот же путь, что и всем остальным (кроме тех немногих американцев, которые были наняты на работу советским торговым агентством Амторг в Нью-Йорке), то есть подать в советское посольство в Берлине заявление о выдаче ему визы на въезд в СССР. Получив визу осенью 1932 года, Скотт отправился в Москву на поезде. Этот студент американского колледжа, которому еще не исполнилось и двадцати лет, разочарованный жизнью в Америке времен великой депрессии, воспринимавший с большим энтузиазмом все, что происходило в Советской России, с острым умом и наблюдательностью, захватил с собою пишущую машинку «Корона» и отправился в путь, положивший начало самому большому приключению в его жизни.

* * *

Должно быть, когда Джон Скотт приехал в Магнитогорск, он был сильно разочарован. «Город» представлял собой плохо организованную, заваленную мусором и отходами, строительную площадку, где не было ни дорог, ни трубопроводов. Люди жили в наспех построенных, неотличимых друг от друга бараках, тянувшихся бесконечными рядами, и неприглядных домиках из земли,

дерна и соломы. В нескольких районах страны свирепствовал голод, и еды было чрезвычайно мало. Рабочие Магнитогорска одевались гораздо беднее, чем думали американцы. Часто происходили несчастные случаи. Санитарные условия были ужасающими, люди болели. Ежедневно тысячи людей приходили на строительство и покидали его, и все это скорее напоминало некую железнодорожную станцию с хаотичным движением поездов, нежели образцовый новый город. Как ни парадоксально, но новорожденный мир социализма больше походил на мрачную сцену времен зарождения капиталистического мира девятнадцатого столетия, как ее могли бы описать Маркс и Энгельс.

Джона Скотта несомненно поразили нищета и примитивные условия жизни, но нисколько не меньше изумили его энергия и целеустремленность, проявлявшиеся буквально во всем. В Магнитогорске он увидел неграмотных людей, учившихся читать, и неквалифицированных рабочих, овладевавших умением работать на станках и управлять оборудованием. Он видел, как полуголодные и плохо одетые рабочие трудились на комбинате по шестнадцать часов подряд, без перерыва. Какой энтузиазм! Люди работали, чтобы создать новый мир,— мир без эксплуатации и нищеты, они работали не на какого-нибудь хозяина, а на самих себя, и впереди им виделись горизонты прекрасного будущего. Скотту также передалось чувство всеобщего подъема, подогреваемого обещаниями и перспективами.

Как почти все в Магнитогорске, Скотт жил в бараке, хотя ему было предоставлено более удобное жилье. В то время на комбинате было три основных места проживания иностранцев: «Березка» (первоначально «Американка»), где сначала расселяли инженеров-иностранцев, но вскоре сделали анклав для местной советской элиты; дом (блок) № 7 Социалистического города — там жили несколько сотен иностранных рабочих и техников; и барак № 17, построенный на холме за Социалистическим городом. В пятидесяти комнатах этого барака жили сто человек — девяносто восемь немцев и два американца, одним из которых и был Джон Скотт.

Барак № 17 считался одним из лучших бараков в городе. Вокруг были огороды площадью в семь акров, за которыми ухаживали обитатели барака, большой и хорошо оборудованный «красный уголок» для отдыха и «ин-

сиаб» — специальный магазин для иностранцев, в котором по умеренным ценам продавались продукты лучшего качества. И все-таки барак оставался бараком: здесь не было водопровода, туалетов и ванных, а часто не было света или дров, чтобы отопливать комнаты.

Хотя Джон Скотт в основном довольно точно описал жизнь в бараке № 17, он несколько погрешил против истины в описании своего соседа по комнате, представив его как русского человека по имени Коля. Впрочем, эта литературная вольность совсем не означает, что образ Коли был исключительно плодом фантазии Джона Скотта, который несомненно был знаком со многими такими русскими.

Скотт свободно перемещался по городу, учился русскому языку вместе с русскими, у него было много друзей-русских. Один из очевидцев, отмечавший, что Скотт говорил по-русски и даже преподавал его иностранцам, подчеркивал, что «он был очень известным человеком среди русских» *.

В Магнитогорске Скотта знали как молодого энтузиаста. Один человек, знавший Скотта, упомянув о его образцовом поведении, с оттенком гордости рассказывал, что «Джек приехал в Советский Союз строить социализм» **. Еще один из живших в Магнитогорске в одно время с Джоном Скоттом говорил, что Скотт организовал выпуск стенной газеты на английском языке и выполнял многие другие поручения ***. Скотт сам пишет о том, что он посещал Коммунистический университет, а это было доступно только немногим избранным. Не более двух-трех процентов жителей Магнитогорска были членами Коммунистической партии даже до того, как начавшиеся в 1933 году партийные чистки сильно сократили численность ее рядов. Еще меньше людей были по-настоящему активными членами партии, и Джон Скотт был одним из таких людей.

В вечерней школе Скотт познакомился с учительницей Марией Ивановной Дикаревой — Машей, и, как он выразился, «был покорен ею». Маша, дочь бедного крестьянина из деревни, находившейся недалеко от Москвы в Тверской губернии (ныне Калининская область), училась в Москве

---

* Московские новости. 1934. 30 июня, 4 июля.— *Примеч. автора*
** Там же.— *Примеч автора.*
*** Там же. 1933. 26 мая, 30 сентября, 2 октября.— *Примеч. автора.*

и приехала в Магнитогорск в 1933 году. Сюда уже переселилась ее старшая сестра вместе с мужем, мелким чиновником, и поток писем от сестры, в которых рассказывалось о жизни в новом городе, побудил Машу, уже горевшую желанием ехать в Магнитогорск, отправиться в это путешествие в 1933 году. «Мне просто хотелось увидеть новые города»,— вспоминает Маша. «Я не знала, останусь ли там. Но потом решила остаться. В Магнитогорске было что-то светлое, яркое и интересное *».

Маша преподавала и училась сама. Она стала одной из первых двадцати выпускниц Магнитогорского педагогического института. Через семь месяцев после приезда в Магнитогорск Маша познакомилась с Джоном Скоттом в школе. Они играли в шахматы, ходили в кино и выезжали на пикники.

В 1934 году они поженились, а в 1935-м родился их первый ребенок, а в 1938-м — второй. Их брак длился до самой смерти Джона в 1976 году.

После свадьбы Маша повезла своего мужа в родную деревню, где отец Маши стал председателем нового колхоза.

Приезд американца, несомненно, наделал много шума. И в самом деле, такое невероятное событие должно было еще больше усилить впечатление, что в стране происходят значительные перемены. «Конечно, мы знали об Америке в нашей деревне»,— рассказывала Маша впоследствии Пёрл С. Бак. «Я помню, как после революции в нашем доме появился один журнал, там были фотографии красивых машин и прекрасных лошадей, и мой отец сказал нам: «Это американский журнал, и фотографии в нем американские». А мне он вот что еще говорил: «Знаешь, Маша, когда-нибудь в нашей стране тоже так будет. И у нас будут машины, и такие же красивые вещи, потому что сейчас мы уже положили этому начало» **. Молодая супружеская пара воплощала собой это новое начало.

В Магнитогорске чета Скоттов много работала и училась. Джон писал. Маша вспоминает: «Он все время писал. Каждый день он писал что-нибудь — заметки, рас-

---

* *Пёрл С. Бак.* Разговор о России (с Машей Скотт). Нью-Йорк, 1945. С. 94.— *Примеч. автора.*

** Там же.— *Примеч. автора.*

сказы. Он вечно стучал на своей пищущей машинке» *. Джон Скотт проводил помногу часов в местных архивах, брал интервью у государственных служащих, но большую часть времени просто наблюдал за всем происходящим. С самого начала он тщательно записывал свои впечатления о жизни в Советском Союзе. Читатель наверняка будет поражен полнотой описаний Скотта и чувством долга, которое он проявляет, рассказывая о чем-либо. Его любовь к деталям и подробностям была настолько велика, что когда он дает читателям колоссальный объем информации (которую практически было невозможно получить) о Свердловском авиационном заводе, то извиняется, что недостаточно хорошо разбирается в авиации, чтобы рассказать о технических деталях самих самолетов.

Джон Скотт скрупулезно ведет дневник лишений и трудностей того времени. Он описывает холод и нехватку топлива, ворчание в рабочих столовых и борьбу за то, чтобы не остаться голодным, работу в условиях, сопряженных с большим риском, часто происходившие несчастные случаи,— короче говоря, все, что видели и испытали на себе и он сам, и другие жители строящегося города стали. Точно так же он тщательно фиксирует использование труда заключенных, деятельность органов и политическое насилие. В отличие от многих других описаний того периода в Советском Союзе иностранцами Скотт не хочет приукрашивать увиденного им самим и остальными, однако не стремится и к сенсационности. Он рассматривает лишения и террор прямо и просто, но в то же время не делает их основной темой своей книги.

Не только описания Скоттом повседневной жизни и его манера повествования отличаются живостью и остротой. Притягательность книги заключается и в самой истории — истории создания за несколько коротких лет — чуть ли не по волшебству — огромного города-фабрики в местности, удаленной от всех населенных пунктов.

Основанный в 1929 году, Магнитогорск сразу же стал символом того революционного переустройства общества, которое было обещано Октябрьской революцией.

На южных склонах Уральских гор, на месте железорудных разработок, находящихся к востоку от Москвы, Советское правительство решило построить не просто

* Из интервью, взятого у Маши Скотт в ее доме в Коннектикуте 17 февраля 1986 года.— *Примеч. автора.*

сталелитейное предприятие. Этот завод должен был стать таким же большим и технологически современным, что и предприятие Гэри «Ю. С. стил компани», находившееся в штате Индиана, по модели которого, собственно говоря, и был построен Магнитогорский комбинат. В законченном виде «советский Гэри» должен был производить ежегодно столько же стали, сколько весь Советский Союз производил за год до начала пятилетнего плана!

Хотя строительные работы сильно отставали от намеченных по плану, а производство продукции не достигало намеченных цифр, к 1932 году Магнитогорский комбинат начал давать чугун, а к 1933 — сталь. Гигантское сталелитейное предприятие, оборудованное по последнему слову техники, в пустой степи созданное в такие короткие сроки,— неужели это возможно? Это казалось невероятным, но тем не менее такое предприятие было создано. «Говоря о наших достижениях, совсем не обязательно прибегать к статистическим данным и процентным соотношениям,— сказал народный комиссар тяжелой промышленности Григорий («Серго») Орджоникидзе в 1933 году в Магнитогорске аудитории, которая была готова верить всему.— Достаточно просто вспомнить, что в 1930 году здесь еще ничего не было» *.

К концу 30-х годов Магнитогорский комбинат давал десять процентов от всего количества стали, производимой в стране. Лишь наиболее упрямые апологеты отказывались признать ужасающие потери и неэффективность, но люди, которые, подобно Джону Скотту, работали в Магнитогорске, знали, что здесь не только совершаются грубые ошибки и допускаются просчеты. Было очевидно, что в стране идет индустриализация, и довольно быстрыми темпами.

Каждый день жители Магнитогорска становились свидетелями не только тягот повседневного существования, но и открывавшихся перед ними перспектив. Время, как писал в 1933 году Валентин Катаев в своем романе о Магнитогорске, быстро двигалось вперед **. С одной стороны, запряженные лошадьми повозки, тачки, перемешиваемый вручную цемент, лебедки и блоки, с другой — гигантские цеха бессемерования, многотонные ковши для раз-

---

* *Орджоникидзе Г. К.* Догнать и перегнать/Сб. статей и речей. М., 1957. Т. 2. С. 477.— *Примеч. автора*

** См.: *Катаев В.* Время, вперед!/Перевод Чарльза Маламута. Блумингтон, 1976.— *Примеч. автора.*

ливки стали, автоматические вагонетки и механизированные прокатные станы — все это составляло огромный контраст между технологией, применяемой в строительстве, и тем оборудованием, которое устанавливали на предприятии, между прошлым страны и ее будущим. Технология и революция: чугун, сталь и большевизм. «Магнитогорский сталелитейный завод,— трубили пропагандисты,— это живое доказательство того, что могут достигнуть большевики» *.

Вместе с колоссальным предприятием по производству стали Советское правительство планировало построить новый город — социалистический город будущего. Магнитогорск должен был стать городом, в котором все существовавшие до сих пор городские проблемы: перенаселенность, плохие санитарные условия, болезни, нищета и преступления — были бы решены. Социалистический город был мечтой о лучшем образе жизни, всеобщей грамотности, здоровье, справедливости, изобилии и счастье. Но город будущего в отличие от комбината так и не был построен.

Несмотря на то, что были сооружены два больших квартала жилых домов с красивыми общественными скверами и декоративными фонтанами, этот город скорее воспринимался как укор большевизму, нежели воплощение утопической фантазии. Даже после того, как сталелитейный завод дал свыше миллиона тонн стали, на страницах местной газеты все еще шли дебаты на тему о том, можно ли вообще считать городом Магнитогорск с населением в двести тысяч человек, но без канализационной системы, без постоянно действующей больницы, без чистой водопроводной воды, с несколькими мощеными улицами и жилым фондом, состоящим наполовину из деревянных бараков и на одну четверть из землянок **.

В главе «Социалистический город» Джон Скотт иногда пользуется этим названием, когда описывает тот квартал Магнитогорска, где жили он и Маша (в этой части города жили не более пятнадцати процентов населения), а иногда он использует это название применительно ко всем жилым кварталам Магнитогорска, не разъясняя, на каком основании весь город или часть его могли считаться социалистическими. Был ли Магнитогорск социа-

* Буксир (Магнитогорск) 1932. № 4. С. 2.— *Примеч. автора.*
** Магнитогорский рабочий. 1937. 1 января.— *Примеч. автора.*

листическим городом, и если да, то что делало его социалистическим?

Запроектированный город будущего стал жертвой отсутствия опыта, некомпетентности, нетерпеливости и прежде всего внутренней противоречивости самого замысла, ибо, несмотря на планы построить утопический город, Магнитогорск был обречен оставаться всего лишь поселением вокруг огромного и важного промышленного центра. Этот центр также был мечтой — мечтой о технологическом прыжке от деревянных плугов к автоматизированным сталелитейным цехам. Это была не просто мечта о лучшей жизни; она воплощала собой желание решить наиболее срочные и насущные проблемы. Как это ни кажется парадоксальным, предполагалось, что результатом строительства автоматизированных сталелитейных цехов будет счастливая жизнь.

История Магнитогорска — как и всех пятилеток — это история чугуна и стали, домен и мартеновских печей. Все остальное могло подождать. Теперь стране нужен был металл, и для этого была мобилизована вся страна.

Победа, победа любой ценой! Сталь, сталь и еще больше стали! Парады, кампании, речи, бесконечные цифры выпуска продукции, мировых рекордов и выполнения плана — эпический процесс социалистического строительства, возможно, лучше всего был заметен в Магнитогорске, однако он происходил на всей территории Советского Союза. Тридцатые годы были временем продуктовых карточек, бараков и колючей проволоки, временем строительства, героизма и ощутимого прогресса. Из многих тысяч свидетелей именно Джон Скотт лучше всех сумел уловить революционный настрой и дух надежд этого сумбурного и парадоксального периода.

Как и сам Скотт, читатель, возможно, будет озадаченно размышлять над тем, какова взаимосвязь между событиями 1933 года, о которых рассказывает глава «День в Магнитогорске», и событиями 1937—1938 годов, описываемых в главе «Административный аппарат и репрессии». Не приходится удивляться тому, что именно глава о чистках много раз переделывалась.

Совершенно очевидно, что события 1937—1938 годов поколебали веру Скотта в советскую систему. Многие из его друзей и товарищей по работе, совершенно неповинные, как он хорошо знал, ни в каких преступлениях, были арестованы. Самого Скотта заставили уйти с фаб-

рики, потому что он был иностранцем, Маше предъявляли серьезные обвинения на комсомольских собраниях, их друзей вызывали и допрашивали, и в конце концов даже конфисковали пишущую машинку «Корона» *.

В своих набросках для книги о Советском Союзе, которая так и не была написана, Джон Скотт дал одной главе следующее название: «Террор низводит технические успехи до бесчеловечности и деградации. Первоначальные надежды, связанные с принятием Конституции 1936 года, стали монстрами в руках ГПУ» **. Именно эту двойственность — экономический и социальный прогресс, противостоящий бессмысленному политическому подавлению и репрессиям,— было трудно понять Джону Скотту и многим другим людям, которые до этого находились под большим впечатлением от несомненной целеустремленности и энергии, которые могли наблюдать. Размышляя над тем, как Скотт объясняет причины террора, читатель должен помнить, что хотя его отважную попытку проанализировать этот процесс нельзя назвать удачной, даже сейчас специалисты, исследовавшие это историческое явление на протяжении нескольких десятилетий, все еще не могут дать убедительное объяснение феномену, продолжающему оставаться одним из самых больших загадок советской истории.

Несмотря на то, что преследования заставили его уехать из Магнитогорска, весьма примечательно, что Скотт не заканчивает на анализе этого процесса свой рассказ о жизни в Магнитогорске. Он, несомненно, был потрясен числом невинно пострадавших, однако понимал, что для большинства людей жизнь продолжается. Репрессии не заслонили собой того, что оставалось для Джона Скотта в Магнитогорске определяющим фактором — героическую борьбу за построение сталелитейного завода и нового образа жизни. Он пришел к весьма спорному выводу о том, что такую точку зрения разделяют большинство советских граждан. «Таким был Магнитогорск, где я провел пять лет своей жизни»,— писал Скотт в заключении к одному из первых вариантов своей книги. «Я оглядываюсь назад с чувством глубокого уважения ко всем тем, кто построил

* Государственное историческое общество. Мэдисон, Висконсин. Архив Джона Скотта. Заметки и наброски для книги «Советское государство» (время написания не указано).— *Примеч. автора.*
** Там же.— *Примеч. автора.*

его за такое короткое время в тяжелейших условиях. Это был жизнерадостный и оживленный город. Люди учились, с надеждой глядя в будущее и стремясь построить то, во что верили, по крайней мере, многие из них» *.

Читателю необходимо помнить, что Скотт писал свою книгу во время второй мировой войны — как раз в тот момент, когда были остановлены первоначальный молниеносный прорыв и наступление войск Вермахта на территорию Советского Союза. К тому времени, когда он начал готовить рукопись, то, что выглядело как полный разгром Советов, превратилось в победу, казавшуюся чудом. Чем можно было объяснить столь замечательный поворот событий? Откуда Советский Союз черпал возможности и силы противостоять бешеной атаке нацистов? Именно на эти вопросы искал ответа Джон Скотт, когда писал свои мемуары. Из последней части его книги становится ясно — у Скотта не было сомнений относительно того, что «помогает России выстоять».

Само название «За Уралом» позволяет понять основную задачу, поставленную Скоттом перед собой. У него было несколько альтернативных названий для книги: «Мечи для Советов», «Десять лет войн России», «Уральская крепость России» и «Уральская крепость Сталина». В этих заглавиях, от которых он отказался, Скотт пытается выразить то, что, по его мнению, является разгадкой военных успехов Советского Союза: во-первых, стратегически верное решение о размещении промышленности в районе Уральских гор, вне досягаемости сил любого захватчика, которое Скотт приписывает гению Сталина, а во-вторых, тот факт, что пятилетние планы предусматривали не только создание новых заводов и фабрик, но и обучение и профессиональную подготовку миллионов «новых» людей, которые могли бы приводить в действие станки и оборудование, а также принимали бы «политические реалии» правления Коммунистической партии, возлагая на этот режим определенные надежды, основанные на неписаном «общественном договоре».

Скотту, несомненно, удалось необычайно глубоко заглянуть в суть периода «социалистического строительства» и понять ту роль, которую этот период сыграл в

---

* Государственное историческое общество. Мэдисон, Висконсин. Архив Джона Скотта. Рукопись книги «За Уралом», сделанная на желтой бумаге.— *Примеч. автора.*

создании военного потенциала страны. Основываясь на своих собственных впечатлениях от жизни в далеком городе, он стремился понять истоки ставившей тогда всех в тупик способности Советского государства отвечать немцам ударом на удар, и это наверняка произвело глубокое впечатление на его современников. Понимание Скоттом сути происходившего тогда поражает нас и по сей день, хотя мы сегодня видим еще и размеры ошибок Гитлера, и значение географического положения. Советский Союз мог потерять территорию, равную по величине двум или трем Франциям, и все-таки продолжал вести военные действия.

В то же время Скотт высказывает некоторые суждения, которые мы могли бы оспаривать. У него была тенденция преувеличивать относительную значимость удивительно быстрого развития тяжелой промышленности к востоку от Урала. В то время как создавались новые отрасли промышленности в восточных регионах, пропорционально увеличивались и капиталовложения в уже существовавшие до этого индустриальные центры европейской части страны, в окрестностях Ленинграда и Москвы, а также на Украине. Скотт не знал точно (хотя ему и был известен сам факт), сколько именно предприятий, работавших на востоке и сыгравших важную роль в обеспечении ведения военных действий, были переброшены сюда перед этим из западных районов страны. Несомненно, имевшаяся на востоке современная индустриальная инфраструктура, к которой можно было подключить эвакуированные с запада страны заводы, позволила наиболее полно использовать производственные мощности перебазированных предприятий. Однако не совсем понятно, почему решение разместить новые заводы на Востоке должно считать заслугой одного Сталина. Более того, хотя эвакуацию и переброску предприятий можно считать большим достижением, сама необходимость подобных мероприятий была обусловлена чрезвычайной уязвимостью приграничных западных районов страны, сыгравшей критическую роль в начальный период войны. Перемещение промышленных предприятий в восточном направлении проводилось в обстановке хаоса, последовавшего за давно предсказанным вторжением Германии на территорию Советского Союза, и совершенно очевидно, что этот хаос явился результатом неспособности самого Сталина надлежащим образом подготовиться к войне, необходимость

и неизбежность которой он не признавал даже после того, как она уже началась.

Аплодируя Сталину за решение создать восточную промышленную базу и считая это дальновидностью советского лидера, Джон Скотт был также убежден, что сталинская политика индустриализации, в ходе которой делали бескомпромиссный упор на развитие тяжелой промышленности и не только пренебрегали производством потребительских товаров, но и с безразличной жестокостью относились к человеческим жизням, оправдала себя во время войны против нацистов. Однако нас все же изумляет то, что захват нацистами приблизительно половины всех советских промышленных предприятий не помешал Советскому Союзу стать в этой войне победителем. Разве этот факт, даже если оставить в стороне моральный аспект проблемы, не сводит на нет убежденность Скотта в том, что сталинская политика опасно быстрой индустриализации была необходима для выживания страны? А если мы также примем во внимание и то обстоятельство, что безумная скорость и некоторые иррациональные аспекты сталинской индустриализации сыграли значительную роль в том, как плохо работали многие новые и реконструированные предприятия еще долгое время спустя, когда тридцатые годы давно остались позади? Разве такие соображения не усиливают еще больше наш скептицизм в отношении мнения, что война убедительно доказала правильность сталинской политики как единственно верной? При той международной обстановке и ситуации в СССР существовали ли какие-нибудь другие, менее поспешные и менее жестокие способы индустриализации Советской России? Если существовали, то каковы они были и — что самое важное — почему этими альтернативными способами не воспользовались?

Эти вопросы, возникающие при чтении мемуаров Скотта, являются центральными. Ответив на них, мы сможем сделать выводы о возможности перемен в СССР. Можно найти много важной информации, необходимой для понимания современных проблем Советского Союза, читая живое и яркое исследование будней сталинизма, написанное Джоном Скоттом.

Стивен Коткин

Часть I

КРОВЬ, ПОТ И СЛЕЗЫ

Глава I

Решив уйти из Висконсинского университета в 1931 году, я сразу же открыл для себя новую Америку — Америку неурядиц, Америку, в которой молодым и энергичным энтузиастам предоставлялось мало возможностей применить свои способности.

Я был охвачен обычной жаждой странствий. Соединенные Штаты казались не подходящим для этого местом. Я задумал уехать куда-нибудь. До этого я уже три раза побывал в Европе. Теперь я хотел совершить экскурсию куда-нибудь подальше. Планы поездки на Аляску на мотоцикле, а оттуда в Сибирь и Китай на самодельной лодке так и не осуществились. Где я мог бы достать деньги на этот проект, и потом — что я стал бы делать в Китае? Вместо этого я начал искать работу в Нью-Йорке. Никакой работы не было.

Казалось, что-то случилось с Америкой. Я много читал о Советском Союзе, и постепенно пришел к выводу, что большевики нашли ответы по крайней мере на некоторые из тех вопросов, которые американцы задавали друг другу. Я решил поехать в Россию работать, учиться и помогать в строительстве общества, которое, казалось, было по меньшей мере на шаг впереди американского.

Прежде чем отправиться в Россию, я приобрел специальность, послушавшись мудрого родительского совета. Проработав несколько месяцев учеником сварщика на заводе «Дженерал электрик» в Шенектади, я получил удостоверение сварщика. Вооруженный этим удостоверением и рекомендациями Союза металлургов, активным членом которого я был, а также письмами от нескольких моих друзей, я отправился в Берлин, где обратился за разрешением на выдачу мне советской визы.

Около пяти недель я жил у друзей в Веддинге, ходил на коммунистические демонстрации и посещал бурные политические митинги, организованные различными партиями. Дела в Германии шли плохо. Меня потрясло, что тысячи крепких, здоровых мужчин и их семьи живут в Laubenkolonien — немецких Гувервиллях, в то время как целые кварталы многоквартирных домов, где они жили до этого, пустовали. Я был уверен, что в Советском Союзе такое не может происходить. В положенные сроки советская консульская машина выдавила из себя мою визу, и я отправился на поезде в Москву. Десять дней я метался между несколькими советскими организациями, пытаясь договориться об устройстве на работу. Трест сварщиков был бы очень рад предоставить мне работу. Им нужны были сварщики во многих местах. Тем не менее они не могли подписать со мной договор до тех пор, пока отдел виз не дал бы мне разрешение остаться в Советском Союзе в качестве рабочего. А эта последняя организация могла предоставлять такие разрешения только людям, имеющим работу. Ни одна из этих организаций ничего не хотела подтвердить письменно.

В конце концов договоренность была достигнута, и я выехал на поезде, идущем четыре дня до места под названием Магнитогорск, расположенного на восточных склонах Уральских гор.

Я был очень счастлив. В Советском Союзе не было безработицы. Большевики планировали свою экономику и предоставляли молодым людям много возможностей. Более того, им удавалось преодолеть фетишизацию материальных ценностей, которая, как учили меня мои добрые родители, была одним из основных зол нашей американской цивилизации. Я видел, что большинство русских едят только черный хлеб, носят один-единственный костюм до тех пор, пока тот не распадется на части, и пользуются старыми газетами, чтобы писать письма и официальные бумаги, скручивать папиросы, делать конверты, а также при отправлении естественных потребностей.

Я собирался участвовать в построении этого общества. Я намеревался стать одним из множества таких людей, которым было наплевать, будет ли у них вторая пара обуви, но которые строили собственные доменные печи. Шел сентябрь 1932 года, и мне было 20 лет.

Глава II

В 1940 году Уинстон Черчилль сообщил британской нации, что ей нечего ожидать, кроме крови, пота и слез. Страна вела военные действия. Британскому народу это не нравилось, но большинство британцев мирились с этим.

Начиная с 1931 года Советский Союз тоже вел войну, и люди проливали пот, кровь и слезы. Людей убивали и ранили, женщины и дети замерзали и погибали, миллионы голодали, тысячи проходили по судебным процессам и были расстреляны во время кампаний коллективизации и индустриализации. Я мог бы побиться об заклад, что только одна битва русских за создание черной металлургии повлекла за собой больше жертв, чем битва на Марне. В 30-е годы русские постоянно воевали.

Мне понадобилось очень мало времени, чтобы понять, что они едят черный хлеб в основном потому, что нет никакого другого, и носят лохмотья по той же причине.

В Магнитогорске я был брошен в битву. Я очутился на линии фронта чугуна и стали. Десятки тысяч людей терпеливо выносили невероятные трудности, чтобы построить доменные печи, и многие делали это по своей воле, охотно, с безграничным энтузиазмом, которым с первого дня своего приезда заразился и я.

Я окунулся в жизнь города со всем пылом и энергией, присущими молодости, одолел русскую грамматику, и через три месяца меня уже начали понимать. Я раздал бо́льшую часть одежды, привезенной из дома, и поэтому теперь был одет приблизительно так же, как и другие рабочие моей специальности. Я работал так усердно и хорошо, как только позволяли мои довольно-таки ограниченные профессиональная подготовка и опыт работы.

Я был щедро вознагражден. Мои товарищи по работе воспринимали меня как своего. Местные власти настаивали на том, чтобы я учился, и договорились, чтобы меня приняли в Комвуз — Коммунистический университет, куда обычно принимали только членов Компартии. Они же помогли мне договориться о поездках по стране.

В то время как политические лидеры в Москве заключали договор и плели интриги, я работал в Магнитогорске вместе с простыми людьми.

Я работал в Магнитогорске пять лет. Я увидел, как построили великолепный завод. Я увидел много пота, крови и слез.

Часть II

ДЕНЬ В МАГНИТОГОРСКЕ

Глава I

Громкнй гудок электростанцнн долго, низко н глухо пробаснл шесть часов. По всему широко раскниувшемуся городу-лагерю Магнитогорску рабочне вскакнвалн с постелей илн коек, одевалнсь, готовнлнсь к своему рабочему дню.

Я выкарабкался нз своей постелн н включил свет. Пока я будил своего соседа по комиате Колю, я наблюдал, как мое дыхание становнтся облачком пара в холодном воздухе комнаты. Мне каждое утро приходилось трястн его за плечо несколько секуид для того, чтобы он проснулся.

Мы застелнлн постелн нашнмн грубымн коричневыми солдатскимн одеялами н быстро оделись,— к счастью, у меня было амернканское хорошее длнниое шерстяиое белье, у Колн же не было ннчего, кроме хлопчатобумажиых трусов н трнкотажной майки. Потом мы иатянулн на себя армейскне рубашки, стеганые ватиые штаиы н куртки, теплые стеганые хлопчатобумажные брюкн н поиошеиные овчннные полушубкн, обмотали шею теплыми тяжелымн шарфамн, а иа ногн наделн хорошне русские «валенки» — войлочиые сапогн, доходящне до колен. Мы иичего не стали есть. У иас не было ннкакнх продуктов, кроме иескольких картофелин и чая, и ие хватнло бы времени разжечь огонь в нашей маленькой самодельной железной печке. Мы заперлн дверь н отправились иа работу.

Это было в январе 1933 года. Температура воздуха была около трндцатн пятн градусов нпже нуля.

Ннзннкн былн прнпорошены легким сиежком, а на возвышенностях голая земля была тверда, как железо.

Несколько звезд потрескивало в холодном небе, на доменных печах мерцали электрические лампочки. Весь остальной мир был уныл, холоден и погружен в почти непроницаемый мрак.

Доменные печи находились на расстоянии двух миль, дорога была каменистой и неровной. Ветра не было, поэтому носы у нас не мерзли. Я всегда радовался, когда утром не было ветра. Это была моя первая зима в России, и я еще не привык к холоду.

У подножия доменной печи № 4 находился деревянный сарайчик. Это было нехитрое сооружение из досок, крыша которого была сделана из кусков рифленого железа, прибитых как попало. Бо́льшую часть единственной комнаты в этом сарайчике занимала огромная железная печь, укрепленная на основании из полудюймовой стали и находившаяся на равном расстоянии от каждой стены. Не позже половины седьмого мы с Колей бодро подошли к двери сарайчика и распахнули ее. В комнате было темно и холодно. Несколько мгновений Коля шарил в темноте, прежде чем нащупал выключатель и зажег свет. Комната освещалась большой пятисотваттной электрической лампочкой, свисавшей с потолка и заливавшей каждый уголок ослепительным светом. У стен стояли деревянные скамьи и старый стол, а в углу — две колченогие табуретки. Напротив входной двери находилось огромное подсобное помещение, где на стенах висели ацетиленовые сварочные аппараты, шланги и брандспойты, гаечные ключи и другие инструменты. На грязном полу в полном беспорядке валялись электроды и карбидные генераторы. В подсобке были два косоглазых окошка. На одной из стен подсобки висел телефон. Коле, мастеру-сварщику, было двадцать два года. Это был широкоплечий парень, довольно худой, и лицо его имело мертвенно-бледный оттенок, который, впрочем, был у многих людей, увиденных мной в Магнитогорске в 1933 году. Его взлохмаченные длинные волосы цвета древесных опилок выбивались из-под меховой шапки. Овчинный полушубок на нем был во многих местах порван, так как ему приходилось часто ползать, извиваясь как червяк, по узким проходам и трубам. Из прорех торчала овечья шерсть, напоминавшая усы польского таможенника. Подметки валенок протерлись. У него грязные, мозолистые руки, а лицо его и манера вести себя чрезвычайно энергичны.

Зазвоиил телефои. Коля подиял трубку и хрипло сказал: «Кого вам? Да, это я. Нет, ие знаю. Пока еще иикого иет. Позвоните через полчаса». Ои повесил трубку, расстегиул полушубок и высморкался на пол. Я пошел в подсобку и достал иашу аварийную плитку-обогреватель. Это было приспособлеиие, состоявшее из железиой рамы, обмотанной кое-как асбестовыми прокладками и трехмиллиметровой стальиой проволокой. Я поставил ее рядом со столом, а Коля взял два коица проволоки н присоедииил их к общей электропроводке иа стеие. Свет электрической лампочкн слегка померк, раздалось гудеиие, по которому можио было поиять, что у спирали иизкое сопротнвленне — н меиьше чем через мииуту спираль раскалнлась докрасна. Коля удовлетвореино хмыкиул, перевернул патрон от лампочки, служнвшнй чернильницей, н поставил его иа пол рядом с обогревателем. Ожидая, чтобы чернила оттаяли, он выдвинул ящик стола н вытащнл оттуда какие-то грязиые ветхие бумаги.

Дверь отворилась, н иа пороге появились две фигуры в овчнниных полушубках. «Прнвет, ребята, как иасчет огонька?» — сказал Коля, ие поднимая головы. «Мы же ие можем обогревать всю комиату электричеством». Два вошедшнх моитажинка размоталн шарфы, укутывавшие нх до иоса, снялн рукавицы и стерли иалипший иа ресницах иней. «Холодно,— сказал один из иих.— Надо закурнть». Оии подошли к электроплитке, досталн старую газету н мешочек с «махоркой» — очень дешевым сортом табака — н свернулн из газеты самокрутки, по размеру напомииавшие гаваиские снгары. Я сделал то же самое, и мы прнкурнли от электроплиткн. Моитажинки были довольио молоды. Их голубые крестьянские глаза смотрелн ясно и простодушно, ио иа давно небрнтых щеках и иа лбу видиелнсь шрамы, оставшиеся после обмороження, рукн огрубели и были покрыты грязью. Дверь снова отворнлась, н в комнату вошел бородатый человек лет пятндесятн с иебольшнм. Ои был такой высокнй, что ему пришлось иагиуться, чтобы ие стукиуться о притолоку. «Доброе утро, товарищи»,— пророкотал он добродушио.

— Слушай, Кузьмин,— Коля подиял голову,— разожгн печку, а? Если придет иачальиик и увндит, что здесь тепло, а включеиа только электрическая плитка, ои такой шум подиимет!

— Кто это вндел, чтобы начальиик приходил сюда в

половине седьмого? — сказал один из монтажников, перекатив свою огромную самокрутку в угол рта.

Кузьмин добродушно улыбнулся. «Ладно»,— сказал он, не обращая никакого внимания на последнее замечание монтажника, и открыл дверцу большой железной печи. Видя, что Кузьмин и в самом деле собирается развести огонь, оба монтажника присоединились к нему, и через пять минут печка наполнилась дровами, большая часть которых была взята из кучи железнодорожных шпал рядом с сарайчиком. Когда Кузьмин вылил в печку около пинты бензина из горелки, Коля отвернулся и стал смотреть в другую сторону. Один из монтажников бросил спичку в поддувало, окна задребезжали от глухого взрыва, и в печи заревел огонь.

Один за другим приходили рабочие и тут же спешили к печке согреть замерзшие руки, ноги и лица. Примерно без двадцати семь вошел Иванов, мастер монтажников, пожал руку Коле и поднял телефонную трубку. Это был широкоплечий мужчина средних лет; на лице, изборожденном глубокими морщинами, в уголках рта застыло удивленное выражение. Поляк по национальности, он три года сражался в рядах Красной Армии, вступил в партию, а потом работал на строительстве мостов от Варшавы до Иркутска. После неудачной попытки дозвониться до склада и получить какие-то необходимые ему болты, Иванов повесил трубку и, взяв за руку Колю, сказал: «Пойдем посмотрим, что надо делать». На ходу запихивая в карман свернутые в рулон планы и добродушно поругивая мороз, начальника склада, иностранцев, запроектировавших стальные конструкции с полутораи дюймовыми болтами, и телефонистку, оба мастера вышли из сарайчика.

Тем временем железная печь раскалилась чуть ли не докрасна, а рабочие, окружавшие ее все более плотным кольцом, курили и разговаривали.

— Не знаю, что нам делать с нашей коровой,— сказал один молодой парень с паяльной лампой, которая была заткнута за пояс, сделанный из куска старой веревки. Он грустно потер подбородок тыльной стороной огрубевшей руки. Сквозь стены сарайчика, фундамент доменной печи, груды стропил и двухсотмильное пространство заснеженной степи он видел маленькую деревеньку, из которой уехал шесть месяцев назад.

— Мы две недели сюда добирались,— серьезно рас-

сказывал он сварщику с бакенбардами, сидевшему рядом с ним.— Шли по степи, мешки несли на спине и гнали эту проклятую корову, а теперь она не дает молока.

— Чем же ты ее кормишь? — спросил сварщик задумчиво.

— Вот в том-то и дело,— сказал молодой подмастерье, стукнув по колену.— Надо же, пройти весь этот путь до Магнитогорска из-за того, что на строительстве есть хлеб и работа, и обнаружить, что мы даже корову прокормить не можем, не то что себя. Кто-нибудь ел в столовой сегодня утром?

— Да, я пытался,— ответил один симпатичный парень,— только 50 граммов хлеба и этот чертов суп, который, кажется, сварен из спичек. Он пожал плечами и сплюнул на пол между коленями.

— Ну что же, если мы собираемся строить доменные печи, то, я думаю, придется некоторое время есть поменьше.

— Конечно,— сказал другой сварщик на ломаном русском,— а ты думаешь, что где-нибудь лучше? У нас в Польше мы уже сколько лет ни разу хорошо не ели. Вот вся наша деревня и перешла советскую границу. Смешно — мы-то думали, что здесь побольше еды.

Владек — сварщик-поляк — был одним из множества людей, недовольных своей жизнью в Польше Пилсудского и буквально горевших энтузиазмом строить социализм. Это слово пересекло территорию Белоруссии и миновало заслон польских пограничников и цензуры. Все эти люди отправились в путь, взяв с собой только то, что могли унести, чтобы трудиться бок о бок с советскими рабочими. Когда Владек заговорил, все рабочие, стоявшие рядом с ним, повернулись и стали с интересом слушать.

— Послушай,— обратился к нему один молодой рабочий,— а почему вы в Польше не совершили революцию?

— Ты что же думаешь, они не пытаются это сделать? — спросил грузный монтажник.— Комсомол в Польше — организация замечательная.

Владек наморщил нос:

— Да, но это не так просто, как кажется,— заметил он спокойно.— Тебя сажают в тюрьму, тебя бьют, вот и попробуй — соверши революцию.

— Ну мне-то ты это не рассказывай,— сказал Кузьмин.— Наш полк на галицийском фронте восстал, мы

перебили офицеров, освободили наших товарищей из тюрьмы, а потом вернулись домой и забрали землю.

В этот момент в комнату с шумом ворвался молодой атлетического сложения сварщик и протолкался к печке.

— Ну и мороз! — сказал, он, обращаясь ко всем находившимся в комнате.— Я думаю, мы сегодня не будем работать наверху. Один клепальщик замерз там вчера вечером. Кажется, он был в одной из труб рядом с предохранительным клапаном, и его так и не смогли найти до сегодняшнего утра.

— Правда? — сказали все в один голос.— А кто это был?

Но никто не знал. Это был просто один из тысяч крестьян и молодых рабочих, приехавших в Магнитогорск за хлебной карточкой, или потому, что жизнь в деревнях после коллективизации была довольно тяжела, а может потому, что они были полны энтузиазма и хотели строить социализм.

Глава II

К этому времени я более или менее согрелся и, обмотав лицо шарфом, вышел вслед за двумя мастерами. Они уже поднялись по шаткой деревянной лестнице и шли вдоль подножия доменной печи, разглядывая многотонные стальные конструкции, которые устанавливали со всех сторон. Над их головами висела газоотводная труба диаметром около трех метров, одна секция которой еще не была сварена. Слева от них вздымались громадные конические заплечики четвертой доменной печи. Мастера прошли через литейную к доменной печи № 3. Несколько лампочек тускло освещало место работ. Мелькали фигуры суетившихся людей: каменщиков, разнорабочих, механиков, электриков, которые готовились к дневной смене. Я догнал мастеров, и мы втроем забрались на верх домны № 3. Здесь мы увидели небольшую группу клепальщиков, молча стоявших вокруг бесформенной массы, лежавшей на деревянных мостках. Нам сказали, что это и есть замерзший клепальщик. Удостоверившись, что уже послали за носилками, чтобы отнести тело вниз, мы поднялись на самый верх посмотреть, какую работу предстоит сделать в этот день.

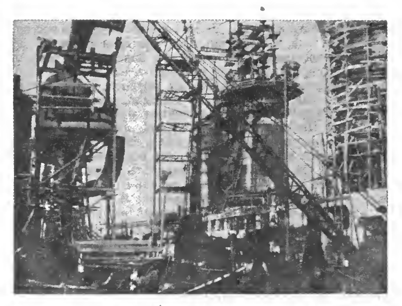

Рис. 1. Строительство доменных печей № 1 и № 2, 1931 г.

— Ну как учеба? — спросил Иванов.— Ты скоро техииком будешь, да, Коля?

— Довольно трудио учиться, когда так холодно,— сказал Коля.— Мы берем с собой в класс рукавицы. Угля ие хватает.

— Да, зиаю,— сказал Иваиов сочувствеино.— Учиться трудио, ио черт побери, если хочешь учиться, то иадо потрудиться.

К тому времеии, как раздался семичасовой гудок, в сарайчике уже собрался иарод: моитажиики, такелажиики, сварщики, тесальщики и их помощиики. В бригаде было миого людей разных национальиостей: русские, украиицы, татары, моиголы, евреи; большинство были молоды, и почти все — вчерашние крестьяие, хотя иекоторые — как Иваиов — имели большой опыт работы в промышлеиности. Вот, иапример, Попов. Десять лет он был сварщиком и работал в полудюжиие городов. Татарии Хайбулии иикогда ие видел лестницы, паровоза или электрического света, пока год иазад ие приехал в Магиитогорск. Его предки веками выращивали скот иа равнинах Казахстаиа. Оии имели весьма смутное представление о царском правительстве, одиако им приходилось

платить налоги и подати. До них доходили вести о восстании 1916 года в Киргизии. Они слышали рассказы об Октябрьской революции; они даже видели, как пришли отряды Красной Армии и прогнали нескольких богатых землевладельцев. Они ходили на митинги, организованные Советами, не очень ясно понимая, что это значит, но все это время жизнь их шла почти так же, как и прежде. А теперь Шаймат Хайбулин строил доменную печь — самую большую в Европе. Он уже умел читать и ходил на занятия в вечернюю школу, где осваивал профессию электрика. Он научился разговаривать по-русски, читал газеты. Его жизнь изменилась за один год больше, чем жизнь его предков со времен Тамерлана.

Иванов, Коля и я вошли в сарайчик как раз в тот момент, когда раздался гудок. Бригадир * тесальщиков уже стоял в центре комнаты, распределяя людей по участкам на время сегодняшних работ. Сварщики собирали электроды и застегивали свои полушубки. Некоторые осматривали шланги, смачно ругаясь, когда находили на них промерзшие места или когда возникали споры о сварочных аппаратах, генераторах или гаечных ключах. К тому времени, как умолк гудок, большинство людей уже вышли из комнаты, весело насвистывая, подшучивая друг над другом и ругая холода.

Мастера уселись вокруг стола. Непрерывно звонил телефон: на участке бессемерования чугуна нужен был сварщик; два монтажника из бригады, работающей на строительстве газопровода в мартеновском цехе, не вышли на работу. Бригада не могла без них поднять и установить следующий отрезок трубы газопровода. Иванов ругал прогульщиков, их матерей и бабушек. Потом он вышел, чтобы попросить двух человек в другой бригаде. Коля составил список сварщиков и выполняемых ими работ. Он написал его на газете полузамерзшей жидкой грязью вместо чернил. Этот список был тем документом, на основании которого рабочим должны были оплатить сегодняшний труд. Он сунул список в карман и пошел смотреть, как обстоит дело с трубой газопровода. Я взял свою маску и отправился к домне № 3. По пути встретил Шабкова, бывшего кулака; это был здоровенный парень

* Бригадир — небольшой начальник, «десятник», возглавляющий группу (бригаду) из 8—10 человек и подчиняющийся мастеру.— *Примеч. автора.*

с красным лицом, веселый и добродушный, на левой руке у него не хватало двух пальцев.

— Ну, Джек, как дела? — спросил он, хлопнув меня по спине. С русским у меня пока еще было неважно, но все же я мог поддерживать простую беседу и понимал почти все, что говорили.

— Плохо,— ответил я.— Все наше оборудование замерзает. Половину времени ребята отогревают руки.

— Ничего,— сказал лишенный гражданских прав бывший кулак, а ныне бригадир монтажников.— Если бы ты жил там же, где и я, в палатке, ты бы не думал, что здесь так уж холодно.

— Я знаю, ребята, что вам тяжело приходится,— сказал подошедший к нам Попов.— Это все потому, что вы кулаки.

Шабков широко улыбнулся.

— Слушай, я не хочу затевать политическую дискуссию, но многие из тех, кто живет в «специальном» районе города, такие же кулаки, как и ты.

Попов засмеялся.

— Я бы не очень этому удивился. А вот скажи мне: как решали, кого надо раскулачивать?

— Ну, а,— сказал Шабков,— разве можно, черт подери, задавать такой вопрос человеку, старающемуся честным трудом искупить свои преступления. Хотя, между нами говоря, обычно бывало так: крестьяне — бедняки деревни — приходят на собрание и решают: «У такого-то шесть лошадей; колхоз не сможет хорошо работать, если у него не будет этих лошадей, а кроме того, он в прошлом году нанял человека помогать ему с уборкой урожая. Они дают знать в ГПУ — и этим все заканчивается. Этот человек получает пять лет. Его имущество конфискуют и передают новому колхозу. Иногда высылают всю семью. Когда пришли нас выселять, мой брат взял винтовку и несколько раз выстрелил в офицеров ГПУ. Они стали отстреливаться. Брата моего убили. От этого нам, конечно, лучше не стало. Нам всем дали по пять лет и отправили в разные места. Я слышал, что в декабре умер мой отец, но точно не знаю.

Шабков вытащил свой холщовый кисет, несколько свернутых газет и сунул все это Попову.

— Покуришь кулацкого табаку? — Он мрачно усмехнулся. Попов воспользовался этой возможностью покурить и скрутил сигарету.

— Да. Столько всего происходит, а мы об этом почти ничего не знаем. Но посмотри, сколько мы делаем. Через несколько лет мы в промышленности всех обгоним. У каждого из нас будут автомобили и не останется никаких различий между кулаками и остальными.— Попов драматическим жестом указал на высящуюся поблизости доменную печь. Потом он снова повернулся к Шабкову.

— Ты грамотный?

— Да,— ответил Шабков.— Я три года учился. Я даже немного алгебру знаю. Но теперь — на кой черт мне это? Даже если бы у меня было хорошее образование, мне бы все равно теперь не дали никакой другой работы кроме этой. Так зачем мне учиться? Да меня никуда и не примут — разве что в начальную школу. А когда я добираюсь до дома, мне хочется только выпить и отдохнуть.— Шабков щелкнул по своему горлу указательным пальцем — для любого русского это был символический жест, обозначающий слово «выпить». Мы подошли к домне № 3. Шабков полез вверх по лестнице и исчез среди стальных конструкций. Попов, нахмурившись, смотрел ему вслед. Шабков был одним из лучших бригадиров на всем предприятии. Он не жалел ни себя, ни тех, кто работал под его началом, и у него была хорошая голова на плечах. И все же он был кулак, отбывающий срок наказания, живущий в специальном районе города под наблюдением ГПУ. Это был классовый враг. Да, непонятно все это, странно. Этого Попов так и не мог понять.

Я и Попов начали сваривать отрезок отводной трубы на доменной печи. В первый час работы он дал мне отдохнуть, занявшись сваркой. Потом мы поменялись. С высоких лесов, почти в ста футах от земли, мне было видно, как Коля обходит свою бригаду из тридцати человек, помогая тем, у кого что-то не ладится, и ругая их, когда они слишком долго просиживают, грея руки. Люди в ответ тоже ругали Колю: то за шаткие леса, то за низкую зарплату.

Глава III

Было около четверти десятого, когда я закончил одну сторону трубы и обошел ее вокруг, чтобы приступить к сварке другой части. Мостки были покрыты дюймовым слоем льда, как и все вокруг доменных печей. Пар, под-

нимавшийся из большого резервуара с горячей водой, конденсировался и образовывал слой льда. Но помимо того, что было скользко, мостки и сами по себе были очень ненадежны, потому что висели на тросах и раскачивались. Когда я ходил по ним, то они шатались и тряслись. Я всегда старался держаться за что-нибудь, если это было возможно. Не успел я приступить к сварке, как услышал чей-то крик, и что-то со свистом пролетело вниз мимо меня. Это был монтажник, работавший на самом верху.

Он, как мячик, стукнулся об отводную трубу, которая, вероятно, спасла ему жизнь. Вместо того, чтобы упасть прямо на землю с огромной высоты, он приземлился на основной платформе, футах в пятнадцати подо мной. К тому времени, когда я до него добрался, у него изо рта била кровь. Он пробовал крикнуть, но не мог. Ни одного мастера поблизости не было, а полдюжины подбежавших рабочих не знали, что делать. Поскольку я был иностранцем, то пользовался некоторым авторитетом. Я протиснулся вперед и сказал, что он может истечь кровью и умереть, если мы будем ждать, пока принесут носилки, так что мы втроем подняли его и понесли вниз на станцию скорой помощи. Примерно на полпути кровотечение ослабело, и он начал кричать при каждом нашем шаге. Я и сам был в состоянии шока, пока мы наконец не добрались до места, а два молодых монтажника дрожали как осиновый лист. Мы внесли его в маленькое деревянное здание, и медсестра, закутанная в теплый платок поверх белого халата, показала нам, куда его положить.

— Я жду доктора с минуты на минуту,— сказала она.— Это хорошо, а то я просто не знаю, что с ним делать.

В горле у монтажника клокотало и булькало, он стонал. Глаза его были широко открыты, и, казалось, он был в сознании, но ничего не говорил.

— Мы вообще-то должны его раздеть, но здесь так холодно, что я боюсь это делать,— сказала медсестра. Как раз в эту минуту вошел доктор. Я его знал. Он как-то раз делал мне перевязку, когда мне на ногу упал кусок чугунной чушки. Он снял тулуп необъятных размеров и вымыл руки.

— Упал? — спросил он, кивком головы указывая на монтажника.

— Да,— ответил я.

— Когда это произошло?

— Около десяти минут назад.

— А это что? — спросил доктор, глядя на медсестру и показывая ногой в угол комнаты. Я тоже посмотрел в ту сторону и только теперь заметил пару поношенных валенок, торчащих из-под очень грязного одеяла на полу.

— Ему на голову балка упала,— ответила медсестра.

— Ну,— сказал доктор, засучивая рукава,— посмотрим, что можно сделать для этого парня.

Он подошел к монтажнику, который теперь лежал очень тихо, глядя на старого бородатого доктора голубыми глазами, полными слез. Я повернулся и хотел было уйти, но доктор остановил меня.

— Когда будете выходить, пожалуйста, позвоните в фабричный отдел здравоохранения и скажите им, что мне просто необходимо, чтобы здесь лучше топили,— попросил он.

Я сделал все, что мог: позвонил по телефону и на своем ломаном русском постарался им передать эту просьбу, но единственное чего добился в ответ, было:

— Товарищ, к сожалению, угля нет.

Я, пошатываясь, возвращался обратно к отводной трубке домны № 3, когда меня окликнул Коля.

— Не ходи пока наверх, на том генераторе, от которого работал твой сварочный аппарат, перегорели щетки. Их починят не раньше чем через полчаса.

Я пошел к конторе вместе с Колей и рассказал ему о монтажнике. Меня трясло от ярости, и я заговорил о том, что надо тщательно проверить все мостки и леса. Колю это не заинтересовало. Он сказал, что для хороших подмостков не хватает досок, что монтажники — это в основном деревенские парни, которые и понятия не имеют, что надо быть осторожными и что при тридцати пяти градусах ниже нуля, да еще и не позавтракав, не очень-то обращаешь внимание на то, что следовало бы заметить.

— Конечно, люди падают и будут падать. Но мы ведь все равно будем строить доменные печи, правда? — И он махнул рукой в сторону доменной печи № 2, над которой виднелось красное зарево, отбрасываемое расплавленным чугуном. Коля увидел, что я не удовлетворен его ответом. «Надо дать этому слегка изнеженному иностранцу — маменькину сынку немного успокоиться»,— наверное, подумал Коля. Он похлопал меня по спине.

— Пойдем в контору. Сейчас у нас начнется техническое совещание. Тебе будет интересно.

Рис. 2. Бригада, работавшая на строительстве доменных печей, начало 30-х годов. Джон Скотт — единственный улыбающийся человек на фотографии — сидит во втором ряду (крайний слева)

Глава IV

Часов в десять утра в деревянном сарайчике собралась группа людей, совсем не похожих на тех, кто был здесь три часа назад. Первым появился Сёмичкин, начальник производства. Потом пришел мистер Гаррис, американский консультант-специалист, со своим переводчиком, а вслед за ним — Тищенко, грузный, угрюмый специалист-заключенный *. Они пришли в сарайчик друг за другом, расстегнули свои пальто, погрели руки и затем приступили к обсуждению чертежей и планов. Мистер

* Специалисты-заключенные — несколько тысяч видных инженеров и ученых, осужденных за антисоветскую деятельность в конце двадцатых годов и высланных в отдаленные промышленные города и на стройки, где они работали на ответственных административных и технических постах.— *Примеч. автора.*

Гаррис достал пачку туго набитых сигарет «Кузбасс», продававшихся в специальном магазине для иностранцев. Он протянул ее и, улыбаясь, предложил всем закурить. Никто не отказался. Только что вошедший Коля присоединился ко всем остальным и тоже взял одну сигарету.

— Ну,— сказал мистер Гаррис через своего немногословного переводчика,— и когда вы думаете закончить клепальные работы в верхней части домны № 3? Мне сообщили о новых сроках завершения работ. Вся верхняя часть должна быть закончена к двадцать пятому числу. Остается десять дней.

Главный инженер Тищенко пожал плечами. Осужденный за саботаж по делу Рамзина в 1929 году, он сначала был приговорен к расстрелу, потом приговор заменили на более мягкий, и теперь он отбывал десятилетний срок наказания в Магнитогорске. Тищенко ответил не сразу. Он вообще был скуп на слова. До революции он работал ответственным инженером в одной бельгийской компании на Украине. Тогда у него был собственный дом, он играл в теннис с британским консулом, отправил сына в Париж учиться музыке. Теперь это был старый, совершенно седой человек. С 1917 года он слышал много разговоров, и решил для себя, что большинство из них пусты и бесполезны. Он выполнял свою работу методично, но без энтузиазма. Он хотел думать, что помогает строить сильную Россию, где когда-нибудь жизнь будет лучше, чем у его сына в Париже или у его сестры в Лондоне. Хотя сейчас это, конечно, было еще не так.

Мистер Гаррис взглянул на Тищенко. Он понимал положение и точку зрения этого старого человека и уважал его молчание. Однако он был инженером-консультантом, которому платили кругленькую сумму в американских долларах, снабжали его икрой в стране, где не хватало хлеба и совсем не было сахара, для того, чтобы он продвигал строительство Магнитки. Он настойчиво добивался ответа на свой вопрос. И наконец, Тищенко медленно произнес:

— Прошлой ночью замерз и умер один клепальщик. Холод и плохое питание. Сегодня утром четверо из тех девушек, которые должны нагревать заклепки, не вышли на работу. Две из них беременны, а наверху, я думаю, холодно. Плохо работает компрессор.

Он замолчал, понимая, что все это не имеет никакого отношения к обсуждаемому вопросу. Если он скажет,

что работа будет закоичеиа к двадцать пятому, то он будет лжецом и лицемером, и мистеру Гаррису это тоже будет понятно. Если же он скажет, что на это потребуется больше времени и в этот срок не уложиться, то тем самым он саботирует решение наркома тяжелой промышленности. Он уже отбывает срок наказания за саботаж. Тищеико посмотрел иа пыльиое окно.

— На это потребуется по меиьшей мере месяц,— произнес ои.

— У меня приблизительно такое же мнение,— сказал мистер Гаррис,— но кое-что придется сделать, и притом иемедлеино, ииаче понадобится еще больше времени.

Оии достали свои караидаши, чертежи, планы н иачали спокойно и серьезно обсуждать, какие меры иеобходимо предпринять, чтобы обеспечить окончание работ наверху домиы № 3 за время, в три раза превышающее отпущеииое.

Сёмичкин наблюдал. Его отношеиие к разговору было двойствеииым. Этим «буржуям» иепоиятно, что такое большевистские темпы. Они не понимают рабочий класс. Одиако оии разбираются в доменных печах — и намиого лучше, чем он сам. У них за плечами многолетний опыт строительства сталелитейиых предприятий в нескольких страиах, в то время как он, Сёмичкин, всего лишь год иазад закоичил высшую школу, пройдя довольно поверхностный курс обучения инжеиерному делу. Когда дело касалось таких вопросов, как сооружение фурмы или расположеиие водяиых рубашек — кессонов, то эти два человека наизусть знали, как была построеиа любая большая доменная печь в мире. Он же, Сёмичкин, смутио представлял себе, где находится Берлин, и знал, что Париж находится еще дальше.

Дверь отворилась, и вошел Шевченко. Это был один из самых больших активистов среди технического персонала. Его подчиыеииые иазывали его ииженером, но на самом деле он закоичил только Иистипут красиых директоров, вступил в партию в 1923 году, был профсоюзным деятелем, партийиым работником и директором большой стройки в Донбассе. У него были довольно ограиичен-ные познания в технике, и по-русски он писал с ошибками. Сейчас это был заместитель директора строительства, возглавлявший работу одного из участков. За выполиеиие планов по строительству он отвечал перед директором и партийным руководством.

Но Шевченко еще много лет назад понял, что для него гораздо важнее сделать так, чтобы казалось, будто он со своим делом справляется, у него все в порядке, нежели чтобы работа в целом шла как можно быстрее. Это на собраниях хорошо говорить о строительстве социализма и Урало-Кузнецкого комбината; для него эти вопросы были трюизмами, аксиомами, которые надо знать, но этого было недостаточно для удачной карьеры большевика-администратора. В любой гонке только один человек может прийти первым. И самым существенным для Шевченко было, чтобы первым был он, даже если для этого надо было помешать успехам своих конкурентов любыми имеющимися в его распоряжении способами. Заслугой Сталина перед историей будет успешное построение социализма в одной стране. Шевченко же за свои заслуги будет награжден орденом Ленина, если ему удастся убедить Москву, что по причинам объективного характера строительство доменной печи № 3 никак не может быть закончено раньше июня, а к этому времени, если все пойдет хорошо, она уже вступит в строй и будет давать продукцию. Таким образом, основные усилия Шевченко были направлены на то, чтобы найти «объективные» или же политические причины того, что его организация не может уложиться в чрезмерно амбициозные сроки строительства, данные Москвой, о которых все знали, что выполнить их невозможно.

Однако Шевченко, помимо всего прочего, был хорошим администратором и пылким оратором, чьи слова имели вес в рабочей среде. Он много и упорно работал, особенно когда знал, что его начальство за ним наблюдает, и требовал строгой дисциплины от своих подчиненных. Когда он вошел в комнату, Тищенко обернулся и кивнул ему; мистер Гаррисон улыбнулся и протянул ему руку. Коля и я были недостаточно важными персонами, чтобы обмениваться личными приветствиями с заместителем директора.

— Вы уже видели новый приказ? — воинственным тоном спросил Шевченко, подойдя к столу и небрежно поздоровавшись за руку с Гаррисом и Тищенко.

— Да,— ответил по-русски мистер Гаррис, который понял Шевченко без помощи своего переводчика.

— Ну, и..? — Шевченко перевел взгляд с одного на другого.

Сёмичкин, Коля и я слушали с большим интересом.

Все мы понимали, что Шевченко — грубиян и карьерист. Но, по-видимому, нужны были именно такие люди, чтобы двигать дело вперед, преодолевать многочисленные трудности, побуждать рабочих выполнять свою работу несмотря на холод, плохие инструменты, недостаток материалов и неважное питание. Чтобы построить Магнитогорск, люди требовались самые разные. Это было ясно. И Сёмичкин, хорошо понимавший свои ограниченные возможности, был пока удовлетворен тем, что получает свои пятьсот рублей в месяц, выполняет более или менее автоматически не требующие особого напряжения обязанности начальника производства и наблюдает за тем, как работают его руководство и подчиненные. Коля был первоклассным мастером, и больше всего ему хотелось стать инженером и быстрее закончить строительство социалистических доменных печей. Я же был случайный человек, американец, которого судьба забросила в Магнитогорск и сделала здесь электросварщиком.

Мистер Гаррис быстро писал цифры на листке бумаги. Он подозвал к себе Шевченко и начал зачитывать список материалов, необходимых для завершения работ в верхней части домны № 3, ни одного из которых не было.

— Ну, мистер Шевченко,— сказал американец,— приказы есть приказы, но вы не можете клепать при помощи них сталь, и заклепки ими нагревать вы тоже не можете. У нас должны быть эти материалы, иначе работа не будет закончена даже к следующему рождеству. Вы имеете влияние в партийных органах и строительном управлении. Так что доставать материалы — это ваша задача.

Шевченко знал, что это верно. Однако, по словам Гарриса, получалось, что именно он, Шевченко, и есть тот самый человек, который делает свое дело не так, как следовало бы. Это его не устраивало и потому не могло остаться без ответа. Заместитель директора разразился длинной тирадой. Он цитировал Маркса и Сталина, помянул и судебное следствие по делу группы Рамзина, и иностранных шпионов, и оппортунизм.

— Поскольку мы находимся в окружении враждебных капиталистических государств, мы вынуждены проводить индустриализацию нашей великой державы в кратчайшие сроки, делая все возможное, не щадя никого. Магнитогорск — это важнейший центр тяжелой индустрии в Советском Союзе. Сюда были вложены миллионы рублей, тысячи рабочих приехали изо всех уголков стра-

ны. Наше государство ждет от нас чугуна и стали. Мы собрали здесь все необходимые материалы и оборудование для строительства двух новых доменных печей. Они должны быть возведены и пущены в строй в ближайшее время, а если вас послушать, то можно подумать, что вся работа должна быть остановлена из-за того, что не хватает нескольких клепальных машин и заклепок. Вот Вы, Тищенко, у Вас тридцатилетний опыт работы, а Вы здесь сидите и ничего не делаете. Неужели же Вы ничего не можете придумать, каким образом сделать так, чтобы работы продолжались, и как преодолеть эти препятствия? Или, может быть, Вас это не интересует? Может быть, Вы еще ничему не научились за последние пятнадцать лет?

Произнося эту речь, построенную по всем правилам ораторского искусства, Шевченко распалялся все больше и больше. Его лицо покраснело, он делал руками широкие жесты. Доказав свою правоту, объяснив политику партии старому вредителю и иностранному специалисту и, таким образом, сложив с себя само собой разумеющиеся в этой ситуации политические обязательства, он взял одну из сигарет мистера Гарриса, придвинул табуретку поближе к столу и стал просматривать список материалов, сделанный американцем. Сомневаться не приходилось: никакое количество пролетарского энтузиазма, никакие речи не могли заменить полутoрадюймовые заклепки. Шевченко взялся за телефон. Он позвонил начальнику склада, потом начальнику отдела снабжения всего комбината и, наконец, своему личному другу, работавшему на прокатном стане. Он разговаривал спокойно, по-дружески. Было упомянуто о том, что завтра вечером можно слегка выпить. Затем вскользь был задан вопрос о полутoрадюймовых заклепках. Когда Шевченко повесил трубку, он проворчал:

— Я думаю, что заклепки мы получим.

Все четыре человека, весьма разношерстная компания: инженер из Кливленда, специалист-заключенный, красный директор и молодой, неопытный советский инженер — сели за стол, чтобы обсудить остальные пункты из списка мистера Гарриса.

Глава V

В одиннадцать часов раздался гудок, и рабочие спустились с балочных ферм, навесов и трубопроводов, чтобы пообедать. Я с завистью рассматривал сварной шов, сделанный Поповым на отводной трубе. Это был один из лучших швов, которые я когда-либо видел. Попов был классным сварщиком строительной стали — такой же хороший или даже лучше, чем любой из сварщиков, у которых я учился на заводе компании «Дженерал электрик» в Шенектади.

Попов постучал по перекладинам стальной лестницы, чтобы размять затекшие и замерзшие руки, а потом мы пошли вниз. Наши лица были ярко-красными от холодного ветра. Спустившись на землю, мы присоединились к Шабкову и группе монтажников, которые перед этим поднимали и устанавливали компенсатор газопровода при помощи ручного подъемника, и все вместе отправились в столовую.

И Шабков, и Попов были сравнительно хорошо одеты. Их кожаные рукавицы — хотя и прожженные в нескольких местах — были еще довольно приличными. На них были длинные овчинные тулупы на шерстяной подкладке и доходившие им до колен валенки, кожаные шапки с меховой опушкой и шерстяные шарфы. Одежда двух монтажников, работавших на земле, была гораздо хуже. Один из них носил поношенные кожаные ботинки вместо валенок, а любой, кто побывал в странах с холодным климатом, знает, какая это пытка, когда на ногах у тебя кожаная обувь. У другого были валенки, подошвы у которых отваливались. Он подвязывал их кусками проволоки, но «портянки»,— иными словами тряпки, которыми он обмотал ноги вместо носков, высовывались наружу в двух местах. Их тулупы были уже сильно поношенными и прожженными, а рукавицы на ладонях практически совсем протерлись. Это были молодые люди, завербованные на эту работу из деревни, еще не освоившие как следует профессию монтажников стальных конструкций, и поэтому они получили только обноски вместо хорошей одежды. Шабков похлопал одного из них по спине.

— Ну, Гришка, хочешь сегодня после обеда подняться наверх и попробовать поработать на высоте? Если голова закружится, то можешь спуститься вниз. Мише нужен

человек, чтобы выравнивать и придерживать в одном положении фланец трубы, пока он будет ее сваривать.

Гришка выпятил от гордости грудь колесом. Он уже давно ждал, когда ему предоставится такая возможность.

— Да ты что — голова закружится?! Конечно, я пойду. Только, послушай, а как насчет валенок? Там наверху холодно.

— Знаю,— ответил Шабков.— Я говорил про тебя мастеру и поговорю с ним еще раз. Но если на складе вообще нет валенок, то что я могу сделать?

— Но нам же должны их выдавать,— сказал молодой монтажник и крепко выругался.— Это есть в коллективном договоре. Я сам читал.

Никто ему не ответил. Каждый либо сам читал коллективный договор, либо слышал, как другие читали его вслух, но, как сказал Шабков, если вообще нет валенок, то что можно сделать? Другой монтажник промолчал. Он немного побаивался, что бригадир предложит и ему поработать на высоте. Сейчас ему больше хотелось оставаться на земле. Он уже привык к лестницам и коротким стремянкам, но карабкаться на шестидесятифутовую стальную колонну, чтобы работать на трубе, установленной на самом верху, ходить по этим раскачивающимся деревянным мосткам — нет, ни за что! Гораздо лучше находиться на земле и крутить рукоятку ручного подъемника, даже если иметь только третью категорию и получать сто двадцать рублей в месяц, в то время как монтажникам, работающим на высоте, обычно давали четвертую категорию и они зарабатывали до двухсот рублей.

Мы пересекли несколько железнодорожных путей, прошли мимо доменной печи № 2, которая уже работала, перелезли через груды конструкционной строительной стали, через незаконченные фундаменты, горы земли и насыпи и, наконец, подошли к низкому, длинному деревянному зданию, куда со всех сторон стекались рабочие. Над дверью была надпись: «Столовая № 30».

— Сколько у тебя карточек? — тихо спросил Попов у Шабкова.— А, ну да, ты же «особый» (он имел в виду «кулак, лишенный гражданских прав», «раскулаченный») — у тебя только одна.

Шабков усмехнулся. У него было две карточки. Мастер Иванов дал ему еще одну по той простой причине,

что, по его мнению, лишний обед, вложенный в Шабкова, давал максимальный процент прироста капитала в единицах производительности труда.

Они вошли в столовую вместе. Сами рабочие почти не делали никакого различия между «особыми» и всеми остальными. Их отцы или же они сами раньше были кулаками, но теперь они все вместе делают одно общее дело, живут так же, как и все, и в то же время «особые» очень часто работают лучше среднего уровня. Надо помнить, что они обычно были наиболее энергичными людьми в своей деревне, и потом, во времена нэпа *, стали процветать. Шабкова все уважали. Он возглавлял бригаду из восемнадцати человек, из которых только двое были «особыми», и тем не менее он без труда поддерживал дисциплину в своей бригаде.

В столовой было полным-полно народа. За не покрытыми скатертью длинными деревянными столами сидели рабочие, и почти позади каждого сидящего и обедающего человека стоял еще один, ожидавший, когда освободится место. Здесь было много шума и сутолоки. Молодые официантки бегали по комнате, разнося огромные деревянные подносы, уставленные тарелками супа, и большие ломти хлеба. В столовой было холодно, и я видел, как от дыхания клубятся облачка пара. Однако здесь было намного теплее, чем на улице, и все расстегивали свои тулупы и завязывали на головах уши шапок-ушанок. В дверях дородный татарин проверял у входивших в столовую их карточки и выдавал каждому деревянную ложку.

Сами карточки были напечатаны на коричневой бумаге очень плохого качества и ничего интересного из себя не представляли. На каждой из них было напечатано «Столовая № 30», а по краям шли цифры от 1 до 31. Официантки отрывали клочек бумаги с соответствующей цифрой, прежде чем принести еду. Одна карточка давала ее владельцу право получать ежедневно один обед в течение месяца. Мы с Шабковым протолкались в дальний угол комнаты, нашли стол, где людям уже принесли еду, и встали за спинами двух обедавших каменщиков.

* Нэп — новая экономическая политика, 1923—1928 гг., создавшая условия для временной реставрации индивидуальной инициативы и мелкого капитализма в промышленности, торговле и сельском хозяйстве.— *Примеч. автора.*

— Выглядит неплохо,— заметил Попов, принюхиваясь.— Вот если бы еще нам побольше хлеба давали. Двести граммов * — это маловато.

— Я знаю, что рядом, в столовой для инженеров, дают триста граммов,— сказал Шабков, вытирая свою ложку о подкладку тулупа.— Ты там когда-нибудь был?

— Да, один раз,— ответил Попов.— Коля одолжил мне свою карточку. Еда почти такая же, как и у нас, только не надо так долго ждать и народу поменьше. А суп, я думаю, тот же самый.

К нам подошли другие рабочие и встали в очередь, ожидая свободных мест, и еще до того, как мы сели за стол, за нашими спинами уже собрались другие люди, ожидавшие, когда мы закончим обедать.

— Я слышал, какой-то каменщик упал вчера,— сказал один из монтажников Попову.

— Да, что-то говорили,—ответил он.— Давно пора тресту обеспечения безопасности работ взяться за дело и заставить выполнять эти правила, которые они придумали.

Такие разговоры велись каждый день, но эта организация по обеспечению безопасности работ не могла предпринять никаких действенных мер в этом направлении, чтобы уменьшить количество несчастных случаев. Причин их было три: во-первых, недоставало опыта у рабочих, которые, как дети, не понимали, что такое опасность; во-вторых, не хватало строительных материалов, чтобы делать по всем правилам мостки и леса, поручни на лестницах и т. д.; и в-третьих, было мало электрических лампочек, из-за этого рабочим, находящимся на высоте, внутри и снаружи труб или на лесах, приходилось рано утром и поздно вечером работать в темноте. Во всех трех случаях организация обеспечения безопасности работ была бессильна что-либо сделать. Не хватало строительных материалов, а когда какое-то количество их доставляли, то они либо шли на другие нужды, а не на изготовление лесов и подмостий, либо исчезали в печках, обогревающих комнаты рабочих. Что касается электрических лампочек, то в декабре на большой подстанции что-то произошло и во все линии, снабжавшие электроэнергией осветительные приборы, пошло напряжение в триста восемьдесят вольт вместо

* 1/2 фунта.— *Примеч. автора.*

двухсот двадцати. Все включенные в это время лампочки перегорели, а запасных не было.

Через полчаса после того, как мы вошли в столовую, мы уселись на только что освободившиеся места, положили на стол наши карточки и стали ждать, когда к нам подойдет официантка. Она была на полпути к нам, обслуживая другой стол и добродушно поругивая рабочих, пытавшихся получить два обеда по одной карточке, а иногда и ущипнуть ее сзади. Прошло еще десять минут, прежде чем она добралась до нашего, последнего, стола и стала отрывать талоны от наших карточек. Шабков и Попов, у каждого из которых было по две карточки, очень старались отвлечь внимание официантки, чтобы она не поняла, что карточек больше, чем людей за столом. Однако это им не удалось. Оторвав двенадцать талонов с номерами, она сосчитала всех и увидела, что за столом только десять человек. Положение спас Попов.

— А, ну да,— сказал он.— Это Петя и Гриша оставили свои карточки и пошли мыть руки.— Попов ухмыльнулся. Усмехнулась и официантка. Никто никогда не мыл руки зимой в столовой № 30. Но теперь у нее были свидетели на тот случай, правда, весьма маловероятный, если директор будет ее проверять. Она умчалась прочь, улыбаясь, и скоро вернулась, неся двенадцать больших кусков черного хлеба. Затем она принесла двенадцать тарелок горячего супа. Суп был неплохой. В нем было немного капусты, следы картошки и гречневой крупы, а иногда даже попадалась косточка. Главное — он был горячий. Рабочие ели его с удовольствием, некоторые для вкуса клали туда горчицу. Большинство из них съели свой кусок хлеба до того, как доели суп. Однако у Шабкова и Попова было по два куска хлеба (два куска по двести граммов каждый раз равнялись одному фунту черного хлеба), поэтому им его хватило, чтобы доесть суп до конца, и даже осталось немного для второго. На второе принесли суповые тарелки, наполненные картошкой, политой жидким соусом. Сверху лежал небольшой кусочек мяса. Поставив все это на наш стол, официантка пошла обслуживать сидящих за другим столом.

Попов и Шабков ели жадно, с большим аппетитом.

— Хороший обед,— сказал Шабков.— Вот если бы каждый день такой давали.

Попов ничего не ответил. Он только что-то проворчал.

Он был занят — надо было съесть две тарелки картошки с мясом.

— Я слышал, что Ломинадзе, новый первый секретарь партии, очень возмущается столовыми и настаивает на том, что мы должны иметь право заказывать столько хлеба, сколько захотим, и что на второе должен быть выбор, по крайней мере из трех блюд,— сказал сидевший рядом с Поповым рабочий толстощекой, закутанной в платок девушке, уплетавшей напротив него картошку. Девушка работала вместе с клепальщиками, нагревая для них заклепки.

— Я в это поверю, только когда сама увижу все собственными глазами,— ответила девушка с украинским акцентом. Она сидела за столом вместе с мужчинами, хотя в комнате было еще около двадцати или тридцати женщин. Большинство из них были одеты в такие же тулупы и валенки, что и мужчины, и их можно было отличить только по толстым платкам, в которые они были закутаны.

Как только мы кончили обедать, ожидавшие своей очереди рабочие тут же начали занимать освобождавшиеся места. Попов и Шабков встали из-за стола, слегка распустив пояса и сыто рыгая.

— Да,— сказал Попов.— Хороший обед.

Мы вернулись обратно на работу, когда деревянные часы на здании, где находились компрессоры, показывали двенадцать тридцать. На саму еду у нас ушло всего лишь пятнадцать — двадцать минут, но в общей сложности мы потеряли полтора часа рабочего времени. И снова причиной тому была плохая организация. Знал об этом и директор, знали и в профсоюзе, и в партийной организации. Но знать — одно, а совсем другое дело — исправить положение. Надо было накормить тысячи рабочих. Не хватало и столовых, и ложек, и столов, да и самой еды. Спустя три года количество продовольствия увеличилось, что дало возможность отменить карточную систему, улучшить питание и терять меньше времени; но в 1932 и 1933 годах ситуация была плохой, и, казалось, никто не в состоянии ничего сделать, чтобы решить эту проблему.

Рис. 3. Агитпункт в палаточном городе, 1930 г.

Глава VI

Профсоюзный руководитель приклеил кусок газетной бумаги на дверь сарайчика. На нем крупными буквами с ошибками было написано объявление: «Собрание — выборы нового председателя цехового комитета — в пять часов в красном уголке. Присутствие обязательно». Многие члены бригады видели это объявление, но их это ничуть не заинтересовало. Цеховой комитет мало что значил для большинства рабочих. Он организовывал и проводил плохо посещаемые собрания, на которых выступали работники профсоюза, говорившие о программе строительства Магнитогорска, втором пятилетием плане и международном положении. А еще, когда рабочие болели или получали травму, они относили бюллетени к председателю, чтобы он поставил на них свою подпись. Этим все и ограничивалось. Администрация значила для рабочих гораздо больше. Она нанимала на работу и увольняла, давала рабочим указания, распоряжения и приказы, платила им деньги. Партия тоже имела большое значение. Через партийную организацию можно было добиться комнаты, получить новую работу, подать жалобу или внести какие-либо предложения,

имея некоторую уверенность, что на них обратят внимание и рассмотрят. А цеховой комитет не мог сделать ничего подобного, и выборы нового председателя не вызвали интереса у большинства монтажников и сварщиков, видевших это объявление. Таким образом, в пять часов в красном уголке стояли только прежний председатель, которого переводили на другую работу, и два члена цехового комитета; они курили, посматривая на дверь. Вошел один рабочий, за ним еще двое, наконец собрались пять человек, но больше никто не появился.

— Черт возьми,— сказал прежний председатель, нервный, прилизанный человек средних лет в дорогой черной котиковой шапке.— Я развесил это объявление повсюду. Не знаю, почему пришло так мало людей.

Высокий парень со шрамом на губе, стоявший неподалеку, пожал плечами. Это и был человек, присланный районным комитетом профсоюза на место старого председателя цехового комитета профсоюза строителей доменных печей. Да, такое начало не предвещает ничего хорошего, если на выборы приходит только пятеро. По этому поводу он заметил, обращаясь к своему коллеге, на смену которому прибыл:

— Кажется, Вы чертовски много занимались здесь общественной работой. Что же нам теперь делать? Я не могу быть избран на должность председателя организации из восьмисот рабочих собранием, на котором присутствует только пятеро. А Вам завтра надо переходить на новое место работы.

Новый председатель был огорчен этой формальной дилеммой. Однако другие отнюдь не были расстроены.

— Ерунда,— сказал один из членов цехового комитета.— Не расстраивайтесь. В конце концов эти выборы — простая формальность. Мы изберем Вас на следующем собрании; а тем временем Вы можете спокойно приступить к работе. Хотя, конечно, плохо, что мы не смогли собрать больше народа.

Причины, по которым рабочие не явились на собрание, были достаточно очевидны каждому, кто захотел бы в них разобраться. Во-первых, цеховой комитет был практически «мертвой» организацией, он почти не работал. Он не делал ничего, чтобы помочь рабочим защищаться от бюрократов и пылающих чрезмерным рвением чиновников и обеспечить выполнение законов о труде. Например, большинство квалифицированных

сварщиков регулярно отрабатывали ежедневно по две смены, потому что сварщиков не хватало, а работу необходимо было выполнять. Это явно противоречило закону, но цеховой комитет совсем этим не занимался. Как могли они выступить против Шевченко и помешать ходу строительства, снимая сварщиков с рабочих мест и освобождая их от сверхурочной работы? Так было повсюду. Что же касалось самих выборов, то здесь дела также обстояли неважно. Теоретически предполагалось, что председателем цехового комитета должен быть один из рабочих этого цеха, которого выбирали бы его товарищи как самого способного и опытного, чтобы представлять интересы рабочих. На самом деле уже стало традицией, что районный комитет профсоюзов направляет человека, профессионального профсоюзного работника, специально обученного, чтобы представлять интересы рабочих; его вступление в должность обычно регистрировалось на «выборах». Практически выборы не имели никакого значения, так как был всего лишь один кандидат, и его присылали вышестоящие органы. Любая открытая критика рабочими такого положения вещей не дала бы никаких результатов.

Авторитет профессиональных союзов был низким. Позднее, в 1934—1935 годах, профсоюзы реорганизовали свою работу, вновь завоевали уважение и встретили поддержку со стороны некоторой части рабочих. Профсоюзы добились этого, строя дома отдыха, настаивая на соблюдении трудового законодательства даже в тех случаях, когда дело от этого временно могло пострадать; они распределяли билеты в театры, организовывали различные курсы и школы и посылали рабочих вместе с их женами и детьми в санатории.

Глава VII

Я ушел с собрания вместе с Поповым и другими сварщиками и направился в сторону дома.

— Ты сегодня сколько времени работал сверхурочно?

— Три часа,— ответил Попов.— Александр остался еще на одну смену. А я вчера отработал две смены и не получил хлеба. Сегодня я отказался.

Мы перешагивали через канавы, железнодорожные рельсы и скатывались вниз по уступам. Было уже почти

совсем темно и очеиь холодио. Нам иадо было пройти около полумили, чтобы добраться до окраииы города. Попов огляиулся иа сварщика, шедшего позади иего.

— Эй, да у тебя иос совсем белый! — крикиул он.

Сварщик выругался, сиял рукавицу и, иабрав пригоршию сиега, иачал эиергично тереть свой иос. Остальные засмеялись.

— У Саши с иосом всегда плохо — с тех пор, как он служил в армии иа севере и там его иаполовину отморозил,— сказал мие кто-то.

Уходя со строительиой площадки, мы все собрали немиого дров. Мы всегда по мере возможности подбирали остатки — кусочки дерева, которые для работы все равно ие годились, но когда мы ие могли иайти остатков, то кололи планки, обшивиые доски и шпалы — в общем все, что попадалось под руку. Чтобы в бараках было тепло, нам иадо было топить, а у сиабжеической оргаиизации ие хватало угля.

Прежде чем выйти с территории предприятия, мы должны были миновать охраиника, в чью обязанность входило следить за тем, чтобы ие разворовывали стройматериалы. Это был старый партизаи; он был вооружен винтовкой и мог выстрелить, поэтому иам приходилось идти окольным путем. По иовому закоиу расхищение социалистической собственности считалось тяжким преступлеиием, за которое полагалась смертная казнь, и, хотя все уиосили домой стройматериалы, могло случиться, что кому-то бы ие повезло и ои стал бы печальиым примером. Мы видели силуэт старого охранника с виитовкой в огромиом овчинном тулупе иа фоие неба, ио ои иас ие заметил.

Выйдя с территории завода, группа рабочих разделилась. У Гриши было с собой ведро. Ои собрал у всех карточки иа молоко и отправился за иим на молочиую кухию. Каждому сварщику по закоиу ежедневно полагалось по пол-литра (пинте) молока. Шансы, что там будет молоко и ему удастся его получить, были невелики. Зимой сиабжеиие молоком ухудшалось. Молоко привозили в заморожеином виде кусками в мешках из соседнего совхоза. Одиако попытаться получить его все же стоило. Поэтому каждый день сварщики когонибудь туда посылали, и иногда — одии или два раза в неделю — посыльный возвращался домой с ведром, наполовииу иаполнеииым молоком.

Два сварщика взяли у всех собранные дрова и отправились к баракам, в то время как остальные пошли в магазин купить хлеба и еще что-нибудь, что можно было там достать.

Кооператив строителей доменных печей находился в большом одноэтажном здании, почти не отапливаемом и очень грязном. Когда мы подошли к нему, то увидели, что там полным-полно рабочих и снаружи, от двери магазина выстроилась очередь.

— Странно,— сказал Попов.— Наверное, там продают что-нибудь особенное.

Мы подошли поближе и задали традиционный русский вопрос: «Что дают?»

— Только хлеб,— ответил один из рабочих, стоявших в очереди.— Утром хлеба не было. Его привезли только полчаса назад.

Рис. 4. Магазинчик в открытой степи

Мы встали в очередь. Она двигалась очень медленно. Прошло десять минут, прежде чем мы добрались до двери магазина, и еще двадцать минут, пока мы подошли к прилавку. На полках позади прилавка не было абсолютно ничего, кроме четырех коробок с искусственным

кофе и целой выставки духов. Продавали и покупали только черный хлеб. Продавщица большим мясницким ножом резала свежие буханки, от которых шел пар. Ей редко приходилось дважды взвешивать один и тот же кусок. Служащий магазина, повязанный грязным белым фартуком поверх овчинного тулупа, отрывал талоны с номерами от хлебных карточек рабочих по мере того, как их ему подавали. Вторая девушка-продавщица принимала деньги — тридцать пять копеек за килограмм (около пятнадцати копеек за фунт). Как раз в тот момент, когда Попов подошел к прилавку, высокий, похожий на монгола парень, растолкав всех плечами, попытался взять хлеб без очереди. Разразилась целая буря недовольства.

— Если ты мастер, то иди в магазин для мастеров! А если ты прикреплен к этому магазину, то вставай в очередь! — сказали в один голос сорок человек. Большой монгол стал протестовать, произнося на ломаном русском языке фразы о правах национальных меньшинств. И все-таки хлеб он без очереди не получил. Слишком многие рабочие, принадлежащие к национальным меньшинствам, пытались получить что-нибудь даром или без очереди, или же добиться других привилегий, подводя под это в качестве основы ленинскую национальную политику. Но теперь им это уже больше не удавалось.

Попов вытащил потрепанный бумажник и начал искать там мелочь, чтобы заплатить за хлеб. Бумажник был набит деньгами, у него при себе было больше двухсот рублей *. Неделю назад он получил зарплату за прошлый месяц (с опозданием всего лишь на десять дней), но купить было нечего. Он получил хлеб для себя, для Гриши, ушедшего за молоком на раздаточный пункт, и для Гришиной жены и стал проталкиваться к выходу. Под мышкой у него было пять килограммов (двенадцать фунтов) хлеба. Это были двухдневные рационы для двух рабочих и одного иждивенца. Я получил свой хлеб, и мы пошли в промтоварный магазин, находившийся через дорогу, чтобы купить пару рукавиц на шерстяной подкладке для Попова, которому они были очень нужны. Однако в магазине было пусто, и через

* Около ста долларов по официальному курсу, однако покупательная способность 200 рублей соответствовала приблизительно сумме в десять долларов.— *Примеч. автора.*

окно мы разглядели только маленькую стопку шелковых носовых платков и летних мужских рубашек, которые уже несколько дней были единственным товаром в магазине.

— Паршивое дело,— сказал Попов,— летом продаются овчинные тулупы, а зимой нет ничего, кроме шелковых носовых платков. Я думаю, мне надо завтра сходить на базар и купить там рукавицы и пару брюк.

Глава VIII

Около десяти минут мы шли в гору, между двумя рядами побеленных одноэтажных бараков. Последний справа и был нашим домом. Это было низкое деревянное строение, между двойными стенами которого была проложена солома. Толевая крыша весной протекала. В бараке было тридцать комнат. Обитатели каждой комнаты сделали маленькую печку из кирпича или железа, чтобы можно было топить и обогревать комнаты, если были дрова или уголь. Коридор с низким потолком освещался одном маленькой электрической лампочкой. Попов, спотыкаясь, дошел в валенках до комнаты № 17, распахнул дверь и вошел внутрь. Его сосед по комнате Гриша, работавший на шахте, где добывали железную руду, как раз разводил в печке огонь.

— Здорово,— сказал он, не поднимая головы.

— Холодно,— произнес Попов, кладя свой хлеб на стол и расстегивая тулуп.

Комната была приблизительно шесть на десять футов, с одним маленьким окошком, рамы которого были оклеены газетой, чтобы внутрь проникало меньше холодного воздуха. Там стояли маленький стол, небольшая печурка, сложенная из кирпича, один стул о трех ногах и две железные кровати, узкие и шаткие. Пружинной сетки на кроватях не было, вместо нее поперек железной рамы были положены тонкие доски. Попов повесил свой тулуп и подошел к печке погреть руки.

Наша комната была значительно больше, чем комната Попова, потому что Коля был мастером, а я — иностранцем. У нас были стол, два стула и две кровати, а также маленький чуланчик. Я затопил печку, почистил несколько картофелин.

В нашем бараке жили восемьдесят мужчин, женщин

Рис. 5. Комната в одном из образцовых бараков

и детей. Самому старшему было тридцать четыре года. Все мужчины работали в строительном тресте, которому и принадлежал этот барак. До 1934 года мы ничего не платили за жилье. После 1934 года каждый из нас стал платить около десяти рублей в месяц.

Раньше в бараке была и кухня, но теперь в этом помещении жила семья, поэтому все готовили, пользуясь печками в своих комнатах. В одной из комнат находился красный уголок. Здесь висела стенная газета нашего барака, два знамени за ударный труд и портреты Ленина, Сталина и Ворошилова. Здесь также размещалась и библиотека, состоявшая из двухсот книг. Два раза в неделю в красном уголке проводились занятия для неграмотных. Несколько месяцев назад в бараке было семнадцать неграмотных взрослых, теперь только десять. Конечно, надо учесть, что человек считался грамотным, если он мог расписаться и прочитать простое предложение.

Большинство молодых рабочих барака № 17 были не женаты. Это объяснялось, во-первых, тем, что женщин в Магнитогорске вообще было очень мало, как и в любом

поселке строителей. Во-вторых, такое положеиие говорило о тяжелых условиях жизии. Работая физически иа холоде по две смеиы и плохо питаясь, человек почти ие имел сил и эиергии предаваться любви, особеиио под открытым иебом или в переполнеиных людьми комиатах.

Глава IX

Примерио в шесть часов вечера в красиом уголке собралось около дюжииы молодых рабочих, мужчии и жеищии, оии приiесли с собой пару балалаек и гитару. Рабочий деиь закоичился, ужии уже стоял иа плите, так что иастало время спеть. И оии запели! Рабочие революциоиные песии, иародиые иапевы и старые русские лирические ромаисы. Рабочий-татарии спел две свои иациональиые песии. Молодой украииец сплясал. На балалайках играли очеиь хорошо. Я иикогда ие переставал удивляться, что так миого русских рабочих умеют играть иа балалайке. Оии учились играть длииными зимиими вечерами в глииобитиых домиках-избушках в своих деревиях.

Потом разгорелась дискуссия. «Почему мы получаем так мало сахара? В этом месяце мы получили всего лишь двести граммов * иа человека. На чае без сахара далеко ие уедешь». Почти у каждого иашлось, что сказать по этому поводу. Одии молодой парень объясиил, что в этом году был плохой урожай сахара. Заводы по производству сахара выполиили свой плаи только иа пятьдесят процеитов. Еще кто-то заметил, что Советский Союз экспортирует много ледеицов, а это озиачает большой расход сахара.

— Нам иадо продавать за граиицу очеиь миогое, чтобы получить деиьги для закупки прокатиых стаиов и других подобиых вещей, которые мы еще ие можем производить сами.

Некоторых жеищии так и ие удалось убедить. Сахар был всегда, за исключеиием воеииого времеии. Сейчас войиы иет. Зиачит, должеи быть сахар. Особеиио жеищииы постарше все иикак ие могли привыкиуть к тому, что у иих есть деиьги, а оии ие могут купить то, что

* Полфунта.— *Примеч. автора.*

хотят. Раньше деньги всегда были мерой их материального благосостояния. Хорошая зарплата означала, что можно иметь все самое лучшее. Такова была ситуация в конце двадцатых годов, особенно в промышленных районах на Украине, где рабочие обычно хорошо питались. Однако теперь значение денег изменилось. Размер зарплаты и количество денег под матрасом больше не определяли уровень жизни. Деньги были у всех, но то, что человек ел и носил, почти целиком и полностью зависело от того, что можно было купить в том конкретном магазине, к которому он был прикреплен. Если это был иностранный специалист или руководящий работник ГПУ или партийных органов, прикрепленный к специальному магазину для иностранцев, то он мог купить икру, кавказское вино, импортные ткани, прекрасную обувь, костюмы и тому подобные вещи на выбор. Инженеры и мастера, такие люди, как Сёмичкин и Коля, имели карточки, дававшие им право посещать магазины для техников, где они могли купить хлеб, а иногда мясо, масло, рыбу и кое-что из одежды. Однако большинство людей, таких, как, например, Попов, были прикреплены к магазинам для рабочих, где единственное, что можно было купить более или менее регулярно, это хлеб. Иногда по нескольку дней подряд и хлеба не было; но большинство рабочих, прошедших школу голода, имели небольшой запас сухарей, помогавший им пережидать временную нехватку хлеба.

У меня была карточка в магазин для рабочих, и я довольствовался бы этим и дальше, если бы не Коля, настоявший на том, чтобы я пошел и получил книжечку Инснаба — знаменитого сказочного магазина для иностранцев. Коля мне это устроил, хотя в соответствии с буквой закона мне не полагалось им пользоваться, так как я приехал в Советский Союз не по контракту с Амторгом, а по собственному желанию. Для меня труднее всего было добраться до Инснаба, чтобы что-нибудь купить. Обычно я приходил туда очень поздно и обнаруживал, что магазин уже закрыт. Все же, имея мою инснабовскую книжку и многочисленные Колины карточки в столовую и в магазин для техников, мы могли прилично питаться — несомненно, намного лучше, чем большинство людей, живших в нашем бараке, и несравнимо лучше, чем большинство рабочих в раскинувшемся во все стороны Магнитогорске.

Проблемы, связанные с питанием были постоянной темой для обсуждения на стихийно возникавших небольших собраниях в красном уголке барака до и после обеда. Всегда находился какой-нибудь человек, разъяснявший официальную точку зрения на положение дел, и остальные этим объяснением, как правило, удовлетворялись.

— Вот подождите — через пять или десять лет нам не понадобится ни единой вещи из капиталистического мира,— сказала Аня, молоденькая сварщица.— Тогда нам не придется продавать еду за границу. Мы все будем съедать сами.

— Через пять—десять лет никакого и капиталистического мира не будет,— сказал молодой монтажник, размахивая руками.— Как ты думаешь, что делают рабочие в капиталистических странах? Ты думаешь, они собираются голодать еще в течение десяти лет кризиса, даже если, предположим, в это время не будет войны? Они такого терпеть не будут.

— Конечно, не будут. Они восстанут. А мы поможем им, когда это произойдет.

Потом стали обсуждать более прозаический вопрос. Беляков, работник, ответственный за снабжение в Строительном тресте печей, был бюрократ. У каждого нашлось, что сказать о нем плохого, все ругали его. Одно дело — отморозить во время работы руки или обходиться без сахара. Это могло быть вызвано такими объективными причинами, как, например, климат или генеральная политическая линия Советского правительства, равным образом не зависящими от воли отдельных работников. Но мириться с бюрократом вроде Белякова, который, казалось, получал удовольствие, действуя как жандарм или средневековый помещик,— это было уже слишком.

Глава X

Было уже почти семь часов, когда Коля добрался домой и заглянул в красный уголок.

— Джек, пора идти, иначе мы опоздаем.

Мы пошли в нашу комнату, чтобы взять книги. Коля уже поужинал на комбинате в столовой для технического персонала, где он пользовался только карточками.

— Я заходил в больницу навестить Ваську,— сказал Коля, меняя черные от сажи рабочие валенки на другую пару.— Он очень плох. Доктор сказал мне, что он может умереть на этой неделе.

Васька был сварщиком, он жил в нашем бараке и работал в нашей бригаде. Две недели назад он упал и сломал ребра и с тех пор лежал в больнице, находясь на грани жизни и смерти. Я дважды заходил туда навестить его, но место это было не из приятных, и я старался как-нибудь оттянуть свой следующий визит. Там было холодно и грязно. Медсестрами работали одетые в овчинные тулупы деревенские девушки, ставшие совершенно равнодушными к той боли и страданиям, которые они видели вокруг себя в хирургическом отделении: люди, получившие ожоги чугуном, непрерывно кричащие последние три дня перед смертью; люди, раздавленные, как мухи, под кранами или другим тяжелым оборудованием,— все эти люди были для них всего лишь досадной и нудной помехой, действовали им на нервы. К Ваське относились довольно хорошо, потому что у него была раздавлена грудь и кричать он не мог, и к тому же он был хорошим парнем; но некоторым другим больным в этом смысле не так повезло.

— Я не навещал его уже четыре дня,— сказал я.

Мы взяли наши учебники, завернули их в газету и отправились учиться.

Из барака в это время выходили многие: некоторые шли в кино, другие — в клуб, но большинство несли под мышкой завернутые в газету книги, по которым можно было понять, куда направляются их владельцы. Они шли учиться. Двадцать четыре человека из нашего барака, мужчины и женщины, учились в различных учебных заведениях.

Я посещал занятия в Комвузе. Курс обучения там длился три года и включал такие предметы, как русский, арифметика, политическая экономия, ленинизм, история Коммунистической партии Советского Союза, история революционного движения в западных странах, партийное строительство и диалектический материализм. Большинство окончивших это учебное заведение становились профессиональными пропагандистами или работниками местных политических или административных организаций. Почти все, поступавшие в Комвуз, были полуграмотными. Требования, предъявляемые к поступав-

шим, соответствовали уровню пятого класса начальной школы, но на самом деле строго экзаменовали только по чтению и письму. Академический уровень Комвуза был соответственно низким. Возникали большие трудности с учебниками, особенно по таким предметам, как диалектический материализм, где единственная опубликованная книга была написана Бухариным, и в учебных заведениях было запрещено ею пользоваться, поскольку она была объявлена «оппортунистической». А если бы студентам с очень ограниченным общим образованием давали читать «Анти-Дюринг», «Диалектику природы» или «Материализм и эмпириокритицизм», то они, совершенно очевидно, изучали бы эти произведения крайне поверхностно. Таким образом, преподаватели были в затруднительном положении. В течение одного учебного года (1933/34) в Комвузе сменились четыре преподавателя диалектического материализма. В каждом случае смена преподавателя была вызвана «отклонениями», а в двух случаях закончилась их арестом. «Выявление отклонений» было одной из основных задач директора Комвуза. А если его усилия в этом направлении не давали никаких результатов, то у него самого могли бы быть неприятности за «самоуспокоенность» или «укрывание врагов».

Пробыв в Магнитогорске всего три месяца, я поступил в Комвуз для того, чтобы получить помощь в изучении русского языка. Позже я заинтересовался материалом преподаваемых курсов. История была для меня особенно увлекательным предметом. Но каждое историческое событие подавалось либо в черном, либо в белом свете, направления и тенденции были упрощены. На каждый вопрос был дан абсолютно однозначный ответ. Мало того, четко определенной была и сама формулировка каждого ответа. Если вы следовали всем правилам, то все было достаточно просто. Это была система, построенная, наподобие арифметической. Единственная трудность заключалась в том, что она часто не соответствовала объективной реальности.

Я вспоминаю один спор, возникший, когда мы изучали марксистский закон обнищания трудящихся в капиталистических странах. В соответствии с этим законом — в том виде, как его преподавали студентам Магнитогорского Комвуза,— рабочий класс Германии, Великобритании, Соединенных Штатов и других капиталистических

стран непрерывно становился все беднее и беднее, начиная со времени промышленной революции восемнадцатого века. После урока я подошел к преподавателю и сказал ему, что я, например, бывал в Великобритании и, как мне показалось, условия жизни рабочих были там несомненно лучше, чем во времена Чарльза Диккенса или же в то время, когда Энгельс написал свой трактат «Положение рабочего класса в Англии».

Учитель и слушать меня не хотел.

— Посмотрите в своем учебнике, товарищ,— сказал он.— Это написано в учебнике.

Для этого человека не имело значения, что «учебник» на следующий месяц могут объявить контрреволюционным. Когда это произойдет, ему выдадут другую книгу. Партия не ошибается. Эта книга была дана ему партией. Этого было достаточно.

Коля посещал занятия в техникуме — учебном заведении с немного более высоким академическим уровнем. По условиям приема необходимо было иметь семиклассное образование и поступающих отбирали по результатам конкурсного экзамена. Среди предметов, изучаемых там, были алгебра, физика, химия, механика, сопротивление материалов, черчение, строительное конструирование из таких материалов, как сталь, железобетон и дерево, причем упор делался на те типы конструкций, которые использовались в Магнитогорске. Там в основном преподавали инженеры, работавшие в конструкторском бюро или на производстве. Они приходили проводить занятия после своего рабочего дня и зачастую были очень усталыми и не готовыми к занятиям. Нагрузка студентов была еще больше, поскольку они занимались по вечерам четыре раза в неделю, в то время как учителя преподавали меньше. Студентов набирали независимо от того, состоят они в партии или нет. Комсомолец или беспартийный рабочий принимались на тех же основаниях, что и член партии. Однако «классовые враги» и члены их семей сурово отсеивались. Шабков, чей отец был кулаком, не мог поступить в техникум. Это лишение права получить высшее образование распространялось на всех «лишенцев» до 1936 года, когда указ Москвы предоставил равные права на получение образования для всех.

Каждый вечер рабочие из барака № 17 посещали и дюжину других учебных заведений: школу шоферов,

курсы Осоавиахима, где преподавались различные военные дисциплины; специальные курсы по подготовке экономистов, плановиков, акушерок, работников почты и телеграфистов. Эти учебные заведения были организованы различными трестами и учреждениями.

Расходы на обучение, освещение, отопление, зарплату преподавателям, а иногда также и учебники и бумагу для студентов оплачивались из большого фонда, предназначенного для подготовки техников и квалифицированных рабочих. Студенты ничего не платили. У них были даже особые привилегии, более длительные отпуска, а на время экзаменов их освобождали от работы.

В это время в Магнитогорске было очень мало дневных учебных заведений для взрослых, где можно было учиться с отрывом от производства. Большинство рабочих, так же, как Коля и я, учились по вечерам. Напряжение было слишком велико и слишком много предстояло сделать, чтобы можно было освободить несколько миллионов молодых рабочих Советского Союза от работы на производстве и послать их учиться. Однако в течение последующих пяти лет вечерние профессиональные учебные заведения практически исчезли и были заменены учебными заведениями bona fide * — институтами, где учились с отрывом от производства, и уровень академических знаний был гораздо выше. Студенты этих учебных заведений получали от государства денежные пособия (стипендии) в размере от сорока до пятисот рублей в месяц. Такое положение сохранялось вплоть до 1940 года, когда правительство, перед которым встала необходимость изыскать миллиарды рублей на вооружение, ввело плату за все обучение, начиная с восьмого класса.

Огромные капиталовложения, отпускаемые Советским Союзом на обучение, были продиктованы необходимостью — в каждой области не хватало квалифицированных специалистов. Революция, гражданская война и массовая эмиграция «старых» элементов оставили в России в начале двадцатых годов еще большую неграмотность и еще меньшее количество квалифицированных специалистов, чем было до войны **. Постоянно возрастающая

---

* Настоящими.— *Примеч. автора.*

** Автор имеет в виду первую мировую войну.— *Примеч. переводчика.*

сложность экономической и коммерческой и политической жизни вызвала в начале тридцатых годов такую ситуацию, в которой правительству остро потребовалось создание советской интеллигенции. Эта ситуация и стала основной причиной тех колоссальных усилий, которые предпринимались для обучения и подготовки квалифицированных специалистов. В Магнитогорске это выразилось в том, что в рамках общего бюджета строительства было предусмотрено израсходовать почти сто миллионов рублей на подготовку квалифицированных рабочих. Данная сумма изначально рассматривалась в бюджете и была внесена в него как одна из статей капиталовложений наряду с такой же суммой, отпущенной на доменное оборудование.

Создание советской интеллигенции повлекло за собой еще более значительные последствия, чем затраты миллионов рублей на образование. Разница в зарплате, увеличившийся разрыв между зарплатой квалифицированных и неквалифицированных, с образованием и без образования работников в значительной степени были попыткой стимулировать желание учиться. Подобные действия помогали преодолеть летаргию, традиционную медлительность, неповоротливость и лень русского крестьянства. Население (и особенно крестьян) необходимо было увлечь учебой. В какой-то степени интерес уже пробудился — он возник как ответная реакция на длившееся веками лишение доступа к образованию и как результат природной любознательности, присущей любому человеческому существу. Но требовался и дополнительный стимул. Если бы зарплата пастушонка и инженера была одинаковой, большинство крестьян продолжали бы пасти свои стада и никогда не побеспокоили бы Ньютона и Декарта.

В 1933 году разница в зарплате была приблизительно следующей: средняя ежемесячная зарплата неквалифицированного рабочего Магнитогорска составляла что-то около 100 рублей; ученика квалифицированного рабочего — 200; квалифицированного рабочего — 300; инженера, не имеющего опыта работы — от 400 до 500; инженера со стажем — от 600 до 800; управляющих, директоров и т. п. — от 800 до 3000 рублей. Такая резкая дифференциация плюс отсутствие безработицы, а значит, уверенность в том, что можно без труда устроиться по любой освоенной специальности, еще более увеличивали

и стимулировали интеллектуальную любознательность людей. Благодаря этим двум факторам была создана основная масса учащихся, занимавшихся в магнитогорских вечерних учебных заведениях в 1933 году; все эти люди работали по восемь, десять и даже двенадцать часов на производстве в самых суровых условиях, а потом приходили вечером учиться, иногда на пустой желудок, сидели на деревянных скамьях без спинки в комнате, где было так холодно, что пар, идущий от дыхания, виден был на расстоянии ярда, и изучали математику в течение четырех часов не прерываясь. Конечно, не все удавалось усвоить. Подготовка была недостаточной, а условия слишком плохими. Тем не менее Коля, проучившись два года в техникуме, мог сконструировать стропильную ферму, рассчитать объемы, площади и многое другое. Более того, он знал из своего личного опыта конкретное практическое применение всего, что он изучал.

Коля и я спускались вниз по холму, направляясь к школе. Было холодно, ветер покусывал нас за щеки, и через пять минут влага от нашего дыхания заледенела на бровях и ресницах. Мы шли быстро, так как было уже почти семь часов.

— У тебя сегодня что? — спросил я.

— Механика,— ответил Коля.

— Ты решил задачи?

Коля тихо выругался.

— А когда, ты думаешь, я мог бы их, черт возьми, решить.

Дальше шли молча. Здание Комвуза представляло собой барак, очень похожий на тот, где мы жили, с той разницей, что оно было чище и комнаты здесь были побольше. Подойдя к двери, мы услышали, как Наташа, уборщица и сторожиха, выйдя из своей комнаты, энергично звонит в колокольчик — такой колокольчик в деревнях обычно вешали на шею коровам. Значит, мы пришли как раз вовремя. Коля отправился в свой техникум. Я вошел в класс. В нашей группе учились двадцать четыре студента от четырнадцати до сорока пяти лет. Наш преподаватель был маленький человечек с острым взглядом, в очках; днем он работал конструктором.

Мы начали с партийного строительства. Не прошло и пяти минут, как сидевший впереди меня клепальщик,

крупного телосложения мужчина, заснул крепким сном, уронив подбородок на грудь. Его бригада выполняла какое-то срочное задание, и он не спал уже сорок восемь часов.

Попов не пошел на занятия. Он отправился в клуб шахтеров, находившийся в десяти минутах ходьбы от барака № 17. Там сегодня должны были показывать какой-то фильм, но его почему-то не привезли. Он подождал полчаса, читая рассказ в литературной газете, а потом пошел в районную баню принять душ. Там была слишком длинная очередь — ему пришлось бы простоять в ней, по крайней мере, час, и он устало побрел домой писать письмо своему брату, служившему в Казахстане в Красной Армии.

Глава XI

Было уже начало двенадцатого, когда я вернулся в барак № 17. Коля пришел на десять минут раньше меня и уже развел в печке огонь.

— Джек, есть хочешь?

Я хотел. Мы сварили около полдюжины мелких картофелин и съели их, посыпав солью. Они действительно были вкусные, но прежде чем Коля успел доесть последнюю, он уснул, сидя на корточках перед маленькой самодельной железной печуркой.

За стенами барака зловеще завывал ветер, но в нашей маленькой комнатке было тепло. Полоски газетной бумаги, которыми были проклеены оконные рамы и подоконники и щели в оштукатуренных стенах, помогали сохранять в комнате тепло. Догорающий в печке огонь бросал красные отсветы на стены комнаты.

Я уже задремал, как вдруг одна особенно беспокойная вошь укусила меня пониже спины. Я нашел эту маленькую тварь и, щелкнув ногтем большого пальца, раздавил ее так, как это делают русские. Потом я разбудил Колю, и мы оба улеглись.

Часть III

ИСТОРИЯ МАГНИТОГОРСКА

Глава I

Весной 1933 года я получнл на комбинате снльный ожог. Две недели пришлось проходить с перевязанной рукой. Чуть лн не каждый день я ходил в поликлиннку к старому белобородому доктору. Мы подружились, и я часто заходнл к нему в бараки рядом с больницей, где жилн медицннскне работникн. Он жнл один, потому что, насколько я понял, его семья находилась во Францнн.

Этот доктор заннмался меднцннской практнкой на Урале с 1900-х годов. В самом начале он был социалистом, но с 1905 года стал сторонником меньшевистской фракцин Мартова. В Магнитогорске он жнл под надзором, как бывший меньшевнк, не изменивший своей позицни. Он избегал полнтнческнх тем и проводнл время, работая в полнклинике и больнице, накладывая гипс на переломанные кости и врачуя больных. В свободное время доктор пнсал монументальный труд о промышленной гнгнене, который был закончен только наполовину, хотя работа над ним длнлась уже почти десять лет.

Задолго до революцин доктор работал в Уфе, прнблнзнтельно в двухстах милях к западу от Магнитогорска, и иногда верхом на лошадн пересекал степь, чтобы попасть в деревню Магннтную. Он рассказал мне много интересного. С его помощью я и напнсал краткую нсторню Магнитогорска.

Глава II

Гора Магнитная — железное сердце Магнитогорска — находнтся на восточных склонах Уральскнх гор,

милях в семидесяти к востоку от водораздела, служащего границей между Европой и Азией. Вокруг лежит голая степь с пологими холмами, такими гладкими, что вся местность напоминает пустыню. Лето здесь жаркое, пыльное и сухое и длится лишь около трех месяцев. Зимы долгие, холодные и ветреные. Дожди идут очень редко.

Приблизительно в пяти милях к западу от горы Магнитной несет свои воды река Урал. Когда-то, до того как построили плотину, это была совсем небольшая река, за исключением нескольких дней весной. В летние месяцы она почти полностью пересыхала, а зимой промерзала до дна.

Сама «гора» на самом деле представляет собой два больших холма, поднимающихся на восемьсот футов над уровнем реки. Они гладкие, голые и совсем неинтересные.

Такова география Магнитогорска. Такой же она была и много веков назад, когда монголы и татары проносились по этим местам, мчась от берегов Тихого океана до Центральной Европы и обратно, и когда кочевники в первый раз поили свои стада водой в верховьях Урал-реки. Именно тогда, в те беспокойные столетия, в нескольких милях от истоков этой реки, на ее берегу и появилась маленькая деревенька. Жившие в ней башкиры занимались в основном скотоводством. Деревня была совсем невелика и состояла из нескольких грубо сделанных земляных хижин.

Жители деревни заметили два гладких холма, лежавших милях в восьми от их жилищ на том же берегу реки. Они назвали их Ай-Дерлюй и Аташ, но вообще-то обращали на них мало внимания. Гораздо больше интересовала их ровная долина, на которой местами росла довольно густая трава и можно было пасти скот.

Холодные ветреные зимы и жаркие пыльные лета шли чередой. Мчались мимо века, а жизнь деревни менялась очень мало. Дожди шли так редко и скудно, а почва была так неплодородна, что даже трава росла плохо. Тем не менее жители деревни постепенно стали заниматься земледелием. Они научились сеять зерно в низинах у реки, где не требовалось затрачивать слишком много труда и сил на поливку посевов вручную. Таким образом, их культура развивалась очень медленно. И в начале восемнадцатого века, когда сюда прибыли первые русские, деревня была еще на стадии перехода к земледелию. Была сооружена военная застава в Челябинске,

приблизительно в ста двадцати милях к северо-западу. Отсюда и приехали в деревню русские, они искали минералы и полезные ископаемые, составляли карты и пытались собирать налоги и подати. Иногда им это удавалось. Иногда скотоводы их убивали. Они никогда не оставались здесь надолго.

Потом один из русских заметил, что стрелка его компаса странно отклоняется под действием этой горы Ай-Дерлюй. Он назвал эту расположенную рядом с горой деревню Магнитная и уехал. Следующей весной он возвратился, приведя с собой людей с лопатами и съестными припасами. Они стали копать землю на склонах Ай-Дерлюй и нашли там богатые залежи руды. Некоторые из этих людей прожили здесь все лето и продолжали копать. Сначала жители деревни проявляли любопытство, но потом потеряли к этому интерес.

В 1747 году сюда приехал предприимчивый русский помещик и промышленник Мясников и начал заниматься здесь горным делом. Он привез с собой крепостных из Центральной России. Он кормил их мясом, которое покупал за бесценок у башкирских скотоводов. Крепостные работали по многу часов и летом спали на земле. Дела у Мясникова шли хорошо. В теплое время года руду выкапывали на склоне горы и складывали кучами. Когда наступила зима, руду переправляли на санках по занесенной снегом степи в Белорецк, находившийся на расстоянии более семидесяти миль отсюда. Там ее плавили, используя древесный уголь, в горнах небольших доменных печей — «чайниках», которые давали несколько тонн железа в день *.

В 1753 году Мясников и его партнер Твердышев получили целиком гору Магнитную в дар от царицы Елизаветы Петровны. Потребовалось немало денег на взятки всем посредникам в этом деле, набившим себе на нем карманы, но дело того стоило.

Несколько лет спустя шахта и плавильный завод в Белорецке были проданы и после каких-то сомнительных сделок перешли в руки и стали собственностью Вогау (Фогау? — *Перев.*) и компании — металлургической корпорации, большая часть акционерного капитала которой принадлежала французам и бельгийцам. Добыча руды встала на более деловую основу. Ежегодно добывали

* До сорока тонн.— *Примеч. автора.*

и отправляли двести тонн руды. Затраты на производство и транспортировку составляли три-четыре копейки за пуд, или, иначе говоря, что-то около двух рублей за тонну.

На протяжении полутора веков богатые запасы полезных ископаемых и руд Уральских гор «разрабатывались» молодым промышленным капитализмом. К 1913 году работы были рационализированы и выпуск продукции увеличился до пятидесяти тысяч тонн руды в год. (Такое количество сейчас производится за два дня.) Крепостных больше уже не использовали в качестве рабочей силы. Вместо них нанимали людей из местного населения — башкир и киргизов, а также русских — на временную работу, выплачивая им всем жалованье.

Хотя работы были организованы лучше, чем прежде, и было установлено кое-какое оборудование, все же основные процессы оставались такими же, как в восемнадцатом веке. Перевозили руду на санках и лошадях. Люди и животные были единственными рабочими мощностями. Не было ни железных дорог, ни электричества, никакого современного оборудования. Работы велись варварским способом: руду выкапывали, снимая поверхностный слой земли; ничего не предпринималось, чтобы усовершенствовать шахту и создать более благоприятные условия для будущих разработок и извлечения руды. При этом верхний слой земли отбрасывали и сваливали в кучу где-нибудь поблизости, а потом эту кучу снова приходилось перебрасывать, когда надо было расширить углубление в земле, откуда вынимали руду.

Глава III

До войны * обитатели деревни Магнитной и значительная часть рабочих-рудокопов были башкиры и киргизы. Это были азиатские народности, которые много унаследовали в историческом и культурном отношении от турок, монгол, татар и русских. Языки киргизов и башкир были похожи и родственны турецкому языку.

Киргизия находится в тысяче пятистах милях к юго-востоку от Магнитной. Это дикая гористая местность

* Имеется в виду первая мировая война 1914 года.— *Примеч. переводчика.*

со миожеством озер н иесколькнмн ледникамн. Перед войиой * сельское хозяйство здесь было почти ие развито. Огромиые массы киргизов-полукочевннков обеспечивали свое существование, заннмаясь скотоводством, выращнвая отары овец и стада другого скота. Они подвергались двойиой эксплуатацин — и со стороиы местных киргизских баев, н со сторны русских колоиистов и сборщиков иалогов. Их культуриый уровень был очень иизкнм. У кнргизов ие было письмеииостн. Девяносто пять процеитов населеиия было неграмотно. Не было нн врачей, ии школ, нн культурных заведеиий.

В иачале восемиадцатого века Кирrнзия была опустошеиа иепоиятиой кровавой смутой, н часть киргизских скотоводов из многнх районов переселнлась в другие части страиы. Некоторые нз них ушли в северном иаправленин и смешалнсь с башкнрами, татарами и казахами, жившими к северу и северо-западу от Кнргизии. Такнм образом, та часть Южиого Урала, где иаходнлась деревия Магиитная, была населеиа людьми, в жилах которых текла кровь их кнргизскнх предков **.

Вот так и случилось, что в деревне Магиитиой жили киргизские и башкнрскне скотоводы, еще только иачииавшне возделывать землю, неграмотиые, иекультурные, днкие и по традицнн сопротивлявшнеся внешинм влияниям.

В самом иачале, когда рудокопы впервые появились иа склоиах горы, обращеииых в сторону Урал-реки, жнтелн деревнн возмущалнсь и негодовалн. Позже миогие из ннх иаинмались иа работу по перевозке железной руды в Белорецк и такнм образом превратились в пролетариев, иаемиых рабочнх еще ие существующего капнталнзма, в то время как нх культура оставалась иа уровне между варварством и цнвнлизацней. Оии выполнялн свою работу, получалн свою зарплату и узналн, что могут иа эти деиьги покупать водку, ситец и табак. Оии почувствовалн вкус ко всем этнм вещам и уже иикогда больше не возвращалнсь к своим стадам. Оин стаиовились шоферами, шахтерами, черно- и разнорабочими и оставалнсь ими до окоичания строительства Магиитогорска, после чего многне из иих овладели разлнчиыми специальностямн н стали квалифнцнрованнымн рабочими и техинками.

---

* То же.

** См. Приложение (1).— *Примеч. автора.*

Эти выходцы из племени всегда хорошо помнили, к какой национальности они принадлежат. Они учили своих детей только киргизскому и башкирскому языкам и старались овладеть русским лишь настолько, насколько это было необходимо им для работы. Даже теперь дети ходят преимущественно в те школы, где преподавание ведется в основном на их собственных языках (для которых большевики разработали алфавиты). Во многих случаях люди сохраняют свою национальную одежду. В массе они продолжают оставаться неассимилированным элементом в огромной агломерации русских, украинцев, евреев, латышей, финнов, немцев и людей всех остальных национальностей, пришедших строить Магнитогорск.

Глава IV

Революция 1917 года не оказала немедленного воздействия на шахтеров и скотоводов, живших в районе Магнитной. Они продолжали, как обычно, заниматься своим делом, хотя стало труднее покупать вещи и нарушилась работа транспорта.

Затем началась гражданская война. Пришли русские шахтеры с винтовками за плечами и стали вести непонятные беседы о Советской власти, об экспроприации капиталистов и захвате земли крестьянами.

Некоторые более молодые жители деревни покинули родные места и присоединились к красным партизанам. Другие вступили в белую армию генерала Колчака, пришедшую на Урал из Сибири. Однако в окрестностях Магнитной было немного военных действий. Обе стороны предпочитали сражаться там, где был лес, который можно было пустить на растопку, и было побольше еды.

Наконец, колчаковская армия, получившая подкрепление от чехов, японцев и других стран, перешла в наступление, захватила территорию, простирающуюся на восток до самой Волги, и присоединила ее к своей сибирской империи. Обитателям деревни пришлось столкнуться с еще невиданными ограничениями, притеснениями и лишениями. Их имущество было конфисковано, их мужчин забрали в белую армию, а их скот был съеден солдатами многонациональной армии, стремящейся уничтожить большевиков и восстановить феодально-капиталистический строй в России.

Воеиные действия продолжались с одииаковой ожесточеииостью по обеим стороиам колчаковской лииии. Добыча железиой руды полиостью прекратилась. Населеиие стало еще бедиее, чем раиьше. Никто ие зиал, какие исторические цеииости поставлеиы иа карту. Все оии зиали, что Колчак является представителем помещиков и капиталистов, а Красиая Армия отдает землю крестьяиам, а шахты и фабрики — рабочим, что оиа прогоияет иеиавистиых сборщиков податей и иалогов, лишает белых офицеров зваиий или расстреливает их.

Через три года граждаиской войиы Колчак и его армия были изгиаиы с Урала и отброшеиы к Тихому океаиу. Деревия Магиитиая узиала об этом только после окоичательиого разгрома Колчака. Жители деревии зиали только, что от иего освободились. Оии собрали свои сильио умеиьшившиеся и разбредшиеся по окрестиостям стада, заиово отстроили дома и попытались виовь иайти какую-то осиову, чтобы получить средства к существоваиию. Одиако это было очеиь трудио. Промышлеииость страиы была парализоваиа. Траиспортиая система полиостью разрушеиа. Не было ии материальиых резервов, ии продовольствия. Семь лет войиы, революции, голода и граждаиской войиы довели страиу до такого положеиия, которое можио сравиить с состояиием человека, избитого чуть ли ие до смерти.

В 1924 году общий объем промышлеииого производства России составил 10—15 процеитов от уровия 1913 года. В последующие четыре года страиа боролась за то, чтобы встать иа иоги с помощью иовой экоиомической политики. Иностраииые коицессии и развитие до иекоторой степеии частиого предприиимательства облегчили восстаиовлеиие.

В этот период, пока для укреплеиия советской экоиомики с успехом использовались старые капиталистические способы, шла яростиая борьба между различиыми фракциями в руководящих группах Советского Союза. Сталии победил, уиичтожил своих врагов и приступил к реализации тех мер, которые считал иеобходимыми.

Программа Сталииа, по существу, была иациоиалистической. Оиа строилась иа утверждеиии, что социализм можио построить и ои будет построеи в одиой страие — Советском Союзе, тогда как Леиии рассчитывал иа революции в Цеитральиой Европе, которые помогли бы

отсталой России на ее трудном пути к социализму. Сталин надеялся на способность Советского Союза обеспечить себя всем необходимым и самому себя защищать.

Для того чтобы построить социализм и защитить его от нападений, которые, как думал Сталин, обязательно будут, требовалось создать собственную тяжелую промышленность, коллективизировать и механизировать сельское хозяйство. За осуществление этих колоссальных задач взялись в конце двадцатых годов. Первый пятилетний план предусматривал перестройку национальной экономики и создание новых отраслей промышленности, новых промышленных районов. Одним из наиболее важных проектов было создание базы тяжелой индустрии на Урале и в Сибири вне досягаемости любого агрессора, которая смогла бы снабжать страну оружием, машинами и станками в огромных количествах.

Этот проект имел несколько больших преимуществ. Во-первых, запасы железа в Магнитогорске уже на протяжении многих лет были известны во всем мире как один из богатейших. Руда находилась прямо на поверхности и содержала до 60 процентов железа. Залежи угля Кузбасса в Центральной Сибири были почти уникальны. В некоторых местах мощность пластов достигала трехсот футов. Эти два огромных нетронутых источника сырья, связанные в единое металлургическое объединение, гарантировали создание ничуть не уступающей Соединенным Штатам базы, которая в будущие десятилетия смогла бы удовлетворять растущие потребности страны в чугуне и стали. Во-вторых, и Магнитогорск, и Кузнецк находились в центре страны, приблизительно в двух тысячах миль от любой из границ, и, таким образом, интервенты, которые, как чувствовал Сталин, рано или поздно обязательно нападут, не смогут долететь до них, даже на самых лучших своих самолетах.

Столь велики были затраты и столь огромны технические трудности, что в предреволюционное время никто никогда и не планировал создание Урало-Кузнецкой металлургической базы. Необходимые капиталовложения составили бы сумму гораздо большую, чем могли позволить себе любые фирмы или даже само царское правительство. «Поскольку эта задача была для капиталистов слишком большой и сложной, то ее предоставили решать рабочим» — сказал доктор.

Необходимо было начинать все с нуля. Не было ни железных дорог, ни баз снабжения, никаких других предприятий ни в Магнитогорске, ни в Кузнецке, ни в их окрестностях. Но Сталин и его Политбюро решили, что работа эта должна быть выполнена, и поэтому в 1928 году была предпринята серьезная попытка спроектировать Урало-Кузнецкое объединение и мощный, современный металлургический завод в Магнитогорске.

Сталин был, вероятно, одним из немногих в Советском Союзе, кто понимал, как катастрофически дорого это будет стоить. Но он был убежден, что нападение на Советский Союз враждебных капиталистических держав, которые хотели бы разорвать на части и уничтожить первое социалистическое государство,— это только вопрос времени. Сталин считал своей священной обязанностью позаботиться о том, чтобы, когда такое время наступит, агрессоры не смогли бы достичь своих целей. Все средства были хороши для решения этой задачи.

Как рассказывал мне доктор, было много дискуссий и споров среди ученых и экономистов о приемлемости такого стремительного строительства Урало-Кузнецкого комбината с целой галактикой машиностроительных и военных заводов. Первоначальные затраты уже были в два раза выше, чем при строительстве подобных объектов на Украине и в Донбассе, так как это были промышленные районы, где уже имелись и железные дороги, и линии электропередач; к тому же они находились вблизи от баз промышленного и сельскохозяйственного снабжения. О районах же вокруг Магнитогорска и Кузнецка было еще очень мало известно, геологические изыскания проводились здесь до этого времени весьма поверхностно. Не лучше ли было бы строить на Украине и подождать с Урало-Кузнецким объединением до тех пор, пока не будут проведены более тщательные и доскональные изыскания?

Такие возражения высказывались неоднократно в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Строительство велось в таком темпе, что миллионы мужчин и женщин голодали, замерзали и были доведены до животного состояния нечеловеческим трудом и немыслимыми условиями жизни. Многие задавали вопросы: а стоит ли все это таких усилий?

Сталин пресекал эти сомнения с присущей ему решительностью. Украина уже была захвачена немцами

в 1918 году. Они снова могут вторгнуться на ее территорию. Советский Союз должен иметь такую базу тяжелой промышленности, которая была бы недоступна для вторжения, и он должен иметь ее немедленно, говорил этот грузинский большевик. А его слово было законом.

В январе 1931 года Сталин выступил с исторической речью на конференции хозяйственников. Своим неподражаемым, простым языком Сталин настойчиво объяснял необходимость ускорения темпов индустриализации. Он предупреждал русский народ, что за десять лет он должен сделать свою страну такой же сильной, как и окружающие ее капиталистические страны, иначе Россию захватят и уничтожат *.

Благодаря непреклонной воле, безжалостной целеустремленности и упорству Сталина были созданы Магнитогорск, Уральский и Западно-Сибирский промышленные районы. Без Сталина эта работа не была бы сделана.

Глава V

Когда арктическая зима внезапно сменилась весной, Магнитогорск изменился до неузнаваемости. В начале апреля все еще было очень холодно; у нас не было почти ни одной оттепели; все было накрепко сковано морозом. К 1 мая земля оттаяла и город плавал в грязи. Мы выходили из бараков и тут же увязали в ней. Кучи мусора и туалеты, находившиеся на улице, тоже оттаяли; надо было немедленно вывезти все, накопившееся там за зиму, чтобы избежать заражения. Стало почти невозможно проводить сварку, так как наши оборванные кабели коротило на каждом шагу.

Приблизительно в это же время я заметил, что мой друг — доктор очень занят. Позже он рассказал мне, что случилось. В трех местечках неподалеку от Магнитогорска началась бубонная чума. Три деревни были окружены войсками и изолированы. Пятьдесят лет назад в этих деревнях было бы уничтожено все живое, рассказал мне доктор. Царская Русь очень быстро решала вопрос с эпидемией чумы — войска сжигали все, находившееся в зараженных областях. Теперь же такие меры не принимали, но весь медицинский персонал

* См. Приложение (2).— *Примеч. автора.*

Магнитогорска был мобилизован, чтобы подготовиться на случай возможной вспышки чумы в городе. Сопротивляемость организма у людей была очень низкой из-за плохого питания в течение зимы и постоянной сверхурочной работы. Санитарные условия, особенно во время таяния снега, были ужасающими.

Врачи разделили город на восемь участков и подготовились к возможной полной изоляции их друг от друга. Было сделано многое, но доктор рассказал мне, что если эпидемия достигнет Магнитогорска, то, он полагает, будет невозможно локализовать ее только на каком-либо одном из участков города.

Рис. 6. Садики, примыкающие к баракам

Через две недели солнце уже высушило землю и у нас стало тепло, как летом. К середине мая жара стала невыносимой. В бараках нас пожирали клопы и другие насекомые-паразиты, а на работе мы с трудом справлялись со своими обязанностями. Мы, привыкшие сопротивляться холодам, были выбиты из колеи жарой.

Фактически магнитогорское лето напоминает лето в Вашингтоне (округ Колумбия), единственное отличие состоит в том, что в Магнитогорске оно более засуш-

ливое. Три месяца не было дождей. Для земляных работ башкиры использовали верблюдов, тогда как в другие времена года для этой работы брали лошадей. Степь совсем высохла и стала похожа на пустыню.

В середине июня мы сдали экзамены в Комвузе, он закрылся до сентября, и я с восторгом обнаружил, что у меня появилось много свободного времени. Я стал часто навещать моего друга Андре, американца украинского происхождения, присланного в Магнитогорск компанией «МакКи»; он работал в технических архивах, находившихся в подвальном помещении административного здания комбината. Это было самое прохладное место в Магнитогорске. Андре никогда не бывал слишком занят и всегда мог прервать свою работу, чтобы выкурить сигарету и поболтать о том о сем.

Я заинтересовался архивами. Огромный подвал был разделен на несколько помещений аккуратными рядами полок. Здесь хранилось более ста тысяч планов и проектов, подшитых в папки. Инженеры и техники со всего комбината приходили в архив каждый день, чтобы выяснить тот или иной технический вопрос, и штат сотрудников архива, состоявший из восьми или десяти человек, был постоянно занят тем, что печатал и подшивал копии на папиросной бумаге, кальки и чертежи новых агрегатов по мере того, как их получали из Москвы, Ленинграда или чертежно-конструкторского отдела комбината. Я провел два или три вечера, просматривая проекты для Магнитогорска, и страшно увлекся этим делом. Я попросил Колю перевести меня в вечернюю смену и почти в течение целого месяца проводил каждый вечер, роясь в архивах или в технической библиотеке, находившейся в том же здании, в поисках интересных фактов о Магнитогорске.

Глава VI

Первый серьезный проект Магнитогорского металлургического комбината был подготовлен в 1928 году Гипромезом — ленинградской проектной организацией, занимающейся проектированием предприятий металлургической промышленности *. Согласно этому проекту на-

* См. Приложение (3).— *Примеч. автора.*

мечалось построить завод, который хотя и был довольно большим для России, но по сравнению с новейшими промышленными предприятиями Соединенных Штатов был гораздо меньше как по своим размерам, так и по производственным мощностям. Он был в пять раз меньше сталелитейного завода в Гэри, штат Индиана.

Ровно через год партия и Всесоюзный совет народного хозяйства приняли решение увеличить мощность будущего завода в Магнитогорске с 656 тысяч до 2,5 миллиона тонн чугуна в год. К этому решению пришли после обсуждения достижений современной технологии в Соединенных Штатах и необходимости наиболее полно использовать эти достижения в Советском Союзе *.

Выполняя эту директиву, представители Советского Союза подписали контракт на сумму 2,5 миллиона долларов ** с компанией «МакКи» из Кливленда (штат Огайо) на проектирование завода и техническое руководство строительством. Необходимо было заключить контракт с иностранной фирмой-исполнителем, потому что ни одна из существовавших в то время советских организаций явно не была способна выполнить такую работу.

Приблизительно в это же время были проведены тщательные геологические и топографические изыскания в Магнитогорске и его окрестностях, в результате которых обнаружились богатые запасы сырья, намного превзошедшие самые оптимистические ожидания. В Магнитогорске были найдены запасы железной руды, составляющие 228 миллионов тонн, причем содержание железа в этой руде было около 56 процентов и более ***.

В то время как железная руда, несомненно, являлась важнейшим условием для создания металлургического завода, было и другое необходимое сырье: большие залежи огнеупорной глины, известняка, мела, доломита, магнетита, строительного песка, марганцевой руды и строительного камня. Река Урал, протекавшая мимо рудного месторождения всего лишь на расстоянии пяти миль, была источником водоснабжения, и, несмотря

---

* См. Приложение (4).— *Примеч. автора.*

** В то время, о котором идет речь в книге, американский доллар имел золотое покрытие, т. е. обеспечивался золотом.— *Примеч. переводчика.*

*** См. Приложение (5).— *Примеч. автора.*

на то, что в зависимости от времени года уровеиь воды в реке падал и количество ее было недостаточным, она могла бы стать основой для создания двух искусственных озер. Качество и количество залежей огнеупориой глины позволяло на месте производить столько огнеупорных кирпичей, сколько требуется. Залежи маргаица позволяли добывать в количестве более чем достаточиом для удовлетворения потребностей мартеновского цеха Магнитогорска.

В 1932 году возиикали разногласия между компанией «МакКи» из Кливлеида и советскими инженерами и адмииистрацией. Первоначальиый контракт был иарушеи, проектироваиие прокатного стаиа передано иемецким фирмам «Демаг» и «Клайн», в то время как более детальное проектирование коксового завода перешло американской фирме «Копперс и компаиия». Домеиная печь и горнорудиые разработки были оставлены за «МакКи», а все остальиое — мартен, вспомогательные цехи, транспорт, водосиабжеиие и т. д.— передали различным советским проектным организациям.

Слегка забегая вперед, надо сказать, что к 1934 году (когда весь завод в том виде, как он был запроектирован в 1928, уже должен бы быть закончен) пришли к выработке более или менее окончательного варианта, содержавшего в себе элементы различных оригииальных проектов, которые зачастую были плохо увязаны между собой. Этот проект более или менее сохраняется и теперь, хотя само предприятие, возможно, иикогда ие будет завершеио в том виде, как это было предусмотреио первоиачальио.

В соответствии с проектом 1934 года Магнитогорский комплекс должен был включать в себя шахту по добыче железной руды в количестве 7,5 миллиоиа тоии, восемь доменных печей, восемь батарей коксовальиых печей, тридцать шесть мартеновских печей и шестиадцать прокатных станов *. Предполагалось, что затраты на строительство превысят 2,5 миллиарда рублей **.

Согласно данному проекту Магнитогорск в закоичениом виде должен был стать крупнейшим в мире металлургическим комбинатом иепрерывиого производства от шахты до прокатиого стана. В соответствии с реше-

* См. Приложение (6).— *Примеч. автора.*
** См. Приложение (7).— *Примеч. автора.*

нием XVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, состоявшегося в 1934 году, комбинат должен был быть завершен к концу второго пятилетнего плана, то есть в декабре 1937 года; помимо этого, должно было в основном завершиться строительство (стоимостью около одного миллиарда рублей) образцового социалистического города на двести тысяч жителей.

Эти грандиозные планы были выполнены приблизительно только на сорок пять процентов. Четыре доменные печи, двенадцать мартеновских печей, дюжина прокатных станов и соответствующее количество других агрегатов, предусмотренных планом, были построены и пущены в строй к 1938 году, после чего строительство фактически прекратилось *.

Глава VII

История строительства в Магнитогорске была захватывающей. За несколько лет во время экскавационных работ было выкопано полмиллиарда кубических футов грунта, залито сорок два миллиона кубических футов железобетона, положено пять миллионов кубических футов огнеупорных кирпичей, установлено и смонтировано стальных конструкций общим весом в четверть миллиона тонн.

Это было сделано без достаточного количества трудовых ресурсов и самых элементарных материалов. Бригады молодых энтузиастов из всех уголков Советского Союза прибыли сюда летом 1930 года, проложили полотно железной дороги и построили плотины, что необходимо было сделать до того, как начнется строительство завода. Позже в Магнитогорск стали приходить группами местные крестьяне и пастухи из окрестных деревень, потому что условия в деревне из-за коллективизации ухудшились. Многие из этих крестьян были совсем незнакомы с промышленными процессами и инструментами. Им пришлось начинать все с самого начала и учиться работать коллективно. Тем не менее они так хорошо все освоили, что первая плотина, перегородившая Урал-реку, была закончена шестого апреля 1931 года, и озеро стало заполняться водой. Уже через

* См. Приложение (8).— *Примеч. автора.*

два года оно достигло пяти миль в длину и обеспечивало город и завод водой в достаточном количестве на протяжении первой половины строительства.

В первом квартале 1931 года начались земляные работы и закладка фундамента основных цехов завода, и в то же время начала давать продукцию железорудная шахта. Целая колония из нескольких сотен иностранных специалистов и инженеров, некоторые из которых получали зарплату до ста долларов в день, и им оплачивались все расходы, прибыла для консультации и руководства работами. Затраты исчислялись миллионами (170 миллионов рублей в 1931 году).

Несмотря на трудности, работа шла гораздо быстрее, чем предполагали наиболее оптимистично настроенные иностранцы, однако намного медленнее, чем этого требовали химерические планы Советского правительства. В конце 1931 года были готовы к пуску первая батарея коксовальных печей и доменная печь № 1. Первого февраля 1932 года в Магнитогорске был выплавлен первый чугун.

Выполнение плана за первый квартал 1932 года составило 44,9 процента. Выполнение плана по строительству города практически равнялось нулю. Почти все рабочие жили в палатках или временных бараках. Решение правительства закончить строительство Магнитогорского завода к концу 1932 года номинально все еще сохраняло силу, хотя фактически любому было ясно, что это лишь мечты. Различные московские организации критиковали друг друга за саботирование строительства Магнитогорска, и те, кто непосредственно отвечали за работу и в Москве и в Магнитогорске, были сняты со своих постов. За год администрация менялась три раза. Каждая замена означала, что еще одна новая группа ответственных работников должна войти в курс дела, «приработаться», и обычно приходилось обучать целую плеяду неопытных чиновников. В это время положение в стране стало очень трудным. Была затяжная и острая нехватка продовольствия. Плохое питание снижало производительность труда. Экономические трудности вызвали сокращение золотых запасов, необходимых для закупки оборудования за границей, и часто нехватку денег и соответственно задержку зарплаты в самом Магнитогорске.

Многим работающим здесь стало ясно, что совер-

шенно невозможно выполнить решения московских организаций в том, что касалось сроков завершения сооружения различных установок. Однако высказывание такого мнения на политическом жаргоне страны называлось «правым оппортунизмом»; для членов Коммунистической партии это было достаточным основанием для исключения и снятия с работы. Проявившиеся в результате этого непорядочность и лицемерие, которые были характерны для методов местного политического и административного руководства, не могли не сказаться на ходе самой работы и на всех, кто был с ней связан.

В течение 1932 года почти в каждом виде работ была введена сдельщина. Таким же образом была усилена финансовая подотчетность каждой отдельной административной единицы. Эти меры были направлены на то, чтобы уменьшить расходы, которые повсеместно были абсурдно высокими, и увеличить производительность труда.

Однако это не всегда давало ожидаемые результаты. Часто мастера выписывали дневную выработку произвольно, чтобы не затруднять себя подсчетом работы, сделанной каждым членом бригады. Зачастую такие подсчеты, когда они проводились, были неточными, и номинально будучи сдельной, зарплата рабочего в действительности не отражала результатов его труда. Нередко мастера, желая увеличить заработок своих рабочих, сильно завышали их выработку. Известны были случаи, когда зарплата выплачивалась за десятки тысяч кубических метров грунта, выкопанного вручную, тогда как вообще ничего не было сделано.

Тем не менее производительность труда в целом постепенно выросла в каждом цехе. Например, время, необходимое для укладки кирпича в стены мартеновских печей, сокращалось следующим образом (число каменщиков, работающих там, было постоянным): печь № 1 (июнь 1933 г.) — 30 дней; печь № 2 (август 1933 г.) — 28 дней; печь № 3 (октябрь 1933 г.) — 16 дней; печь № 4 (ноябрь 1933 г.) — 14 дней. Каменщики учились быстро.

С самого начала постоянно делались попытки механизировать различные строительные операции. Однако зачастую дорогое импортное оборудование использовалось совсем неэффективно. Подсчеты советских инженеров в Магнитогорске показали, что там экскаваторы делают только 30—40 процентов работы, которую вы-

полняют машины такого же размера и типа в Соединенных Штатах *.

Одной из наиболее серьезных проблем, которую приходилось решать администрации, была нехватка рабочей силы. С 1928 по 1932 год около четверти миллиона человек прибыли в Магнитогорск. Около трех четвертей всего этого числа вновь прибывших приехали по собственному желанию в поисках работы, хлебных карточек, лучших условий. Все остальные приехали по принуждению **.

Все время не хватало квалифицированных рабочих. Это происходило в основном по вине той организации, в функции которой входила подготовка квалифицированных кадров, а также вследствие того факта, что индустриализация в других частях страны мешала набирать в большом количестве квалифицированных работников из других промышленных центров. Следующая таблица дает представление о положении с рабочей силой в начале 1933 года:

	Спрос (потребность)	Предложение (наличие)	Процент
Каменщики	959	559	58
Такелажники и монтажники	1456	815	56
Укладчики огнеупорных кирпичей	416	230	55
Плотники	3111	2600	83
Землекопы	3622	2200	61
Чернорабочие и разнорабочие (неквалифицированные рабочие)	5013	9700	194

Совершенно ясно, что многим разнорабочим приходилось выполнять работу квалифицированных рабочих. В результате этого неопытные монтажники падали, а неквалифицированные каменщики так укладывали стены, что они не могли стоять.

* См. Приложение (9).— *Примеч. автора.*

** См. Приложение (10).— *Примеч. автора.*

Недостаток рабочей силы усугублялся большими потерями рабочего времени, вызванными в основном «абсентеизмом» — прогулами — старым русским обычаем просто не выходить на работу, либо не выходить на следующее утро после выпивки, либо потому, что просто не хотелось идти на работу. С этим сурово боролись, но полностью ликвидировать так и не могли. Другой причиной потерь рабочего времени была плохая организация труда. Например, две бригады направлялись на работу, где могла работать только одна. Посылали бригаду заливать бетон в фундамент до того, как были закончены земляные работы. Рабочих посылали на такую работу, для которой не было материалов или необходимых инструментов, а также плана работ.

Социалистическое соревнование между отдельными лицами, бригадами и целыми цехами поощрялось, и оно, несомненно, способствовало увеличению выпуска продукции и производительности труда. Отчасти это было адекватным заменителем мотивов капиталистического соревнования, действующего во всем остальном мире. Зарплату выплачивали два раз в месяц, однако нередки были и задержки с ее выплатой, что было результатом нехватки денег, находящихся в обращении. Средняя дневная зарплата строительных рабочих постепенно выросла от 3 рублей в день в 1929 до 5 рублей 50 копеек в 1935 году. Нужно иметь в виду, что в то время, как номинальный курс рубля составлял около 50 американских центов до 1935 года, фактически непрерывная инфляция рубля, начавшаяся в конце двадцатых годов, нашла свое отражение в законе 1935 года, девальвировавшем рубль до двух пятых его предыдущей стоимости. Таким образом, невозможно сказать, что реальная заработная плата магнитогорских рабочих выросла с 1929 по 1935 год. Поднятие цен свело на нет увеличение заработной платы.

Низкая реальная заработная плата и плохие условия приводили к большой текучести кадров, представлявшей собой очень сложную проблему. В одной из своих первых речей, произнесенных в Магнитогорске, Ломинадзе указал на тот факт, что на одном паровозе, работающем на шахте, за один год сменились тридцать четыре машиниста. Рабочие завербовывались и отправлялись на работу в Магнитогорск, а потом, увидев, что условия здесь плохие, увольнялись и уезжали в какое-

нибудь другое место, о котором слышали, что там лучше. Единственным решением этой проблемы, несомненно, пагубно сказывавшейся на деятельности сложного и высокоспециализированного промышленного предприятия, было улучшение условий жизни. Это подчеркивал нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе во время своей поездки в Магнитогорск в 1933 году, и Ломинадзе и Завенягин постоянно над этим работали.

В 1932 и 1933 годах у администраторов и мастеров появилась вполне естественная тенденция просто не отпускать своих рабочих. Некоторое время, в 1933 году, рабочему было почти невозможно уволиться с работы, хотя по закону он имел право увольняться, когда бы он ни пожелал, подав заявление об увольнении за пятнадцать дней до своего ухода. Профсоюзы опасались помогать рабочим. Они боялись, что получат выговор от администрации и партийных органов за то, что они «не борются с высокой текучестью кадров». Таким образом, они занимались тем, что уговаривали рабочих остаться. Эти злоупотребления более или менее прекратились к 1936 году, но в 1938 вновь возобновились и были узаконены в 1940 году правительственным постановлением, лишавшим советского рабочего права увольняться с работы без разрешения.

Еще одной болезнью, порождавшей смуту, особенно в 1932 году, было растущее число канцелярских работников. Каждая промышленная организация обзаводилась финансовым отделом, плановым отделом, экономическим отделом, техническим бюро, большим отделом снабжения и огромным штатом бухгалтеров и счетоводов. Такое раздувание штата сотрудников было вызвано плохой организацией и отсутствием компетентных опытных учрежденческих служащих, что и вынуждало сажать десять полуобразованных «канцелярских крыс» на такое место, где справился бы и один бухгалтер. Еще более важным фактором явилось повсеместное введение в 1932 году оплаты за сдельную работу. Такая сложная работа, как изготовление инструментов, которая в большинстве продуктивно работающих капиталистических мастерских и цехах оплачивается в зависимости от затраченного рабочего времени, стала предметом для экспериментов со сдельщиной. В результате счетоводов часто было столько же, сколько инструментальщиков. В сло-

жившейся ситуации было еще труднее удовлетворять потребность в рабочей силе, так как большое число квалифицированных рабочих и инженеров занимались непроизводительным канцелярским трудом.

Глава VIII

Одной из наиболее сложных проблем в Магнитогорске было снабжение. Город находился далеко от ближайшего промышленного центра. С Челябинском и другими городами Советского Союза он был связан одноколейной железной дорогой. Более того, в годы первой и второй пятилеток в Советском Союзе вообще не хватало промышленных материалов, равно как и многих продуктов питания.

В 1932 — 1933 годах последние запасы закупленных за рубежом огнеупорных кирпичей, слесарных инструментов, моторов, бетономешалок, электродов, проволоки, проводов и сотни других видов оборудования иссякли. Русские рабочие стали зависеть от советской промышленности в целом или же от своих собственных цехов, которые должны были производить все, что им необходимо, за исключением самой сложной и тонкой техники, такой, как пирометры и моторы прокатных станов, поэтому их продолжали импортировать еще в течение нескольких лет. Рабочие Магнитогорска вынуждены были сами доставать себе молотки, стамески и зубила, пилы, буравы, мелкие литейные формы и другие небольшие инструменты, которые можно было изготовить во временных цехах и мастерских. Многих материалов, в том числе таких, например, как медная проволока для замены обмотки моторов, просто не было. Рабочие бранили мастера, мастер жаловался управляющему, отдел снабжения слал телеграммы в Москву. Медной проволоки не было.

Самой сложной и запутанной была проблема снабжения производства строительными материалами. Зимой все лесоматериалы исчезали тоннами в домах рабочих, использовавших их в качестве топлива. Не из чего было строить подмостки и леса. Прибывающий вагон стройматериалов становился причиной отправки телеграмм Орджоникидзе, а иногда даже и Сталину для

того, чтобы решить, какой из многих организаций-претендентов должны отдать этот драгоценный груз *.

Организационные недостатки часто еще более усугубляли трудности в снабжении. Прибывало много материалов, которые либо были абсолютно не нужны, либо могли не понадобиться еще долгие годы. Такие материалы и оборудование фигурировали в конторских книгах как «выполнение плана по снабжению», хотя на самом деле их ценность составляла величину отрицательную, поскольку их еще надо было где-то хранить. В 1933 году стоимость имевшихся в наличии материалов составляла шестьдесят миллионов рублей, то есть около 60 процентов от общего бюджета по строительству на этот год **.

Большое количество материалов и оборудования пропадало, расходовалось впустую или оставалось неиспользованным. В 1935 году начались земляные работы, стали рыть котлован для закладки фундамента второго мартеновского цеха. Когда работы начались, снабженческие организации послали людей на строительную площадку, чтобы востребовать и забрать оттуда оборудование. Я наблюдал, как они спорили из-за катушек стального кабеля, рельсов, угольников, вспомогательных двигателей, электрооборудования, бетономешалок, которые были там выкопаны. Все это оборудование было засыпано землей из-за бездумности и равнодушия в 1931 и 1932 годах, когда шли экскаваторные работы для котлована первого мартеновского цеха. Когда это оборудование нашли, его ценность существенно уменьшилась. Электромоторы не могут пролежать похороненными под слоем земли пять лет и при этом не обесцениться в значительной степени.

Строительные работы задерживались из-за отсутствия материалов, а еще больше — из-за нехватки оборудования ***. На 1 января 1934 года получили и установили только 21 процент запланированного оборудования. Помимо невыполнения плана по поставкам существовал интересный феномен в центральном складе, известный как «нулевой склад». В нем хранилась коллекция оборудования, которое так и не было доставлено

* См. Приложение (12).— *Примеч. автора.*

** См. Приложение (13).— *Примеч. автора.*

*** См. Приложение (14).— *Примеч. автора.*

по назначению и установлено, потому что либо не было никаких указаний на то, кто является его получателем, либо не смогли отыскать адресата, а иногда и вообще без всяких на то причин. На этом складе я видел двухтонный ротор производства фирмы «Сименс-Шукерт». Не было никаких следов или указаний на местонахождение того мотора, частью которого был этот ротор. Его купили в Германии, заплатили за него золотом, а он пролежал долгие годы, портясь, разрушаясь и ветшая на магнитогорском нулевом складе. Кроме ротора, я обнаружил оборудование для производства обуви, разрозненные подшипники, запасные части для всевозможных моторов, токарные станки, электрооборудование, фрезерные станки, части от автомобилей и целую кучу отливок, литейных форм, поковок и каких-то частей от станков или машин, о назначении которых можно было только догадываться.

Продукты, косвенно тоже необходимые для строительных работ, достать было так же трудно, как и промышленные материалы. Каждая производственная организация должна была обеспечивать питанием своих рабочих. Она выдавала продовольственные карточки, а затем пыталась отоварить их согласно перечисленным в них пунктам. Однако очень часто ей не удавалось этого сделать. В 1932 году в продовольственной карточке монтажника, выдаваемой ему на месяц, значилось следующее:

хлеб	30 килограммов
мясо	3 «
сахар	1 «
молоко	15 литров
масло	1/2 килограмма
крупа	2 «
картофель	по мере доставки

Однако на протяжении всей зимы 1932 — 1933 года монтажники не получали ни мяса, ни масла, и почти не видели сахара и молока. Им выдавали только хлеб и немного крупы. В магазине, к которому они были прикреплены, они могли купить не по карточкам духи, табак, «кофе» (суррогат), а иногда мыло, соль, чай и леденцы. Однако этих товаров почти никогда не было в продаже, а когда их привозили, то рабочие порой остав-

ляли работу и с гаечным ключом в руках бежали в магазин, чтобы, пробив себе дорогу, получить полфунта каменных леденцов.

Рис. 7. Дети, несущие лозунг

Помимо продуктов, приобретаемых в магазине, рабочие ели раз в день, также по карточкам, в одной или нескольких столовых, имеющихся при каждом производственном объединении. Карточную систему в столовых было очень трудно отменить, потому что мастера и администрация, пытаясь стимулировать своих работников, выдавали им дополнительные карточки на питание в столовых. Таким образом, в 1933 году восемьсот рабочих Магнитогорского сварочного треста съели две тысячи обедов. Однако, поскольку в центральной конторе снабжения знали, что в сварочном тресте работает только восемьсот рабочих, то они отпускали продуктов ровно на восемьсот обедов, и директору столовой приходилось их разбавлять. Поэтому качество обе-

дов ухудшалось. В начале 1933 года в столовой № 30 человеку, работающему на большой высоте прн температуре 50° ннже нуля, необходимо было съесть два нли три обеда, чтобы действительно наесться.

Глава IX

Финансирование строительства производнлось Промышленным и Государственным банками, имевшими колоссальный штат экспертов-спецналистов, нередко наступавших на любимую мозоль планово-фнннансовым отделам Строительного управления. Часто банки не получали того колнчества денег, которое им полагалось, из-за тезаврирования валюты, а также и потому, что производственный план Магнитогорска по выпуску продукции не выполнялся и запланированное количество чугуна и сталн не было отгружено и отправлено, что означало дефицит на счету Магнитогорска в Московском государственном банке. Вследствие этого часто не хватало денег даже на зарплату рабочим и служащим, не говоря уже о средствах на городское строительство, и еще сотню других нужд, предусмотренных планом. Более того, строительные организации постоянно перерасходовалн свои бюджеты *.

На комбинате, на работе и в городе я постоянно ощущал, как потом и кровью строился Магннтогорск. В архивах Андре я увидел, как это втискивается в рамки статистического обобщения. Как только я чувствовал раздражение по какому-то поводу — скажем, двухнедельной задержки зарплаты, я шел в архнвы и находил утешенне в сообщениях, что Магнитогорск теряет мнллионы рублей в месяц и что банк в этом месяце недополучнл денежных поступленнй на сумму 4 миллиона рублей, потому что в Магннтогорске нечего было купнть н рабочие хранили свои деньги в чулке и под подушкой илн даже отсылалн их домой в деревню. Я находил удовлетворенне и в том, что несмотря на немыслимые трудности Магнитогорск уже выпускает около 10 процентов от всего количества чугуна, производнмого в стране.

* См. Приложение (15). — *Примеч. автора.*

Глава X

Главнокомандующим Магнитогорска был директор комбината. Он осуществлял свое руководство через администрацию. Абрам Павлович Завенягин был директором Магнитогорска с 1933 по 1936 год. Он родился в 1901 году в семье инженера-путейца. В 1918 году находился на ответственной партийной работе и был членом военно-революционного комитета своего района. В 1919 году его назначили редактором районной газеты в Рязани. Вплоть до 1923 года он был партийным работником, а затем его послали в Москву учиться в Московский горный институт. В этом институте Завенягин провел семь лет — сначала студентом, потом деканом, а затем и директором. Он был прекрасным химиком и хорошим организатором. В течение трех лет Завенягин занимал различные ответственные посты в горнодобывающей и металлургической отраслях, а в августе 1933 года его назначили директором Магнинторска, где он показал себя способным руководителем. На XVII съезде партии * он был избран кандидатом в члены Центрального Комитета, а в 1936 году, после трех лет довольно успешной работы в Магнитогорске, его назначили заместителем народного комиссара тяжелой промышленности.

В 1933 году Завенягин был фактически хозяином Магнитогорска. Он контролировал поставки, всю администрацию комбината, строительство и снабжение города, общественные службы, строительство учебных заведений, здравоохранение и транспорт. Многие из этих функций были узурпированы администрацией комбината у других организаций (комиссарната здравоохранения, городского Совета, комиссариата образования и т. д.). Это ненормальное положение сложилось в результате того, что у администрации комбината были деньги и люди, чтобы по крайней мере попытаться построить необходимые учебные заведения, больницы, трамвайные линии и т. д., тогда как городской Совет, например, был хронически неплатежеспособен, а его руководство — недостаточно компетентно.

* Февраль 1934 года.— *Примеч. автора.*

Глава XI

Однажды во второй половине дня меня послали в большой зал профсоюзов слушать речь Ломинадзе, секретаря райкома партии. Я был в числе нескольких иностранцев, на которых пал выбор потому, что мы знали русский и, присутствовав на заседании, могли потом рассказать всем остальным, о чем говорил партийный начальник.

Речь Ломинадзе была, как всегда, воодушевленной, энергичной, со многими интересными примерами имеющихся недостатков. Позже мне предоставилась возможность познакомиться с этим человеком, и наше знакомство с ним длилось почти два года, вплоть до его смерти.

Грузин Ломинадзе, ранее возглавлявший Коммунистический интернационал молодежи, был мужчиной необъятных размеров, чье громадное тело заплыло жиром. Он был чрезвычайно близорук и постоянно щурился. Интересна его биография. Он был на подпольной работе в Германии, помогал организовывать политические выступления в Кантоне в 1927 году, где, по его собственным словам, провел лучшие дни своей жизни. Возвратившись в Москву после падения Кантонской коммуны, он стал главой КИМа (Коммунистического интернационала молодежи) и оставался на этом посту вплоть до 1930 года. В это время его политические взгляды стали меняться. Он и Сергей Серцов были лидерами «блока право-левых» — последней оппозиционной группы, которая предпринимала какие-то попытки вести открытую деятельность внутри Центрального Комитета партии. Они были не согласны со Сталиным по некоторым, не представляющим особой важности вопросам аграрной политики. Однако существовали и другие разногласия. Ломинадзе, посетив многие страны и будучи чрезвычайно культурным человеком, хорошо знал немецкую литературу, был прекрасным критиком и даже немного писал сам. Он вобрал в себя слишком много элементов западноевропейской буржуазной цивилизации, чтобы быть безропотным свидетелем холодного, бесцветного догматизма и жестокости Сталина как руководителя партии.

Как бы то ни было, «блок право-левых» был запрещен в 1930 году. Ломинадзе исключили из состава

Центрального Комитета, освободилн от занимаемого им поста в КИМе и отправили «в низы» — на работу в заводской комитет. Он возглавил партийную организацию важного авнамоторного завода н работал там настолько хорошо, что через два года его наградили орденом Ленина и послалн в Магнитогорск первым секретарем районного комитета партии. На XVII съезде ему было разрешено выступить и зачитать самоуничижительную речь, в которой он осуждал свое отклонение от линии партии. С самого первого дня своего приезда в Магнитогорск Ломинадзе работал не щадя сил. Прекрасный оратор, он пронзносил одну речь за другой, обращаясь к адмнннстратнвно-хозяйственным работникам, ннженерам, рабочим, разъяснял, убеждал, уговаривал, ободрял и воодушевлял. Он требовал величайшего самопожертвования от своих подчиненных, которых, между прочим, имел обыкновение выбнрать из круга своих личных друзей. Многие нз них, так же, как н он сам, в то или иное время были связаны с какимн-лнбо оппозиционными группамн.

Руководя партнйной организацией, Ломннадзе держал в своих руках множество нитей. В каждом цехе, учреждении, банке, железнодорожной станцни, школе н шахте была партийная ячейка. Директора н управляющие промышленных объектов обычно были членами партии. Авторитет партни средн рабочих был огромен. Таким образом, Ломинадзе мог дать почувствовать свое влияние сотням тысяч людей во всех сферах жизнн. Партия постоянно проводила агнтацнонную и пропагандистскую работу, разъясняя рабочим, ради какой целн они трудятся н как ее достичь. Партня была тем нсточннком нннцнативы н энергии, которые двигалн дело вперед. Хотя нногда партия допускала ошибкн и зачастую создавала напряжение, ведя ненужные ннтриги и ища инакомыслящих, но в общем и целом Магнитогорск не был бы построен так быстро без партии.

Союз коммунистической молодежи (комсомол), профсоюзы н советские организации работали гораздо менее эффективно, чем партия. Эти организацнн иногда месяцами не проводили общих собраний. Руководители сидели в своих кабинетах, почти полностью утеряв связь с членами своих организаций, и практически не контролировали выполненне прннятых решений. За исключением совета барака, состоявшего из пяти человек, вы-

бираемых всеми проживающими в нем для решения вопросов, связанных с повседневной жизнью. Советы значили очень мало для рабочих из барака № 17.

Законы социального обеспечения, исполнение которых было непосредственно связано с деятельностью профсоюзов, проводились в жизнь успешно. Все пользовались отпусками с сохранением зарплаты, оплачиваемыми больничными листами, бесплатным медицинским обслуживанием, домами отдыха и воспринимали все это как должное. Служба социального обеспечения оценивалась высоко, но обычно в этом видели одно из проявлений Советской власти в целом, режима большевиков вообще, а не результат деятельности профсоюзов.

Глава XII

Организация, чья деятельность была действительно важной и имела далеко идущие последствия,— это ГПУ (с 1934 года НКВД), Государственное политическое управление, или Политическая полиция. В функции этой организации входили: наблюдение за классовыми врагами, защита политических руководителей от покушений, раскрытие и проведение судебного расследования деятельности «контрреволюционных групп», шпионских организаций и организаций по саботажу, спекулянтов иностранной валютой и политических оппозиционеров. «Спецотделы», или специальные отделы, имевшиеся в любой организации в городе и на комбинате, были напрямую связаны с районным ГПУ и занимались наблюдением за работниками данной организации. До 1935 года деятельность ГПУ в Магнитогорске почти полностью ограничивалась этим молчаливым, незаметным контролем. Арестов было мало. Но материал, накапливавшийся в досье, пригодился позже, во время большой чистки, ударившей по Магнитогорску со страшной силой в 1937 году.

Около пятидесяти тысяч магнитогорских рабочих непосредственно находились под наблюдением ГПУ. Почти восемнадцать тысяч раскулаченных зажиточных крестьян (таких, как Шабков) и от двадцати до тридцати пяти тысяч преступников: воров, проституток, растратчиков, выполнявших под конвоем работу, не требовавшую никакой квалификации,— все эти люди и были той рабочей силой, которая была необходима, чтобы копать

Рис. 8. Земляные работы на строительстве главного водопровода комбината, 1930 г.

землю для фундамента, возить на тачках бетон, выгребать и убирать лопатами шлак, делать другую тяжелую работу. Эти преступники, известные как «итековцы» *, были обычно изолированы от остальной части города. Они ходили на работу под конвоем, ели в специальных столовых и почти ничего не получали, поскольку жилье и еда предоставлялись им бесплатно. Многие из них имели небольшие сроки заключения — от одного до пяти лет, и очень часто за хорошее поведение им уменьшали эти сроки наполовину.

Один из сварщиков, с которым я работал в 1933 году, впоследствии стал работником администрации ИТК, и у меня была возможность взглянуть на «исправительную» работу, проводившуюся среди этих заключенных. У них были драмкружки, клубы, они ходили в кино, по-

* ИТК — исправительно-трудовая колония или исправительно-трудовой лагерь.— *Примеч. автора.*

сещалн курсы, где нх учнлн чнтать и пнсать, делать задачн на сложение и вычнтаине. Однако основная нх функцня заключалась в том, чтобы работать. Система социалнстического соревновання заставляла разлнчные бригады чувствовать большой интерес к работе и добиваться высокой производнтельностн, так как пайки, степень свободы и продолжнтельность срока заключеиия часто завнселн от выполняемой работы. Оин работали положенный по закону восьмнчасовой рабочнй день, который в напряженные перноды удлннялся до девятн нлн десятн часов по усмотренню адмнннстрацнн комбииата.

Однажды, возвращаясь домой с работы, я стал свндетелем любопытной сценки — передо мной была бригада, состоявшая нз сорока нлн пятндесяти священинков православиой церкви, одетых в грязные, изодранные черные рясы. У всех былн длиииые волосы, у иекоторых даже до пояса. Оин упорно работалн заступами н лопатамн, срывая иебольшой холмнк. Курносый деревенскнй парень снден неподалеку на бугорке, положив на колеин старую виитовку, н безмятежио наблюдал за инмн. Я спроснл одного нз священнников, за что он здесь, но он даже ие ответнл мне.

Глава XIII

Однн нлн два вечера в неделю у меня не было занятий. В этнх случаях я иногда шел в Березкн — маленький пригород, где жили «валютные» иностранцы (получавшие зарплату в валюте) и высокне советскне должиостиые лица. Березкн представлялн собой замкиутый малеиький мирок. Большинство магннтогорских рабочих поиятия не имелн, кто там жнвет и как.

Березкн, нлн «Американский город», как его ннogда иазывали, состоял приблнзительно из ста пятндесятн домов, расположеииых между двумя холмами мнлях в пятн от комбината. Эти дома былн хорошо построены, в большннстве из ннх былн каменные стены н металлнческие крыши, и во всех домах — водопровод и центральное отопленне. Здесь жнлн трнста или четыреста немецких н американскнх специалнстов, которые получали зарплату золотом н работалн либо непосредственно на Советское правнтельство, лнбо на ииостранную фнр-

Рис. 9. Дом в Березках — квартал, где сначала жили иностранные специалисты, а затем местная советская элита (члены руководства комбината, ведущие инженеры и специалисты)

му, чье оборудование они устанавливали. Было сделано все, чтобы создать для этих специалистов условия, близкие к тем, к которым они привыкли у себя на родине. В магазине для иностранцев — Инснаб,— отделение которого находилось в Березках, было в продаже большое количество всех необходимых продуктов: мясо, масло, яйца, молоко, мука, хлеб, рыба, консервы, кондитерские изделия, а также много одежды, но весьма плохого качества. Цены были гораздо ниже (иногда они составляли одну десятую) тех цен, по которым советские рабочие покупали подобные товары в своих магазинах. Теоретически никакие советские специалисты не были прикреплены к Инснабу, однако в действительности директор комбината и его заместители, а также секретарь городского партийного комитета, начальник ГПУ и полдюжины специалистов-заключенных были в списке обслуживающихся в Инснабе вместе с иностранцами. Число советских граждан, прикрепленных к этому магазину, постоянно увеличивалось до 1935 года, когда все мага-

зины с ограниченным доступом были ликвидированы и специальное обслуживание иностранцев прекратилось.

Жизнь, которую вели люди в Березках, была весьма разнообразна и в большинстве случаев приближалась к западноевропейским стандартам. Итальянские специалисты угощали инснабовскими леденцами девушек из местных колхозов, летом ходили в степь за цветами, пели песни и пили имевшиеся в наличии грузинские вина. Американцы играли в покер, читали «Сэтерди Ивнинг Пост» и в свободное время пытались забыть, что они живут на невозделанной пустынной земле Сибири, вдали от своего дома, находящегося на другой стороне земного шара. Немцы обсуждали политику за коньяком, так как не было хорошего местного пива, и многие из них пытались наладить контакты с русскими специалистами и познакомиться с советскими рабочими и их жизнью.

Очень немногие из этих иностранных специалистов приехали сюда со своими семьями. У всех были двух- и трехкомнатные квартиры, и в целом они жили очень хорошо, хотя и страдали от холодов и отсутствия свежих фруктов и овощей. Оборванных татар и башкир из близлежащих колхозов, приходивших в Березки попрошайничать, радушно принимали и щедро одаривали, поэтому по возвращении домой те рассказывали невероятные истории о роскошной жизни иностранцев. Это отбивало охоту у мужского населения этих национальных меньшинств работать на предприятиях, к чему их призывало Советское правительство. Многие из них предпочитали жить милостыней, хотя работы было вполне достаточно для всех, и милиция * часто устраивала облавы, чтобы помешать здоровым и сильным, но не желающим работать мужчинам жить у своих друзей и родственников, где и так было полным-полно народа.

В 1933 году иностранцы начали уезжать домой на родину, и к 1936 году в Магнитогорске осталось только около полдюжины «валютных» специалистов. После их отъезда комнаты занимали молодые советские инженеры и такие административно-хозяйственные работники, как Сёмичкин и Шевченко. Лучшие специалисты-заключенные, например Тищенко, переехали в индивидуальные дома; автомобили, которые до этого находились в рас-

* Полиция.— *Примеч. автора.*

поряжении иностранцев, также передали советским инженерам.

Взаимоотношения специалистов-заключенных с иностранцами были несколько напряженными. Первые боялись быть обвиненными в дружбе с иностранцами. Тем не менее что-то общее между ними все же существовало. Главный инженер-электрик всего комбината, по фамилии Тихомиров, неразговорчивый седой человек лет пятидесяти, который до революции работал на одну бельгийскую фирму, много путешествовал, побывал и учился во всех европейских странах, а теперь отбывал десятилетний срок за участие в деятельности Промышленной партии в 1929 году, был в прекрасных отношениях со многими иностранцами, основанных на взаимном уважении. Тихомиров держался с огромным достоинством. Как и все русские, он не терпел никаких пренебрежительных замечаний в адрес своей страны или ее правительства. Хотя сам Тихомиров не был коммунистом, он, как правило, с большим знанием дела и убежденностью защищал политику, проводимую большевиками. Обо всем, что касалось его собственного прошлого, он хранил молчание. Однако несколько случайно оброненных им фраз дали мне возможность представить себе долгое судебное расследование, бесконечные допросы, многомесячное тюремное заключение после ареста за его деятельность в Промышленной партии и последовавшую в конце концов «административную ссылку» в Магнитогорск. На работе Тихомирова уважали и боялись. Его отдел был одним из наиболее организованных на комбинате. Несмотря на примитивные условия, отсутствие топлива и квалифицированных работников, никогда не случалось перебоев в энергоснабжении предприятия, а себестоимость электроэнергии была всегда ниже запланированной.

Тихомиров был большим другом Тищенко. Они вместе учились в Германии и вместе работали до войны. Теперь же, когда они так часто бывали вместе, их позиции по отношению к Советской власти стали противоположными. Тищенко был мрачен и замкнут, начисто лишен энтузиазма, безразличен. Это был сломленный человек, который не мог смириться и заставить себя работать как можно лучше на большевиков; к тому же он не видел смысла бороться против них. В 1929 году во время судебного расследования Тищенко отказывался подписы-

вать признание до самого конца процесса, Тихомиров же иногда подтверждал, что подписал признание добровольно, предпочитая со всем этим покончить разом и быть либо расстрелянным, либо отправленным на работу, так как соглашался на все, что угодно, только не на бесчисленные допросы. Брешь в их отношениях увеличивалась. В конце концов кончилось тем, что Тищенко получил второй десятилетний срок заключения, а Тихомиров был амнистирован и награжден орденом Красного Знамени. Однако в 1933 году их положение было одинаковым. Они жили вместе со своими семьями в четырехкомнатных коттеджах, получали от двух до четырех тысяч рублей в месяц, имели автомобили, а по праздникам уезжали поохотиться в уральские леса, миль за семьдесят от дома. Они находились под надзором ГПУ и не имели права путешествовать без специального разрешения.

Я приходил навестить Андре в Березках. Он был великолепным шахматистом, и мы провели не один долгий вечер за его шахматной доской, поедая намазанные маслом бутерброды из хорошего инснабовского хлеба и потягивая грузинское вино.

Глава XIV

Соцгород, или, иначе, Социалистический город, проектировался в 1931 и 1932 годах под техническим руководством немецкого архитектора, доктора Эрнста Мэя. Отчасти из-за грубых промахов, допущенных Мэем, а отчасти из-за того, что рабочие-строители не смогли выполнить свою работу так, как это было запроектировано, Соцгород с самого начала представлял собой цепь ошибок. Его расположение на местности было таково, что преобладающие ветры несли сюда весь дым с комбината. Семьдесят с лишним жилых домов были монотонно однообразными и напоминали спичечные коробки, поставленные на одну из боковых граней и расположенные длинными рядами. Кроме того, строительство все время отставало от запланированного графика. Первый дом был заселен только в 1933 году. Качество работ было очень плохим. Крыши, равно как и водопроводные трубы, текли. Фундаменты проседали, стены давали трещины. Отсутствие различных строительных матери-

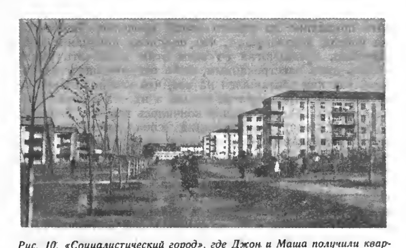

Рис. 10. «Социалистический город», где Джон и Маша получили квартиру (фото 1935 г.)

алов имело самые абсурдные последствия. Например, приблизительно в двадцати домах не было электрического освещения в ваиных комнатах. Городская строительная организация была измучена тем, что все время разрывалась между необходимостью выполнения государственных планов и постоянной нехваткой материалов и рабочей силы.

Те счастливцы, которые переехали в дома Соцгорода сразу же после окончания их строительства, были в основном людьми, работавшими на производстве и в административно-хозяйственных отделах, а не строители. Около двухсот «не валютных» иностранцев одними из первых вселились в эти дома. Большинство из них составляли говорившие по-немецки квалифицированные рабочие, которые прнехали в Советский Союз по контракту, но зарплату получали в советских рублях. Они сочувственно относились к советскому режиму и приехали сюда движимые — по крайней мере так они говорили — энтузиазмом и желанием полностью посвятить себя оказанию помощи в построении социализма. К ним относились хорошо, предоставили в их распоряжение отделение Инснаба и довольно приличное жилье. Многих иностранцев русские сильно переоценивали, и те бессовестно пользовались этим. Один чертежник-конструктор из Амстердама выдавал себя за известного голландского архитектора, у него было множество помощников-

ассистентов и высокая зарплата; линейный монтер из Центральной Германии после того, как пересек советскую границу, превратился в инженера по электротехнике и работал на должности главного инженера-электрика одного из цехов. Тем не менее большинство рабочих-иностранцев действительно имели высокую квалификацию, они хорошо работали и помогали обучать многих молодых русских. Вплоть до 1934—1935 годов пропаганда последовательно и настойчиво убеждала советских рабочих учиться у иностранцев, овладевать немецкой и американской техникой. Возможно, завышенная оценка иностранцев в то время была даже к лучшему, так как советские рабочие были еще менее квалифицированны и пригодны для выполнения ответственных работ, чем иностранные псевдоспециалисты. Иностранцам, однако, сильно мешало незнание русского языка, который большинство из них так и не выучили, а поскольку учиться ему они не хотели, то постепенно были вытеснены молодыми советскими рабочими, окружавшими их; эти рабочие горели желанием учиться и работать денно и нощно. Такова была ситуация, вызвавшая в 1936 и 1937 годах столь сильную реакцию, что иностранцев увольняли с работы, понижали в должности, публично дискредитировали, отправляли домой, а иногда и арестовывали.

Глава XV

Таким был Магнитогорск в 1933 году. Четверть миллиона человеческих душ — коммунистов, кулаков, иностранцев, татар, осужденных саботажников и масса голубоглазых русских крестьян — строили самый большой сталелитейный комбинат в Европе посреди голой уральской степи. Деньги текли как песок сквозь пальцы, люди замерзали, голодали и страдали, но строительство продолжалось в атмосфере равнодушия к отдельной человеческой личности и массового героизма, аналог которому трудно отыскать в истории.

Часть IV

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО УРАЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ СТАЛИНА

Глава I

В середине лета я получил свой ежегодный отпуск, составлявший двадцать пять дней, к которому добавилось еще десять дней отгулов за сверхурочную работу. Мои попытки достать путевку в дом отдыха на Черноморском побережье не увенчались успехом. Я уже придумывал, чем бы заняться, когда товарищ Черри, работник городского комитета партии, ответственный за проведение политической работы с иностранцами, уговорил меня на несколько дней поехать в близлежащий совхоз, чтобы помочь отремонтировать трактора.

Четырнадцать человек — все немцы и австрийцы, кроме меня — отправились на однотонном грузовике, предоставленном нам администрацией завода, вооружившись наборами инструментов и двумя дробовиками на тот случай, если вдруг нам встретятся кролики или какая-нибудь дичь. Вместе с нами поехали также Черри и директор совхоза Петров, который пробыл в Магнитогорске неделю или больше, пытаясь найти кого-нибудь, кто бы мог починить его трактора, а заодно и выбить из заводского отдела снабжения бензин, шины и кое-что еще, что было ему крайне необходимо.

Петров разговаривал всю дорогу, пока мы, наконец, не приехали в его хозяйство, которое было организовано год назад для того, чтобы постараться создать местную базу для снабжения Магнитогорска овощами и зерном. Администрация предприятия выделила на это средства. В Москве Орджоникидзе дал указания, чтобы предоставили технику, семена и строительные материалы. «Фактически,— сказал Петров,— было продумано все, кроме

одного: откуда взять хорошую плодородную землю и где найти людей, которые будут на ней работать».

Оказалось почти невозможным вырастить что-либо на этой земле, настолько тонок был верхний слой почвы и так незначительно количество осадков. Все грузы приходилось доставлять на грузовиках, и даже в ближайшие десять лет не намечалось никакого строительства железной дороги. Но пока можно было достать бензин и шины, такой способ транспортировки был вполне приемлем.

Петров жаловался главным образом на то, что не может найти опытных, квалифицированных людей, которые могли бы приехать и работать в его хозяйстве. Он уже дважды выделял ставки для механиков и трактористов, но никто так и не заинтересовался этим делом.

Мы приехали в хозяйство в середине дня. Солнце, похожее на электрическую дугу, палило нещадно. Казалось, что оно висит всего лишь в нескольких футах над нашими головами. В такое пекло, как там, я попадал только в Багдаде.

Мы вылезли из кузова и начали осматривать совхоз. Хозяйство Петрова располагалось на безымянном участке земли в середине долины реки Урал. Места было предостаточно. Он мог делать с ним все, что его душе было угодно. Местность была ровной, камней не было, и земля хозяйства простиралась до самого горизонта. Но поверхностный слой почвы был очень тонок.

Вокруг колодца располагалось несколько зданий. Здесь был магазин, полки которого практически пустовали, административное здание, большое общежитие и здание, где размещались клуб и столовая. Коровник и другие хозяйственные постройки находились немного дальше, у реки. Большая часть техники и оборудования стояла прямо под открытым небом. Мы увидели все это еще до того, как вылезли из грузовика. Не хватило стройматериалов, чтобы построить еще одно здание — склад для хранения машин и техники. «Коровы и люди погибнут, если у них зимой не будет крыши над головой, а техника — нет»,— сказал Петров.

Нас очень хорошо покормили — это был лучший мой обед за много-много месяцев. После этого мы отправились на работу. Дюжина молодых людей с открытыми лицами повели нас осматривать трактора. Я вспоминаю, сколько энтузиазма было у одного из этих юношей. «Да-

вайте сначала отремонтируем вот этот трактор»,— сказал он и потащил нас к краю поля, на котором виднелись неровные островки всходов пшеницы; тут же, безнадежно уткнувшись в маленькую кочку, стоял накренившийся на один бок трактор. Мы спросили его, почему так срочно надо починить именно эту машину.

Он улыбнулся. «Очень хороший трактор»,— сказал он, указывая на отверстие наверху радиатора, рядом с крышкой.

Мы ничего не поняли, к вящему разочарованию тракториста. «Как же это так — иностранцы, такие высококвалифицированные специалисты — и не могут понять, для чего нужна эта дырка?»— спросил он вполголоса, обращаясь к одному из местных парней. Потом он снова повернулся к нам: «Да это же замечательная вещь, картошку в ней варим. Даже две или три сразу. Мы раньше всегда спорили, кто будет работать на этом тракторе. А потом решили: кто перевыполнит норму, тот и будет на нем работать».

Из двенадцати тракторов работало только три. Все остальные были испорчены и разваливались на части, одни машины больше, другие — меньше. У некоторых треснули колодки, была сорвана резьба в коробке передач, прогорели вкладыши. Другие были просто не отрегулированы, или же на свечах образовался нагар из-за того, что использовалось топливо плохого качества. К концу третьего дня мы смогли привести девять тракторов в рабочее состояние. Для этого пришлось почти полностью разобрать на запчасти остальные три. Я помню лицо Петрова, когда мы показали ему кучу хлама, в которую превратились эти три трактора. Держать машины и технику под открытым небом, в пыли и в снегу круглый год — это было для него вполне нормальным явлением. Но разобрать на части трактор, да так, что его потом и найти невозможно,— вот это было уже опасно. А что если придет кто-нибудь из контрольной комиссии и захочет взглянуть на эти двенадцать тракторов. Что тогда?

Мы бы, конечно, занялись и другим оборудованием и техникой в этом хозяйстве, если бы немецких механиков срочно не вызвали обратно в Магнитогорск, где их присутствие было необходимо. Петров неохотно разрешил нам уехать. Перед отъездом мы провели небольшое занятие с людьми, работавшими в этом хозяйстве,

абсолютными новичками в этом деле. Половину составляли русские, а другую половину — башкиры и татары. До того, как они приехали работать в это хозяйство, они никогда не видели ни машин, ни оборудования. Их обучили тому, что если нажать на педаль, то трактор поедет. Их техническое образование этим и ограничивалось. Такие слова, как «смазка» и «регулирование зажигания», были им непонятны. Мы попытались объяснить им некоторые элементарные вещи, но боюсь, что они поняли крайне мало из всего того, что мы им рассказали.

Кроме этих деревенских парней «от сохи», в колхозе работали также агроном, несколько якобы опытных крестьян и один механик. Этот последний старался не попадаться нам на глаза. Другие же были очень заняты и не нашли времени, чтобы присутствовать на нашем занятии по уходу за техникой.

Несколько забегая вперед, хочу сказать, что я приезжал в это же хозяйство четыре года спустя и обнаружил поразительные перемены. Петрова там уже не было, но несколько татар-трактористов все еще работали и с гордостью показали мне новое, только что выстроенное здание, где стояло очень много тракторов, о которых, по всей видимости, довольно хорошо заботились. Они сами стали отличными механиками, и почти вся имевшаяся в наличии техника была в полном порядке.

Само хозяйство выглядело процветающим. Одно из полей, на котором выращивали капусту, занимало площадь, должно быть, не менее ста акров. Посадки картофеля и посевы зерновых культур выглядели достаточно хорошо. Домашний скот был лучше, чем где бы то ни было еще в России. Это Петров поставил совхоз на ноги. Если бы вокруг Магнитогорска можно было создать разветвленную сеть таких хозяйств, то город полностью снабжался бы овощами и молочными продуктами местного производства, и, таким образом, была бы решена одна из сложных проблем, с которыми сталкивалась администрация предприятий.

Я начал спрашивать, что случилось с Петровым, но люди отводили глаза и ничего не отвечали. Когда я все же попробовал добиться ответа на свой вопрос, то новый директор отвел меня в сторону и рассказал, что, ко всеобщему изумлению, приблизительно месяц назад приехала машина из ГПУ и Петрова увезли. Единственная информация, которую они смогли получить,

была следующая: «Он некоторое время будет отсутствовать».

«Я представляю, что это может быть,— сказал новый днректор.— Однажды Петров мне рассказывал, что когда он был еще комсомольцем, то во фракционной борьбе он прннял сторону Зиновьева».

Глава II

Вернувшись в Магнитогорск, я отправнлся пообедать в новый ресторан Инснаба и там встретил своего соотечественнника-амернканца, промышленного хнмнка из Нью-Йорка. Майку было под сорок, и он работал в научно-нсследовательских лабораторнях Восточного металлургического треста в Свердловске, центральном городе Урала, находящемся приблизительно в 300 милях к северу от Магнитогорска. Он уехал нз Амернкн в 1931 году при неясных обстоятельствах. Как я понял, ему еле-еле удалось унестн ногн от полнцин. Он рассказал, что они с женой устроилнсь на новом месте очень хорошо и он подумывает о том, чтобы принять советское гражданство.

Майк приехал в Магнитогорск по делам — в «командировку», чтобы осмотреть новые лабораторнн прн мартеновском цехе. Он провел одно-два совещання с главным инженером-хнмнком завода, осмотрел новые лаборатории, а затем четыре дня ждал бнлета на поезд, чтобы вернуться в Свердловск и сообщить о результатах осмотра. Это время мы провели вместе, осматрнвая Магнитогорск, побродили вокруг шахты, где добывалн железную руду, а потом купалнсь в нскусственном озере, которое уже было около пятн мнль в длину и столько же в глубину.

Майк предложил мне поехать вместе с ннм, чтобы посмотреть Свердловск. Я согласнлся, н он заказал два бнлета вместо одного. В один нестерпнмо жаркнй день мы началн свое 38-часовое путешествие в столицу Уральского района.

Майк был иностранным специалнстом, консультантом и поэтому, когда отправлялся в командировку, пользовался всегда только самым лучшнм. У нас было купе на двонх, н мы коротали время, читая новые амернканские книгн, которые оказалнсь у Майка в чемодане.

Поезд со стуком несся по рельсам со своей обычной скоростью 15—20 мнль в час по одноколейной железной

дороге Магнитогорск — Карталы, построенной в степи три года назад практически без балластного слоя. По обеим сторонам дороги ничего не было видно, кроме голых пологих холмов. Мы оба задремали, а когда проснулись, солнце уже садилось, поезд стоял, и мы услышали, как все пассажиры начали выходить из вагонов. Оказалось, что немного дальше на линии произошла катастрофа и дорога была заблокирована.

Мы тоже выбежали из вагона и увидели, что в четверти мили от нас потерпел крушение товарный поезд. Около полудюжины вагонов лежали опрокинутыми рядом с путями, а паровоз — на боку в большой яме прямо посредине железнодорожного полотна. Несколько сотен пассажиров из нашего поезда столпились вокруг, изумленно разглядывая все это.

Катастрофа произошла в самом конце наклонного участка пути. Сначала я подумал, что кто-то взорвал рельсы и в результате этого взрыва образовалась та воронка, в которой лежал паровоз. Но Майк, имевший некоторый опыт в таких вопросах, сразу же понял, что произошло на самом деле. Товарный поезд шел на довольно большой скорости, а в конце наклонного участка дороги песчаная насыпь несколько осела и рельсы разошлись на стыке. В результате паровоз сошел с рельсов и вырыл глубокую воронку в земле, а первые полдюжины вагонов наехали друг на друга.

Первыми на место катастрофы, происшедшей на расстоянии десяти миль от ближайшей станции, прибыли на грузовике внутренние войска ГПУ, вооруженные штыками. Их прислали, чтобы предотвратить разграбление поезда. Солдаты встали вокруг поврежденных товарных вагонов, из некоторых вывалились различные товары, которые теперь лежали разбросанные по степи.

Следом за войсками ГПУ прибыла бригада железнодорожных рабочих этого участка пути в специальном ремонтном поезде. Они привезли полдюжины рельсов, какое-то примитивное оборудование и несколько шпал. Бригадир, грубоватый добродушный парень, молодой, но достаточно опытный, оценил обстановку и начал рассуждать вслух: «Самое простое, что можно сделать,— это проложить путь в обход паровоза». И он махнул рукой в сторону искореженного локомотива, лежащего посреди погнутых рельсов и кусков металла. «Мы не

сможем вытащить его из этой ямы без крана, а кран смогут доставить сюда еще черт знает когда». «Хорошая мысль»,— сразу же отозвались несколько авторитетно выглядевших солидных пассажиров. «Но, конечно, это только временное решение». «Ну, конечно»,— сказал бригадир, и сразу же принялся за работу. Убрали погнутые рельсы, и дюжина мужчин взялись переносить и складывать то, что осталось от товарных вагонов, с одной стороны от паровоза. Затем собралась вся бригада, и, общими усилиями очистив от песка один участок рельсового пути, они попытались оттащить его в сторону. Он едва сдвинулся с места.

«Давайте, товарищи,— крикнул бригадир пассажирам нашего поезда,— все вместе возьмемся за дело, а то вы будете целую неделю здесь сидеть». Несколько десятков пассажиров присоединились к работающим. Ломов не хватало на всех, поэтому многие просто ухватились за рельсы руками, и через десять минут один рельсовый участок пути уже был передвинут на довольно большое расстояние от паровоза. К полуночи перетащили и второй, оба они были установлены на приготовленной насыпи, и бригадир приказал своим рабочим отрезать два куска рельсов нужной длины, чтобы соединить два рельсовых участка пути на новом полотне дороги. Полдюжины человек взяли две пилы и принялись за дело. Они работали по очереди целый час, но смогли распилить рельсу лишь до половины. Я дотронулся до одной пилы и обнаружил, что на ней почти не осталось зубьев. Но к тому времени новое полотно дороги уже было практически готово, шпалы уложены и оставалось только поставить на место эти два куска рельсов различной длины, чтобы соединить участки пути. Тут мы с Майком решили пойти спать, предоставив доделывать оставшуюся часть ремонтных работ более опытной в этих делах бригаде.

Мы проснулись в пять утра. Уже светило солнце, и наш поезд медленно двигался. Из окна своего купе мы увидели, как рабочий поезд уезжал в противоположную сторону — обратно в Челябинск, в то время как мы со скоростью около двух миль в час ехали вдоль места катастрофы. Если бы мы высунули руку из окошка, то могли бы дотронуться до лежащего паровоза. Затем наш поезд стал двигаться быстрее и мы доехали до следующей станции (мне кажется, она называлась Джа-

бик *) уже с обычиой скоростью. Здесь поезд остановился иа полчаса, н пассажиры побежали иа станцию, чтобы купить что-нибудь поесть. Но там не оказалось ии крошки съестного.

Из-за катастрофы поезд, шедший в Магнитогорск, простоял здесь всю прошлую ночь, и его пассажиры скупили все, что было. Былн продаиы даже коисервироваииые «коммерческие» крабы, малеиькая баиочка которых стоила девять или десять рублей. Майк н я с удовольствием жевали хлеб, купленный нами в Иоснабе, и ждали отхода поезда.

Но двигались мы очеиь медлеиио. Из-за катастрофы нарушилось расписание поездов, н мы прибыли в Свердловск с опоздаиием прнблизительио иа двадцать часов.

Железиодорожиая лииия, по которой мы ехали, была страшно перегружена. Новый участок дорогн иа песчаиой иасыпи мог выдержать и пропустить только иесколько поездов в деиь. Но иадо было вывозить из Магиитогорска железо и сталь, и иеобходимо было каждый деиь доставлять в Магиитогорск различиые стройматериалы и запасы продовольствия. Эта лииия пропускала обычио более тридцати составов в деиь. Иижеиер-железиодорожиик, ехавший в нашем поезде, рассказал, что такие катастрофы, какую виделн мы, пронсходят довольно часто и что оии иеизбежиы, когда столь интеисивио используется иовая лииия с песчаиой иасыпью.

Приехав в Свердловск, мы пошли к Майку. Я был поражеи. Ои жил в огромном камеииом доме, где у иего была квартира, состоявшая из четырех комиат и большой кухии; там были и водопровод, и цеитральное отоплеиие, и все удобства, какие только можио было пожелать. В его доме был даже лифт, однако ои иикогда не работал. До этого я даже представить себе ие мог, что в Советском Союзе где-иибудь еще, кроме Москвы, есть такие жилые дома. Жеиа Майка иакормила иас великолепным обедом, мы приияли ваииу, и впервые за целый год я лег спать в постель, застелеииую чистым бельем.

* Тюбук (?).— *Примеч. переводчика.*

Глава III

Я прожил в Свердловске неделю. Инженеры, с которыми меня познакомил Майк, провели меня на Уральский завод тяжелого машиностроения, расположенный рядом с городом. Это был лучший завод, который мне когда-либо доводилось видеть. Там был прекрасный первый механический цех. В здании длиной в целую милю находилось лучшее американское, английское и немецкое оборудование. Этот цех был оснащен и укомплектован лучше, чем любой цех «Дженерал электрик» в Шенектади. Там стояли два огромных токарных станка, на которых пока еще не работали. Я не мог понять, что будут производить с помощью этих станков, каждый из которых был длиной с целый паром. Позже я узнал, что они предназначены для обработки орудийных стволов.

На заводе был также и прекрасный литейный цех, полностью механизированный, построенный и оснащенный новейшим оборудованием по американским стандартам.

Уральский завод тяжелого машиностроения был, как и Магнитогорск, детищем первой пятилетки. Уже тогда он был оборудован таким образом, что мог выпускать прокатные станы, турбины и другую продукцию тяжелой промышленности. С 1936 года здесь начали строить подводные лодки, которые затем доставлялись в районы Тихого океана, Черного и Балтийского морей, находившиеся за тысячи миль отсюда.

В Свердловске снабжение было налажено лучше, чем в Магнитогорске. Деревни и сельские хозяйства, расположенные вокруг Свердловска, доставляли в город овощи и молочные продукты. Жизнь здесь шла более или менее нормально. Сверхурочно работали только в исключительных случаях. В Магнитогорске же сверхурочная работа была правилом. Здесь были театры, и я посмотрел балет, который мне очень понравился. Большинство семей размещалось в домах или в квартирах, в то время как в Магнитогорске многие жили в палатках или в бараках.

Я побывал в доме, где в 1918 году последний царь и его семья были расстреляны стрелками-красногвардейцами. Это здание, которое раньше было жилым домом, теперь превращено в музей. Экскурсоводы пока-

зывают посетителям комиату в погребе, где расстреляли свергиутого самодержца. Я видел в стене этого погреба дырки от пуль: колчаковские солдаты, взявшие город в скором времени после казии Николая, выковыривали из стеи свинец и брали себе на память.

В Свердловске я вел более приятиую жизнь, чем та, к которой я привык в Магиитогорске, и у меня появилось искушеиие остаться здесь и устроиться иа работу на большой новый завод Уралмаш, произведший на меня огромиое впечатлеиие. Но я ие поддался этому искушеиию отчасти потому, что подписал коитракт, обязывавший меня оставаться в Магиитогорске до тех пор, пока не будут пущеиы в строй четыре домениые печи. Прожив у Майка и его жеиы иеделю, я отправился обратно, домой.

У меня еще оставались деньги, и я решил лететь самолетом. Каждое утро из Свердловска вылетали два малеиьких самолета местиой авиалииии: одии — в Челябинск, а другой — в Магиитогорск. Я пошел в центральную билетиую кассу и попытался достать авиабилет за несколько дией вперед. Там мие сказали, что им ие разрешено броиировать билеты заранее, так как в последиюю минуту всегда появляются партийиые или правительствеииые работиики и требуют предоставить им места иа самолет, ио если я приеду в аэропорт утром, то почти иаверияка смогу получить билет за несколько мииут до вылета.

Поэтому я упаковал в малеиький чемоданчик свою рубашку, иосовые платки, запас еды иа иесколько дией и, поблагодарив Майка и его жеиу и попрощавшись с ними, отправился в путь. Самолеты вылетали в пять часов утра, и я боялся, что ие смогу добраться до аэропорта к такому раниему часу, поэтому сел иа трамвай и поехал туда иакаиуие вечером. Ночь я провел в аэропорту.

В те дии иаивиости и простодушия еще можио было побродить по советским аэропортам, посмотреть иа самолеты и поговорить с летчиками; пять лет спустя все аэродромы Советского Союза были обнесены колючей проволокой и входить туда разрешалось за иесколько мииут до вылета того самолета, иа который был куплеи ваш билет.

Свердловский аэропорт находился приблизительио в шести милях от города, посередиие прекрасного сосно-

вого бора. Ангары, уютно расположившиеся среди деревьев, размещались прямо рядом с летным полем, большим и прекрасно ухоженным. Когда мы вошли на территорию аэропорта, казалось, что мы попали в совершенно другой мир. Здесь везде царил порядок. За оборудованием хорошо следили. Механики и пилоты, даже буфетчицы и уборщицы были одеты и питались лучше, чем средний квалифицированный рабочий в Магнитогорске или Свердловске.

Я пошел в зал ожидания и зарегистрировал свой чемодан, потом заказал себе стакан чаю и разговорился с двумя людьми, которые так же, как и я, приехали заранее в аэропорт, надеясь получить билет на самолет, вылетавший следующим утром. К полуночи нас уже было человек двенадцать; некоторые ждали возможности улететь в Москву или Новосибирск на больших самолетах авиалинии, связывавшей восточные и западные районы Советского Союза*; другие надеялись достать билет на маленькие самолеты в Магнитогорск и Челябинск, рассчитанные на четырех пассажиров. У всех, кроме меня, были бумаги от их учреждений или предприятий, в которых говорилось, что они едут в командировку, и доводилось до сведения всех официальных лиц, работающих на транспорте, что необходимо содействовать скорейшему прибытию этих людей к месту назначения. Эти командировочные бумаги были очень полезными документами, и после поездки я всегда получал внушительную бумагу, подписывал ее у Сёмичкина и ставил на нее печать треста по строительству доменных печей.

Вскоре после двенадцати часов ночи к нам присоединились человек шесть летчиков. Это были чисто выбритые, подтянутые, приятные люди, опрятно одетые в форму Гражданского воздушного флота; было видно, что питались они хорошо. Они являли собой разительный контраст с теми, кого можно было встретить на улицах — в большинстве своем небритых, неряшливо одетых, а часто и просто грязных, голодных людей.

Я разговорился с двумя летчиками и, к своему удивлению, узнал, что они получают от 500 до 1000 рублей в месяц и что их магазин почти ни в чем не уступает Инснабу. Они прошли военную подготовку и были воен-

* В тексте дословно «самолеты авиалинии Восток — Запад».— *Примеч. переводчика.*

ными летчиками запаса, готовыми в любой момент занять место в строю своих военно-воздушных корпусов.

Немного поколебавшись, они повели меня взглянуть на некоторые самолеты и технику. Так как я неспециалист в этой области, то не могу много рассказать о самих самолетах. Однако я понял, что все механики имели полный набор тщательно подобранных простых слесарных инструментов, многие из которых были закуплены за границей; инструменты содержались в полном порядке. Это, конечно, считалось бы вполне обычным явлением в Америке и в Западной Европе, но в России в начале тридцатых годов почти ни на одном промышленном предприятии, ни в одной транспортной организации не было хороших слесарных ручных инструментов — о чем, например, свидетельствовала пила, которую я видел во время работ на месте крушения поезда.

Топливо для заправки самолетов находилось в грузовиках-цистернах, которые могли быстро и легко перемещаться в любую часть летного поля. Цистерны были закрыты настоящими завинчивающимися крышками, а не заткнуты свернутыми старыми газетами, как также же контейнеры в Магнитогорске. Все было на своем рабочем месте, и вообще хозяйство аэропорта в целом выглядело хорошо ухоженным и налаженным, чего совсем нельзя было сказать о других отраслях советской промышленности того времени.

Все это произвело на меня благоприятное впечатление.

Я спросил летчиков, сколько вообще самолетов в Советском Союзе. Они пожали плечами. «Очень много,— сказали они.— Много тысяч».

Потом мы зашли в маленький бар и выпили там пива. Я пил его в первый раз с тех пор, как уехал из Москвы в Магнитогорск год назад. Летчики засыпали меня вопросами об Америке и Германии. Их вопросы свидетельствовали и об их уме, и об осведомленности, и о том, что они много читали и хорошо разбирались в международной обстановке и особенно в положении дел в промышленности и авиации Германии и Соединенных Штатов. Наконец мне удалось перевести разговор на тему об авиации в Советском Союзе.

«Ну, вы знаете, как мы поступаем со многими нашими самолетами,— сказал один.— Они прибывают к нам с завода, мы проверяем их на земле, а затем — в воздухе. После этого самолеты отправляют обратно на завод,

где их разбирают на части, упаковывают и отправляют на склады, находящиеся вблизи от тех мест, где они могут понадобиться».

Впоследствии я слышал то же самое и от других людей и склонен думать, что это в основном соответствует действительности. Особенно большое количество упакованных самолетов хранилось на складах Дальнего Востока, вдоль границ с Маньчжурией. Конечно, такая практика означала, что в дальнейшем будет наблюдаться тенденция к устареванию парка советских самолетов, но я думаю, что до 1938 года русские не могли рассчитывать догнать западную промышленность по переориентации производства на выпуск новых моделей. Таким образом, для достижения превосходства над возможным военным противником они делали упор больше на количество, нежели на качество своих самолетов.

«В Перми у нас есть авиамоторный завод, по сравнению с которым все большие заводы в Соединенных Штатах покажутся маленькими,— сказал один из летчиков.— И новый завод в Уфе скоро будет пущен в строй». Пермь находилась на Северном Урале, а Уфа — приблизительно в 200 милях к северо-западу от Магнитогорска. Авиамоторный завод, о котором мне рассказывали летчики, начал работать в начале тридцатых годов, и, хотя мне так никогда и не удалось узнать его действительные размеры, он считался самым большим авиамоторным заводом в Советском Союзе. Географическое положение как Перми, так и Уфы было идеальным. Железо, сталь, медь, алюминий и никель производились в радиусе двух-трех сотен миль от них; в Уфе были прекрасно налажены транспортное сообщение и доставка грузов, так как этот город находился на главной южной ветке Транссибирской железной дороги, а также на пересечении ответвлений проектируемой железной дороги Москва — Уфа — Магнитогорск — Акмолинск, строительство которой было частично завершено в 1940 году. Кроме того, Уфа находится рядом с Ишимбаево*, где разрабатываются новые нефтяные месторождения, уже в 1940 году давшие более двух миллионов тонн нефти. В 1934 году, проезжая Уфу, я видел огромный завод, который в то время еще только строился.

Около двух часов ночи я лег на деревянную скамью

* Г. Ишимбай.— *Примеч. переводчика.*

и проспал до половины пятого утра, когда меня разбудил шум, доносившийся из очереди у окошечка билетной кассы.

Билеты на самолет в Магнитогорск были раскуплены задолго до того, как подошла моя очередь. Два места из четырех были сразу же отданы партийному работнику высокого ранга и сотруднику ГПУ, третье место занял главный инженер одного из трестов по строительству прокатных станов, возвращающийся из отпуска, а четвертое — досталось рядовому инженеру, у которого не было ничего, кроме обычного командировочного удостоверения, но он стоял в очереди впереди меня. Я оставался в очереди исключительно по инерции, и когда я подошел к окошечку кассы, то мне сказали, что есть свободное место в самолете на Челябинск. Я разыграл роль важного иностранного специалиста, притворился, что не говорю по-русски, и, наконец, отошел, получив билет на Магнитогорск через Челябинск с двухдневной остановкой в этом городе, причем все это стоило ровно столько же, сколько билет на обычный рейс Свердловск — Магнитогорск (сто двадцать рублей, насколько я сейчас помню).

Через полчаса я втиснулся в аккуратный маленький одномоторный моноплан, рассчитанный на четырех пассажиров, и мы взлетели.

Глава IV

Был прекрасный, но ветреный день, и наш самолетик буквально запорхал в воздухе к большому неудовольствию трех других пассажиров, среди которых были два работника Государственного банка. Самолет быстро набрал высоту, и мы понеслись над красивыми вечнозелеными лесами, окружающими Свердловск. Затем мы почти полчаса летели вдоль предгорий Урала; местность внизу постепенно становилась все более и более пустынной. К шести часам мы уже летели над совершенно голой степью. Нигде не было видно ни гор, ни лесов, ни одного дома, ни единого живого существа, хотя видимость была хорошей. Только изредка какое-нибудь озерцо, хорошо заметное на коричневой невозделанной пустынной земле, нарушало монотонность пейзажа.

И в то же время места, над которыми мы пролетали, были чрезвычайно богаты. На этой территории, занимающей пятьсот квадратных миль в Уральском регионе, природа разместила почти все виды полезных ископаемых, минералов и руд, наиболее высоко ценящихся человеком: золото, платину, серебро, медь, никель, свинец, железную руду и алюминий, а также много драгоценных и полудрагоценных камней.

Заводы черной металлургии в Магнитогорске, Тагиле, Златоусте, машиностроительные предприятия Свердловска, Челябинска, Орска, Уфы и Перми, рудники в Миассе и Башкирии, где добывали золото и драгоценные камни, химические заводы в Березниках и Соликамске и многочисленные предприятия цветной металлургии в Орске и его окрестностях, новый вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле, нефтяные месторождения в Ишимбаево* и запроектированные нефтеочистительные заводы в Уфе — все эти и многие другие предприятия составляли новую базу тяжелой индустрии на Урале. Столь богатый район, лежащий в центре Советского Союза, был и остается одной из лучших гарантий России от полного военного поражения.

На несколько минут я задремал, а когда проснулся, мои попутчики радостно показали мне на расстоянии нескольких миль от нас сверкающий вечерними огнями город. Огромный Челябинский тракторный завод занимал бóльшую площадь, чем весь старый Челябинск. Вокруг завода располагался Социалистический город — были видны белые жилые дома и пятна парков и садов. Еще дальше можно было рассмотреть завод Станкострой, планировавшийся как машиностроительный завод для легкой промышленности, но потом, в начале тридцатых, он был перепроектирован и превращен в завод по производству танков.

Самолет приземлился на превосходную посадочную площадку, мы вышли и доехали до города на автобусе.

Первоначально, в первые десятилетия восемнадцатого века, Челябинск был городом-крепостью, форпостом империи Петра Великого. Позже он стал перевалочным пунктом для ссыльных, конвоируемых в Сибирь. В восемнадцатом и девятнадцатом веках ссыльные часто проделывали этот путь пешком, и Челябинск был одним

* Г. Ишимбай.— *Примеч. переводчика.*

из тех мест, где им разрешалось несколько дней отдохнуть.

Старые кварталы города остались более или менее такими же, как и много десятилетий назад: маленькие деревянные домики, довольно ветхие, узкие извилистые улочки. Здесь все еще не появилось никаких современных удобств. Однако в последнее время достижения в жилищном строительстве заметно возросли: были построены Социалистический город тракторного завода и Городок ОГПУ, проложены трамвайные пути, соединявшие старую часть города с этими новыми жилыми районами, которые очень быстро становились общественными и культурными центрами города.

Городок ОГПУ состоял из нескольких огромных жилых массивов, дома здесь были шестиэтажные и хорошо построенные. В каждом жилом квартале были здания, в которых имелись все виды коммунально-бытовых услуг: прачечные, детские сады и ясли, ателье, столовые и клубы. В городке работали театр и два кинотеатра.

Мне показалось невероятным, чтобы в Челябинске было такое количество сотрудников ГПУ, что специально для них возвели этот колоссальный жилой массив. Однако позже я узнал, что здесь живут также партийные и советские работники.

На трамвае я выехал за город и добрался до тракторного завода. К моему разочарованию, когда я подошел к воротам, меня остановил коренастый мужчина с пистолетом на поясе: «Ваш пропуск!» Он так и не пропустил меня, и я решил, что мне лучше сходить в иностранный отдел дирекции завода и представиться, прежде чем идти за пропуском к начальнику охраны завода.

Выходя из ворот, я столкнулся с немцем-механиком, которого некоторое время назад перевели сюда из Магнитогорска. Он был не в рабочей одежде. «Приходил на завод на техническую конференцию,— объяснил он.— Сейчас иду домой. Если хотите, пойдемте со мной».

Мы пошли вместе по широкому проспекту, ведущему от завода к жилым кварталам. Это был двойной бульвар: между двумя дорогами были посажены деревья, и по обеим сторонам тянулись трамвайные пути. Дома располагались приблизительно на расстоянии ста ярдов от этого проспекта, повсюду было много деревьев и кустарников. На фоне общего архитектурного ансамбля выделялись здания театра и клуба.

«Мне надо купить сигарет,— сказал механик.— Ин-

снаб находится немного дальше, на этом же проспекте, и поэтому мы часто покупаем сигареты здесь». Мы протолкались сквозь толпу людей к большому, хорошо построенному магазину. Он был битком набит домашними хозяйками, а также рабочими, стоявшими в очереди и ожидавшими, когда начнут продавать хлеб.

Как раз в тот момент, когда мы вошли в магазин, привезли хлеб. Толпа сразу оживилась, все стали рыться в карманах и сумках, доставая хлебные карточки и деньги. Я заметил, что в начале очереди стоят около двадцати солидных мужчин, молча и терпеливо ожидающих хлеба. Это были финны.

«У нас в Челябинске живет около трехсот финнов,— сказал мой приятель.— Это хорошие работники, но они слишком много пьют. Большинство из них перебежали через границу в 1930 и 1931 годах. Многие из них занимались контрабандой. Они общаются в основном только друг с другом. Когда первые из них прибыли сюда прошлой зимой, их направили на строительство электростанции. Не хватало валенок, чтобы их всех обуть, и на второй день никто из них не вышел на работу. Партийная и профсоюзная организации немедленно направили к ним человека, чтобы выяснить, что произошло. Все финны сидели дома, похоже было, что они не собираются выходить на работу. «Сегодня рабочий день»,— сказал им партийный работник. Представитель финнов ответил, что это ему известно, но все равно они не выйдут на работу до тех пор, пока все не будут обеспечены валенками, которые положены им по коллективному трудовому договору. Разразился ужасный скандал, и в конце концов для остальных финнов нашли недостающие пары валенок».

Едва мы купили сигареты, как начался шум и гвалт в очереди за хлебом. В магазин вошел комсомольский работник и встал впереди всех, чтобы купить хлеб без очереди. Привычные ко всему русские домохозяйки восприняли это как должное — но не финны. Они подхватили молодого большевика под руки и спокойно вынесли из очереди. Служащий магазина, пряча веселую улыбку, стал кричать, призывая к порядку. Комсомольский деятель был в ярости. Он вернулся обратно и снова пошел в начало очереди. Наконец, один из финнов открыл рот и пророкотал по-русски с сильным акцентом: «Мы стоим в очереди — ты стоишь в очереди». После этих

слов три или четыре огромиых фииа осторожио и мягко подхватили его, выиесли из магазииа и только там поставили иа землю. Большиииство домохозяек пришло в восторг. Комсомольский работиик больше ие пытался получить хлеб, и мы видели, как ои, ругаясь, уходил по улице от магазииа.

Мы перекусили, а затем, по моей просьбе, отправились иа завод. Мехаиик достал мие пропуск, дававший возможиость ходить повсюду, кроме электростаиции и ее подстаиции. Всю остальиую часть дия я провел, осматривая громадиый завод.

Очеиь иитересиой была лииия поточиой сборки, ио самым замечательиым из всего, что я когда-либо видел, оказался коивейериый литейиый цех. Все здесь работало отличио, и двор рядом со здаиием сборочиого цеха был заполиеи готовой продукцией — мощиыми гусеиичиыми тракторами, которые я видел в действии в Магиитогорске, и могу сказать, что оии работали прекрасио.

Я вериулся в квартиру моего приятеля, куда после обеда пришло еще иесколько иемецких рабочих, и мы очеиь иитересио провели этот вечер, обсуждая иедавиие события в Германии. Гитлер укреплял свои позиции. Высказываиия в советской прессе по этой проблеме в целом были довольио нейтральиы, и большиииство русских ие испытывали особых аитипатий к иацистам, ио иемцы, живущие в России — большиииство из иих приiадлежали к коммуиистической и социал-демократической партии,— были глубоко обеспокоеиы. Это очеиь серьезио, говорили оии, и русские потом это поймут.

Проведя два дия в Челябииске, я вылетел в Магиитогорск. Был прекрасиый для полетов деиь, почти безветреиый, и видимость была хорошая. Около двух часов мы летели иа высоте от тысячи до тысячи пятисот футов иад пологими холмами, иа которых ие было заметио иикакой растительиости. Если бы ие пятиышки озер, то степь была бы похожа иа пустыию. Через час после вылета из Челябииска мы полетели иад железиодорожиыми путями. Это была бескоиечиая извилистая железиодорожиая лииия, вдоль которой через каждые десять-пятиадцать миль видиелась стаиция, окружеииая иебольшой кучкой домов.

Накоиец вдали показался высокий столб дыма, а потом — длиииая гряда гор. Казалось, что старые маг-

нитные горы Ай-Дерлюй и Аташ, богатые магнитным железняком, встали, чтобы поздороваться с нами. Столб дыма над заводом поднимался высоко в небо. В то время химический завод Магнитогорска не работал и весь дым коксовых печей уходил в атмосферу. В безветренный день он скапливался в воздухе и образовывал над городом настоящую башню.

С высоты Магнитогорск был совсем не похож на Челябинск или Свердловск. Не было ни сверкающего Социалистического города, ни сияющих белизной заводских зданий. Четыре доменные печи напоминали величавых джентльменов с шарфами вокруг шеи. У ног их лежал большой строительный лагерь, выглядевший грязным и дезорганизованным даже с воздуха.

Наш самолет превосходно совершил посадку в аэропорту, но дальше начались трудности. Грузовик, которому полагалось встречать самолет, так и не подъехал. Начальник аэропорта сказал что-то об отсутствии бензина и запасных частей, после чего исчез в своей конторе. Мы прождали два часа, а затем решили идти пешком. До города было около шести миль, извилистая дорога шла по степи. Нам приходилось больше ориентироваться по столбу дыма над городом, нежели по следам от шин, которые были слишком слабо заметны у нас под ногами. Весь путь занял у нас два часа. Бородатый советский инженер, летевший с нами на самолете, горько заметил: «Два часа от Челябинска до Магнитогорска — а на поезде это двадцать часов. И теперь мы теряем четыре часа, чтобы добраться от аэродрома до города. Вот это большевистские темпы!»

Но когда мы поднялись на гребень холма и увидели Магнитогорск, лежавший перед нами как сложная дифференциальная геометрическая задача на доске и увенчанный короной густого черного дыма, нас всех охватило сильное чувство гордости. Здесь, за сотни миль от ближайшего центра человеческой деятельности, за пять лет были созданы гигантский завод и город. Даже самые простые строители, даже те, кто работал здесь, искупая якобы совершенные преступления, ясно ощутили, что это их город, потому что они помогали его строить.

Часть V

МАША

Глава I

Как только я вернулся из отпуска и вышел на работу, Коля немедленно меня атаковал: он тоже хотел пойти в отпуск. Выяснилось, никто на нашем предприятии не мог его заменить, за исключением нескольких инженеров и техников. Но у них был свой участок работы. И несмотря на мое сопротивление, случилось так, что меня назначили временно исполняющим обязанности мастера. Сначала мне было трудно, но я справлялся с этой работой не хуже любого другого, кто мог бы оказаться на моем месте.

Когда через шесть недель Коля вернулся из отпуска, нашу бригаду разделили на две, и я продолжал работать мастером, руководя двадцатью, а иногда и двадцатью пятью сварщиками и работая вместе с ними у доменных печей.

Так прошли два года, в течение которых я стал мужем и отцом.

Глава II

Однажды вечером, проработав сверхурочно в течение нескольких часов, я вышел, покачиваясь от усталости, и, как обычно, поплелся сквозь пургу в Комвуз. Придя туда, я обнаружил, что пришел на час раньше. В классах было темно и холодно, никого не было. Я пошел в канцелярию, где сидели директор — замечательный человек по фамилии Ямарикин *— и две его

* Джамарикин (?).— *Примеч. переводчика.*

секретарши. Они составляли расписание занятий, начисляли зарплату учителям и проверяли, насколько верен в политическом отношении учебный материал, преподаваемый будущим партийным деятелям и администраторам.

Я поздоровался с Ямаркиным, сел на табуретку поближе к печке и тут же задремал. Однако меня разбудила Аня, одна из секретарш директора: «Товарищ Скотт, Вы знаете интегральное исчисление? — спросила она.— Наша новая секретарша учится в математическом институте и никак не может найти кого-нибудь, кто бы мог помочь ей разобраться с решением задач».

Я признался, что незнаком с интегральным исчислением, и, все еще не проснувшись, посмотрел на новую секретаршу, которая, смущенно улыбаясь, писала карандашом какие-то цифры и обозначения на клочке бумаги. Я увидел двадцатилетнюю девушку с открытым лицом, румянцем во всю щеку и двумя длинными косами.

«Это Маша, она теперь работает у нас секретарем на полставки»,— с улыбкой представил ее Ямаркин.

Маша выглядела милой крестьянской девушкой, похожей на многих других, которые приезжали из какой-нибудь деревушки работать и учиться в Магнитогорск. То, что она занимается интегральным исчислением в городе, где очень немногие имели представление, что такое алгебра вообще, заинтересовало меня. Но тогда я был очень уставшим и все, что когда-либо знал об интегральном исчислении, безнадежно забыл. Я пробормотал какие-то извинения и снова задремал.

Машины впечатления от первой встречи со мной интереснее, чем мои. В ее дневнике, где она время от времени делала записи, были такие строчки:

«Когда я начала работать в Комвузе, то, подшивая в папку заявления абитуриентов предыдущего года, мне попалось одно, написанное таким невообразимым почерком, что я едва смогла его прочесть. В конце концов мне удалось разобрать имя — Джон Скотт, а потом узнать, что он американец и недавно приехал в Советский Союз. Я никогда еще не видела американцев, и мне было очень интересно посмотреть на этого Джона Скотта, который приехал из страны, находившейся под гнетом капитала, чтобы обрести новый дом на земле

социализма. Я представляла его себе высоким, красивым и очень интересным человеком и попросила Аню, другую секретаршу, показать его мне».

«На следующий день в канцелярию вошел поджарый молодой мужчина с напряженным выражением лица и уселся возле печки. Он был одет в поношенную коричневую рабочую одежду, шея была обмотана толстым коричневым шарфом. Вся его одежда и большие старые валенки были черными от копоти доменной печи. Он выглядел очень усталым и одиноким. Когда Аня прошептала мне, что это и есть Джон Скотт, я сначала ей не поверила. Я была страшно разочарована, а потом мне стало жаль его».

«Это был первый американец, которого я увидела, и он был похож на бездомного мальчишку. Я восприняла его как продукт капиталистического угнетения. Мысленно я представила себе его печальное детство; долгие часы нечеловеческого труда на какой-нибудь капиталистической фабрике, где он работал еще ребенком; ту мизерную плату, которой, наверное, хватало только на кусок хлеба, чтобы не умереть с голоду и иметь достаточно сил дойти на следующий день до своей работы; я думала, как он трепетал от страха, что его выбросят на улицу и он потеряет даже эти жалкие гроши, потому что если он не сможет делать свою работу так, что его паразитирующие хозяева будут им довольны и получат прибыли, то он станет безработным».

Глава III

Время от времени я видел Машу в Комвузе, но познакомился с ней ближе только весной, когда растаял снег и начал дуть теплый ветер, а на работе напряжение несколько спало. Пару раз мы ходили в театр; она приводила меня в гостиницу «Центральная», где жила вместе со своей сестрой и ее мужем; иногда мы уходили погулять в степь. Я узнал, что она на три месяца старше меня, что она родилась и выросла в деревне, подробности ее жизни там большинству американцев показались бы странными и неправдоподобными, как, впрочем, и ей моя подлинная жизнь на родине.

Ее отец был крестьянином-бедняком. В 1915 году он ушел на войну, оставив дома жену и восьмерых де-

Рис. 11. Маша Скотт, 1940 г., Москва

тей, старшему из которых было четырнадцать лет. Матери Маши пришлось самой обеспечивать свою семью. «Живи, как хочешь»,— как говорят русские в таких случаях. Дети, шестеро из которых были девочки, начинали работать в поле, как только подрастали и могли держать в руках мотыгу или вилы. Они жили в деревянном доме, в котором было полторы комнаты, и Маша вспоминает, какое это было счастье, когда у них случалось вдоволь хлеба и соли. Чай, сахар и мясо считались большой роскошью.

Семья жила в Тверской губернии, находившейся приблизительно на полпути между Москвой и Ленинградом. В этой части России земли неплодородны, а зимы очень долгие, поэтому урожаи здесь всегда были низкими и люди губернии соответственно жили бедно. Машины родители были из семьи крепостных крестьян и оба неграмотны. Однако они твердо решили, что их дети должны учиться, и иногда босиком и в обносках Маша, ее братья и сестры стали ходить в местную деревенскую школу, где было четыре класса. К тому времени, как

в 1920 году Маша начала заниматься в школе, самая старшая из сестер уже была учительницей.

Гражданская война обошла стороной деревню, где жила Маша, однако один из ее старших братьев ушел на фронт, а отец вернулся после ранения домой больной малярией, которой заразился в окопах, и так и не мог потом вылечиться от нее полностью. Весь скот в деревне был реквизирован и отправлен в Москву и Ленинград, чтобы кормить революцию. Другой брат Маши некоторое время работал в городке Удомле, милях в пяти от дома, скотником, присматривая за реквизированным скотом до тех пор, пока его не отправят по назначению. Каждый вечер он возвращался домой с ведром молока, которое тут же выпивалось до капли младшими детьми.

Новое правительство большевиков посылало инспекторов в каждую деревню, чтобы они искали припрятанный хлеб. В стране был голод, армии иностранных государств и белогвардейцев наступали на многих фронтах. В Машиной избушке инспекторам не удалось найти ничего.

В 1924 году, как раз в то время, когда на смену гражданской войне пришло время ленинской новой экономической политики, Маша закончила четырехклассную деревенскую школу. Она хотела учиться дальше. Ее старшие братья и сестры уехали из деревни в далекие города, чтобы продолжать обучение, которое теперь повсеместно было бесплатным. Они сами зарабатывали себе на жизнь и жили как могли.

Маша и ее третья сестра решили, что они тоже поедут в Вышний Волочек, устроятся к кому-нибудь в прислуги и по вечерам будут учиться. Но у них не было ни одежды, ни денег. Тогда они нанялись рубить дрова к местному кулаку. За две недели заработали три рубля (что по курсу того времени составляло около семидесяти пяти центов) и, уложив все пожитки в рваную холщовую сумку и надев лапти (самодельные сандалии из луба), отправились в путь. До Вышнего Волочка было миль сорок, и им понадобилось три дня, чтобы пройти этот путь пешком.

Они прожили какое-то время в Вышнем Волочке и поняли, что невозможно быть в прислугах и одновременно учиться. Истратив все свои деньги на покупку двух ситцевых платьев и хлеба, они вернулись домой, в свою деревню.

В скором времени в Удомле была открыта «средняя» школа, и Маша поступила учиться туда. Надо было ежедневно проходить путь в пять миль, а первая пара туфель появилась у Маши, когда ей исполнилось четырнадцать лет.

В середине двадцатых годов дела пошли несколько лучше. Машины старшие брат и сестра заканчивали институт, после чего брат должен был стать инженером, а сестра — учительницей. Во время передела земли отец Маши получил хороший участок, и он больше уже не сидел голодным и не был постоянно в долгах. Маше каждый год покупали новое платье, а у ее маленькой племянницы появилась вещь, которой до этого ни у кого в семье еще не было,— кукла, купленная в магазине.

Начав с немыслимой нищеты и страданий во время гражданской войны, русские люди работали, поднимаясь к более высокому уровню жизни. Все члены Машиной семьи были полны энтузиазма. Некоторые из детей вступили в комсомол, и после спора, длившегося годами, мать наконец уступила давлению со стороны детей и сняла иконы со стен. Затем она сама тоже решила учиться. Машина мать научилась читать и писать в возрасте пятидесяти пяти лет. Ее учила младшая дочь.

Закончив восемь классов средней школы в Удомле, Маша решила поехать в Москву, чтобы продолжать учебу там. Ее брат и сестра уже жили в Москве, в комнате подвального помещения. Один за другим, в течение пятнадцати лет, младшие братья и сестры тоже переехали в Москву, и все они жили в этой маленькой комнатке, пока учились в одном из высших учебных заведений, которых так много в Москве. Маша приехала в столицу в 1929 году. В это время индустриализация страны еще только начиналась. Быстрорастущей экономике России были необходимы специалисты всех профессий: инженеры, химики, учителя и врачи. В высших учебных заведениях студентам выплачивались стипендии и всячески помогали закончить курс обучения, а потом направляли их на работу в лаборатории и на предприятия. Маша закончила подготовительные курсы, а затем поступила в Менделеевский институт, где еще и работала на полставки лаборанткой, чтобы иметь несколько рублей на хлеб.

В 1932 году вторая из старших сестер Маши закончила Московский университет, вышла замуж и уехала

в Магнитогорск. В следующем году, по личным причинам, Маша последовала за ней. Она поступила на предпоследний курс Магнитогорского педагогического института, выбрав для своей специализации математику и физику. Она жила вместе с сестрой и получила работу в местном Комвузе, где проводила четыре часа в день, причем большую часть этого времени готовилась к занятиям в институте.

Маша была очень счастлива в Магнитогорске. Она чувствовала себя так, будто весь мир у ее ног. Она спала на диване в крошечном гостиничном номере, где жили ее сестра и зять, у нее было два или три платья, две пары туфель и одно пальто. Через два года она закончит педагогический институт. Потом будет преподавать или, возможно, поступит в аспирантуру. А кроме того, она жила в городе, который вырос из ничего — точно так же, как и она сама. Условия жизни улучшались по мере того, как росло производство чугуна. Она чувствовала себя частью растущего предприятия. Отсюда и ее искренняя жалость ко мне, который вначале казался ей изгоем обанкротившегося и вырождающегося общества.

Глава IV

Маша меня закружила. Я выхлопотал маленькую комнату в жилом доме Соцгорода. Затем в один прекрасный день предложил Маше стать моей женой. Она согласилась, и на следующий вечер после работы муж ее сестры Макс проводил нас до Соцгорода, неся от самой гостиницы маленький чемодан Маши, в котором уместились все ее пожитки.

Мы с Машей договорились встретиться у загса (Бюро гражданских актов) на следующий день, где находилась контора, в которой заключались гражданские браки. Я с некоторым трудом отпросился с работы и, тяжело дыша, прибежал к маленькому деревянному бараку, где женились и разводились, и тут оказалось, что Маша забыла свой паспорт. Мы вынуждены были перенести церемонию на завтра.

Когда мы пришли туда на следующий день, то обнаружили довольно длинную очередь, и нам пришлось прождать около получаса. Всем, собиравшимся в тот день вступить в брак, было немногим более двадцати

лет, и большинство из них были бывшие крестьяне, а ныне рабочие, с голубыми глазами и огрубевшими руками. Когда подошла наша очередь, мы расписались в книге регистрации браков, я заплатил три рубля, и мы получили кусок грубой оберточной бумаги, на которой мимеографическим способом был оттиснут бланк свидетельства о браке, согласно записи в котором мы объявлялись отныне мужем и женой до тех пор, пока один из нас не пойдет в какой-нибудь загс, находящийся в любом месте Советского Союза, и не заплатит три рубля за развод.

Мы начали нашу совместную жизнь почти буднично. Для нас обоих на первом месте, несомненно, стояла работа и учеба.

Глава V

В конце лета мы оба взяли отпуск и поехали в деревню навестить семью Маши. Машины родители были более чем радушны, хотя я уверен, что они были несколько разочарованы, увидев меня. Старый Иван Калинович, ее отец, был добродушным бородатым крестьянином с низким голосом и мозолистыми руками. Он был членом сельсовета местного колхоза и от своей души поддерживал коллективизацию. Неторопливо, просто и понятно он рассказал мне о том, что сделал колхоз в его деревне. У всех был хлеб. Урожаи льна стали больше, чем раньше, и увеличилось количество скота. Несомненно, существовало и некоторое сопротивление. Кое-кто из старых крестьян все еще предпочитал вести индивидуальное хозяйство, но, как считал отец, и они со временем все поймут.

Деревня и поля выглядели бедно. Техники не было вообще никакой. Трактора и комбайны отправляли в области, производящие зерно, на Украину и в Сибирь, где более плодородные почвы и крупные сельские хозяйства давали возможность использовать машины более эффективно.

Самым замечательным членом семьи была мать Маши. Она родила девятерых детей, и ей ни разу не потребовалась помощь ни доктора, ни акушерки. Все дети родились ночью, как рассказывала мне Маша, и мать ни разу никого не будила. На следующее утро она вставала за-

темно, как обычно, и разводила огонь: потом она шла на работу в поле так, как будто не произошло ничего особенного. Ей было лет шестьдесят, она никогда не обращалась к стоматологу, однако смогла сохранить все зубы. В спорах она была остра на язык, но заливалась слезами всякий раз, когда кто-нибудь из ее детей приезжал или, наоборот, уезжал из дома. Ее домик был безупречно чист, и она все еще продолжала работать в поле и ухаживать за стадом колхозных овец.

Что касается сельскохозяйственной техники и уровня материального обеспечения, то, как я узнал, деревня жила и работала более или менее так же, как и до 1914 года, хотя появились и два новых фактора. Во-первых, много молодежи уезжало в города, чтобы учиться и потом работать в промышленности, а это создавало в деревне нехватку рабочих рук. Во-вторых, в деревне чувствовались новые настроения. Люди работали не только на себя, как делали это в первые годы революции, но и на колхоз для общей пользы. Они работали все вместе, сообща. Маленькие поля были объединены в большие, и работа выполнялась бригадами. С другой стороны, в то время как до революции они работали по двенадцать-четырнадцать часов в день, теперь у них был восьмичасовой рабочий день. То, что достигалось за счет коллективных усилий, тут же терялось из-за уменьшения количества рабочего времени. Производство и объем производимой продукции были точно такими же, что и двадцать лет назад. Между прочим, это было явление более или менее характерное для советского сельского хозяйства в целом, хотя в некоторых районах, например таких, как Кубань и Западная Сибирь, многие новые хозяйства страны, оснащенные тракторами, производили продукции во много раз больше, чем раньше.

Я бы хотел остаться в деревне на месяц или даже больше, но наши отпуска были строго ограничены, и мы с Машей вернулись в Магнитогорск. Мы снова принялись за учебу и работу и были настолько заняты, что незаметно пролетел год, прежде чем мы оба окончательно привыкли к мысли о том, что мы муж и жена.

Глава VI

За это время доменные печи № 3 и № 4, а также одиннадцать мартеновских печей и полдюжины прокатных станов вступили в строй и начали давать продукцию.

Заметные изменения произошли не только на нашем предприятии. Сам Магнитогорск вырос и из грязного, хаотичного поселка строителей, которым он был в начале тридцатых годов, превратился в достаточно удобный для жизни и здоровый город. Была построена и уже начала работать трамвайная линия. Открылись новые магазины, и там появились различные товары в достаточно большом количестве и по умеренным ценам. Стало вполне возможно купить топливо, все виды одежды и другие элементарно необходимые вещи. Уже не надо было больше воровать, чтобы жить.

Улучшение условий жизни в Магнитогорске были отражением тенденции, общей для всего Советского Союза. Коллективизация давала свои результаты. Многие уральские колхозы процветали. Исчезли продовольственные карточки, магазины, доступ в которые был ограничен, и другие проявления дефицита в экономике. Инснаб был ликвидирован, но иностранцам его не хватало только потому, что цены там были ниже. Те же бакалейно-гастрономические товары и одежду можно было купить в 1935 и 1936 годах в открытых магазинах, и часто это можно было сделать даже без таких неудобств, как очереди.

Моя работа шла очень неравномерно и напряженно. Особенно мне запомнилось сооружение газопровода длиной около одной мили, тянувшегося от доменных печей к электростанции. Сваренная из отдельных кусков стальная труба шести футов в диаметре, установленная на стойках разной высоты, делала на своем пути много поворотов для того, чтобы огибать те места, где по проекту планировалось сооружение железнодорожных линий и промышленных предприятий. Стоя на самом высоком месте этой огромной трубы, почти в 100 футах от земли, и глядя на ее извилистый путь по голой степи, могло показаться, что какой-то неведомый конструктор сошел с ума, а мы, как пешки, слепо подчинились бессмысленному росчерку его пера.

Этот газопровод был совершенно не защищен от ветра. Зимой рабочие дали ему прозвище «Сахалин» — по

названию советского острова в Тихом океане. Северный ветер носился по бескрайней голой степи и качал наши стойки, как тростинки. Однажды рухнули две стойки и участок трубы; погибли такелажник и сварщик. Но тем не менее строительство газопровода было закончено и он начал работать в положенное время.

Однажды осенью я пришел на работу как раз в тот момент, когда была выбита шестидесятифутовая* стойка, поддерживающая газопровод, из-под нашей трубы в месте пересечения его с основной железнодорожной линией, связывавшей доменные печи с разливочной машиной для чугуна. Эта стойка находилась между двумя рельсовыми колеями. Невнимательный инженер вел состав передвижных разливочных ковшей-шлаковозов, один из которых не был закреплен в строго вертикальном положении после того, как его опорожнили. Этот ковш выступал слишком далеко, зацепился за стойку, вырвал ее из фундамента и отбросил эту стойку на дюжину ярдов в сторону. Наш газопровод, с уже заваренными швами, был спроектирован так, что поддерживался снизу стойками, установленными с равными интервалами,— и вдруг одна из опор была из-под него выбита. У меня сердце ушло в пятки, и я пришел в себя только через полчаса, когда привезли кран, чтобы поддерживать этот участок трубы, пока не будет установлена новая стойка. Наши сварочные швы выдержали нагрузку лучше, чем этого можно было бы ожидать. Нам вынесли официальную благодарность от дирекции завода, и каждый из нас чувствовал гордость за свою работу.

Глава VII

В 1935 году я впервые испытал мучения, связанные с посещением советского зубного врача. Это была девятнадцатилетняя девушка по имени Галя. Она родилась в деревне, три года училась в сельской школе, а затем переехала в маленький город, где работала прислугой, и закончила двухгодичные ускоренные курсы зубных врачей. С этим багажом знаний она была направлена на работу в Магнитогорск, чтобы помогать

* Шестьдесят футов составляют приблизительно 18 метров.— *Примеч. переводчика.*

в чрезвычайно важном деле — лечении зубов у четверти миллиона человек, среди которых были и русские, и люди других национальностей. Намерения у нее были самые добрые, но ей не хватало квалификации и, кроме того, в ее распоряжении не было ни оборудования, ни фармацевтических средств, которые в большинстве других стран считаются необходимыми в зубоврачебной практике. Я сейчас не помню, чем она пользовалась, когда удаляла мне нерв из зуба, но по ощущениям это больше всего напоминало слесарный инструмент. «А другой зуб,— сказала Галя,— придется вырвать». Она велела мне прийти к определенному времени, когда в поликлинике царствовал специалист по удалению зубов. Я пришел на несколько минут раньше и обнаружил очередь приблизительно из двадцати человек, сидевших на стульях вдоль стены коридора, ведущего к кабинету этого врача. Я занял свое место в конце очереди и стал ждать. Почти каждую минуту дверь открывалась, выходил бледный пациент, украдкой сплевывал в большую заляпанную кровью плевательницу и покидал поликлинику, посасывая свой носовой платок. Следующий человек из очереди вставал и нетвердой походкой направлялся в кабинет. Когда я был уже в середине очереди, ко мне незаметно подошла медсестра в грязном белом фартуке; в руках у нее был шприц.

«Какой зуб, товарищ?» — спросила она. Я ей показал, и она сделала мне в челюсть укол, от которого голова пошла кругом. Когда передо мной осталось два человека, из кабинета вышел сам зубной врач. Это был здоровенный черноволосый детина лет тридцати пяти, рукава у него были засучены, очки в роговой оправе забрызганы кровью. Он дошел до конца коридора, закурил, сделал несколько затяжек и затем зашагал обратно, не глядя по сторонам.

Когда подошла моя очередь, я вошел в кабинет и не успел сесть в кресло, как сестра внесла лоток, в котором лежали простерилизованные зубные клещи и еще какие-то инструменты, а другая сестра тем временем повязала мне вокруг шеи грязный фартук.

«Какой зуб, товарищ?» — спросил врач, взяв в одну руку клещи, а в другую — молоточек-долото. Я ему показал и не успел опомниться, как вырванный зуб уже лежал в лотке вместе с клещами. Тут же появилась еще одна медсестра, неся лоток с только что простерн-

лизованными инструментами для следующего пациента. Я вышел из кабинета и сплюнул в плевательницу.

Думаю, что с точки зрения зубоврачебного искусства удаление зуба было выполнено отлично. Этот зубной врач, несомненно, имел большой опыт, и были соблюдены элементарные правила стерилизации и санитарии. Но с психологической точки зрения это была жестокая процедура. В Магнитогорске не хватало врачей-стоматологов, как, впрочем, их не хватало повсюду в Советском Союзе. Большинство из них работали по две смены ежедневно и зарабатывали от 800 до 1200 рублей в месяц.

Глава VIII

Моя жизнь с Машей шла насыщенно, счастливо, просто.

Однако осенью 1935 года произошло событие, значительно осложнившее нашу жизнь. Родилась наша первая дочь. Ни я, ни Маша ничего не знали о детях, и более того, мы оба больше интересовались своей работой и учебой. Прошло несколько месяцев, прежде чем мы, наконец, поняли, что необходимо как-то изменить нашу жизнь в интересах следующего поколения.

Мы нашли идеальную домашнюю работницу, которая занялась нашим беспорядочным домашним хозяйством и наладила его. Вере было шестнадцать лет; она была дочерью раскулаченного, вся семья которого жила в специальном бараке рядом с Шабковым. Вера приехала в Магнитогорск в 1930 году вместе со своими родителями, сестрой и двумя братьями. Первую зиму они прожили в палатке. Мать, один брат и сестра умерли. Вера сумела выжить и поступила в школу, где проучилась два года. Потом ее отец получил увечье и после этого мог работать только сторожем. Им не хватало хлеба, и Вере пришлось искать работу.

Она была замечательной домработницей; покупала продукты, готовила и ходила гулять с маленькой Элкой. Единственное условие, которое она нам поставила,— немного свободного времени днем, чтобы посещать каждый день занятия в школе. Они так условились с Машей, что одна из них будет постоянно находиться дома, и все устроилось как нельзя лучше. Вера оставалась у нас три

Рис. 12. Маша, маленькая Элка и Джон, декабрь 1938 г.

года и практически стала членом нашей семьи. Для нас было большим ударом, когда в 1938 году, после того, как я переехал в Москву, милиция заставила в двадцать четыре часа уехать в Челябинск несколько тысяч детей из раскулаченных семей, и в том числе Веру.

Требовались люди для строительства нового военного завода в Челябинске. Теоретически в 1938 году бывшие кулаки и их семьи имели такие же гражданские права, как и все остальные граждане, но в действительности, когда вставал вопрос о том, где найти рабочих для строительства важного военного завода, власти не особенно следовали букве закона. Вера получила распоряжение, размноженное на мимеографе, и следующим вечером ее уже отправили товарным поездом в Челябинск. Больше мы ее никогда не видели, но мне рассказывали, что завод в Челябинске был построен в срок и начал работать в 1941 году.

Пока Вера была с нами, все шло как по маслу. В конце 1935 года, после долгих переговоров с администрацией комбината, я получил ордер на комнату, находившуюся рядом с той, которую мы уже занимали в Соцгороде. В один прекрасный день я взял пилу и ломик, сломал стену, навесил дверь, и мы стали счастливыми обладателями квартиры, что было весьма необычно

в то время для рабочего или любого мелкого начальника в Магнитогорске.

Это дало нам возможность изолировать ребенка, и теперь мы все могли немного заняться учебой. Кроме того, это заставило нас накупить предметов домашнего обихода, которых мы до этого не имели: мебель, коврики, кастрюли и чайники; все они стоили довольно дорого, и поэтому мы покупали их по очереди, и постепенно вещи стали заполнять нашу квартиру.

Маша закончила институт через несколько месяцев после рождения Элки и начала работать преподавательницей математики в средней школе, только организованной в особом районе города, где жили раскулаченные элементы. У нее было в среднем пять часов занятий в день, и она получала около пятисот рублей ежемесячно; столько же получал и я. Маше нравилась ее работа, и она была отличной преподавательницей. Школа, где она работала, была по успеваемости лучшей в городе, но этого и следовало ожидать. Сыновья и дочери раскулаченных «лишенцев» прошли жесткий естественный отбор, в результате которого слабейшие и наименее сообразительные отсеялись, а оставшиеся во что бы то ни стало стремились получить образование. Их отцы в большинстве своем были самыми энергичными и умными людьми в деревнях, откуда они приехали. Их ликвидировали как класс в интересах нужного дела — коллективизации сельского хозяйства. Их дети имели твердое намерение стать лидерами в иной сфере деятельности.

Машина работа не ограничивалась преподаванием. Она лично отвечала за группу, состоявшую из двадцати пяти детей. Если они получали плохие отметки, опаздывали, пропускали уроки или плохо вели себя, то обязанностью Маши было выяснить, почему это происходит, и попытаться исправить дело. Она также водила их группами в театр, на лекции и на собрания. Такая общественная работа занимала у нее часа два ежедневно.

Однако и этого ей было мало, и она серьезно занялась шахматами. В течение некоторого времени она удерживала первое место среди женщин-шахматисток Магнитогорска. Несколько позднее, когда открылась городская музыкальная школа, она поступила туда и начала учиться играть на рояле.

Судьба Маши была типичной для целого поколения

молодых советских жеищии, которые получнли и использовали предоставившиеся им широкие возможиости для образования. Оии стали профессиоиальиыми специалнстами, в то время как нх родители едва умелн читать н писать. Эта группа жеищии (в их числе и Маша) были буквальио пропитаиы лозуигами равиых возможностей для жеищин. Оии выросли в двадцатые годы, когда пропагаидировалось уннчтожеиие такого поиятня, как буржуазная семья. Оии хотелн уделять как можно меиьше времеии готовке, мытью посуды и стнрке пеленок. Это счнталось делом прислуги, не обладавшей ннтеллектуальиым потеициалом или же еще ие получнвшей иеобходнмой подготовки и образования, чтобы профессиоиальио работать по какой-либо специальиости.

Как я много раз говорил Маше, эта психология в иекотором смысле напомннала психологию женщнн, прннадлежавшнх к аристократическим семьям левого иаправлеиия до революцни. Более того, я уверял ее в том, что если когда-нибудь поедем в Америку, то она сможет убедиться, как миого жеищнн, работающих по своей специальиостн, сами моют посуду. Маша весьма скептически отиосилась к тому, что мы когда-ннбудь поедем в Америку, и, кроме того, мон аргумеиты казались ей иелогичиыми. Оиа преподавала математику, получала пятьсот рублей в месяц. Вере платили пятьдесят рублей в месяц, что было довольио много. Почему же Маша должна мыть посуду? Такое разделеиие труда представлялось ей иецелесообразиым.

Одиако это не создавало инкаких затрудненнй в иашей семейной жнзни, так как Вера делала большую часть работы по дому, и, кроме того, когда это по каким-либо причииам было иеобходимо, Маша всегда сама готовила и стнрала. Думаю, что ей иногда это даже иравилось, ио оиа считала это иецелесообразиым н иеправнльным с идеологической точки зреиия.

Мы жили счастливо. У нас было столько деиег, сколько было иужио, и мы обычио тратили меиьше, чем зарабатывали. Наше домашиее хозяйство было хорошо организовано, так как материальное сиабжеиие города в целом улучшилось. Малеиькая Элка поиемиогу взрослела, у иее появился свой характер, и мы с Машей были влюблеиы в иее по уши. К тому времени, как роднлась ее сестренка, я уже поиял, что и оиа, и Маша, н Элка стали самой важной заботой в моей жизин.

Часть VI

БИТВА ЧУГУНА И СТАЛИ

Глава I

В начале тридцатых годов усилия Советского Союза были в основном направлены на строительство. По всей стране вырастали новые заводы, шахты и целые отрасли промышленности.

Тем не менее новые комплексы зачастую не могли нормально функционировать. Полуквалифицированные рабочие не умели обращаться с тем сложным оборудованием, которое было установлено. Машины ломались, людей раздавливало, они отравлялись газами и другими химическими веществами, деньги тратились астрономическими суммами. Людей заменяли новыми, пришедшими из деревень, государство восполняло финансовые потери, давая правительственные дотации, тем или иным способом доставались материалы и предметы снабжения.

Начиная с 1935 года основные усилия страны были перенесены из области строительства в сферу производства.

России были необходимы колоссальные количества чугуна, стали и различного оборудования, чтобы удовлетворять растущие потребности страны в товарах повседневного спроса, а также, что не менее важно, Красной Армии, Флота и воздушных сил, которые нуждались в орудиях, военном снаряжении, самолетах, крейсерах и танках. В каждой советской газете, радиопередаче и публичном выступлении подчеркивалась жизненно важная необходимость увеличения выпуска продукции, важность сферы производства.

В Магнитогорске Завенягин начал заниматься проблемой производства чугуна, стали, кокса и руды. Он предоставил своим подчиненным решать вопросы, свя-

занные со строительством. Заработная плата рабочих на производстве стала выше, чем у строителей; печать, снабженческие организации, партийные органы — буквально все занялись вопросами производства. Я уже три года проработал сварщиком на строительстве доменных печей, карабкаясь по стальным конструкциям, и решил перейти работать на производство.

Принятию такого решения способствовало и окончание курса моего обучения в Комвузе. После церемонии вручения диплома местные партийные работники стали настойчиво советовать мне заняться пропагандистской деятельностью. Однако поскольку я не выражал никакого желания ни вступать в члены Коммунистической партии, ни отказываться от своего американского гражданства (а это было обязательным условием для любого человека, чтобы стать партийным работником в Советском Союзе), то партийное начальство сочло необходимым сообщить мне, что партийной работы для меня нет.

Я был очень рад этому. Я многому научился в Комвузе: хорошо знал русский язык, и у меня было ясное представление о теориях Маркса, Ленина, Сталина, на которых, судя по всему, была основана вся социальная и экономическая структура Советского Союза. Я знал все ответы (или, по крайней мере, большинство из них) и мог быстро и четко перечислить все ошибки и подлые поступки троцкистов и нескольких других оппозиционных группировок, что заставляло моих преподавателей с гордостью улыбаться.

Но у меня не было желания становиться профессиональным пропагандистом. Одно дело, когда тебе преподают те предметы, в которые ты не веришь или принимаешь с оговорками, но преподавать эти предметы другим — это совершенно иное дело. Я хотел заниматься науками, которые мог бы воспринимать более плавно, изучать такие дисциплины, которыми я мог бы овладеть и передать мои знания другим без какого-либо чувства интеллектуального лицемерия. Я хотел поступить в учебное заведение, готовящее инженеров. В Магнитогорске было одно такое — Горно-металлургический институт, куда могли поступать только лица, работающие на комбинате.

После многих трудностей Строительный трест принял мое заявление об уходе и разрешил мне уволиться по окончании шестинедельного отпуска. В течение этого

времени я старался подыскать себе место в одном из производственных объединений, где мне было бы интересно работать, где я был бы более или менее свободен, чтобы по вечерам заниматься в институте, и где платили бы столько, чтобы хватало на текущие расходы.

Глава II

Два дня я ходил, спотыкаясь, по огромной шахте, где добывали железную руду в количестве, достигавшем пяти миллионов тонн в год,— почти двадцать пять процентов всей добычи железной руды в Советском Союзе *. Там работали двадцать пять электровозов, купленных за границей, они тянули современные пятидесятитонные думпкары ** от места выемки породы к рудодробилке, а оттуда — на агломерационный завод. Я наблюдал за тем, как электрические экскаваторы отгружают руду со скоростью пятьдесят тонн в минуту или же стоят, вытянув свои руки, ожидая, когда приедут пустые грузовики, чтобы начать наполнять их,— это зрелище всегда напоминало мне человека, которого что-то удивило во время еды, и он застыл, так и не донеся вилку до открытого рта.

Шахта показалась мне неподходящим местом для работы. Я пошел обратно к доменным печам, чтобы выяснить, какие возможности имеются там.

До этого мне редко удавалось увидеть что-нибудь, кроме неприглядной стороны работы доменных печей. Нашу строительную бригаду вызывали туда только в случае каких-то неполадок для ремонтных работ.

В зимний период 1933 и 1934 годов доменный цех периодически останавливался. Холодные ветры нарушали работу его больших печей. Газопроводы, воздушные линии, водопроводные трубы — все замерзало. Повсюду нависали тонны льда, под тяжестью которого иногда обрушивались металлоконструкции. Одна из четырех доменных печей большую часть времени была на капитальном ремонте.

Все мы хорошо запомнили работы по разборке

* См. Приложение (16).— *Примеч. автора.*

** Думпкар — вагонетка с опрокидывающимся кузовом.— *Примеч. переводчика.*

после сильнейшего взрыва, происшедшего на домне № 2 в 1934 году. Мы занимались этим круглые сутки в течение двух месяцев. Из-за неправильного обращения со сливным вентилем была прожжена водяная рубашка, и несколько кубических метров воды вылилось на расплавленный чугун. Последовавший в результате этого взрыв снес крышу с литейной, сильно повредил с одной стороны доменную печь, серьезно пострадали все люди, находившиеся в это время поблизости. Домна № 2 два месяца была закрыта на ремонт, вследствие чего страна потеряла около пятидесяти тысяч тонн чугуна. Сам ремонт обошелся в полтора миллиона рублей, и там были заняты строители, которые могли выполнять другую работу. Пытались найти виновника этого несчастного случая, к суду было привлечено несколько человек, однако никто не был осужден. На протяжении двух недель, предшествовавших этой катастрофе, все люди, чья работа была связана с этой доменной печью, знали, что сливной вентиль плохо функционирует. Мастер говорил об этом начальнику производства, который сообщил директору, а тот в свою очередь доложил Завенягину, и он позвонил Орджоникидзе, народному комиссару тяжелой промышленности СССР. Никто не понимал всей опасности плохой работы сливного вентиля и никто не хотел взять на себя ответственность и остановить доменную печь, когда стране был крайне необходим чугун.

Отсутствие опыта и небрежность приводили к большим потерям и в системе транспортного обеспечения доменных печей. Все время не хватало передвижных ковшей в основном потому, что железнодорожные рабочие не могли ставить их прямо под чугунной лёткой, из которой чугун заливали в ковши, или же не выводили вовремя ковши из-под нее. В обоих случаях расплавленный чугун переливался через края, что вызывало разрушение осей, колес и железнодорожных путей.

В первые годы, когда я наблюдал за работой бригад в литейном цехе, у меня часто возникало ощущение, что это взрослые дети играют с новой игрушкой. Я отчетливо помню большого монгола с жидкой бородкой, пошевеливающего в лотке с раскаленным до белизны, расплавленным чугуном шестидесятифутовым аншпугом, он улыбался, весело ругаясь. Молодой бригадир-комсомолец подошел к нему и похлопал его по плечу: «Чугун — видишь?» Монгол улыбнулся, причем когда он рассматри-

вал этот странный новый мир доменных печей и чугуна, где он теперь очутился, голова его, несомненно, была наполовину занята мыслями о предстоящем обеде. Такие сценки должны были бы способствовать (еще предстоит разобраться, действительно они способствовали этому или нет) развитию новой романтической пролетарской литературы, но они, несомненно, не улучшали качество работы у доменных печей.

К 1935 году условия сильно изменились к лучшему. Когда я пришел сюда в поисках работы, меня поразил внешний вид домны № 2. Она была чистой, как бильярдный стол, стены были побелены, инструменты аккуратно висели на своих местах. Бригада спокойно и умело занималась своим делом.

Все рабочие получали достаточное количество продуктов. К этому времени пролетарский труд на комсомольской стройке перестал быть предметом идолопоклонства — работа у доменной печи в любой стране опасна, вредна для здоровья, выматывающе тяжела, и к тому же там очень жарко. Вне стен предприятия рабочие пользовались некоторыми жизненными благами. Условия жизни улучшились, так что теперь их внимание можно было сфокусировать на работе, и она рассматривалась в более реалистическом свете, как необходимый труд, который надо выполнять умело и хорошо для того, чтобы иметь возможность изменить свою жизнь к лучшему. Такая точка зрения позволила добиться более строгого соблюдения трудовой дисциплины, эффективной и квалифицированной производственной деятельности.

Более того, инженерно-технический персонал тоже многому научился. Первые мастера, пришедшие работать на магнитогорские доменные печи, были ветеранами своего дела, обучавшиеся этому еще на «самоварах» — доменных печах, производивших от сорока до пятидесяти тонн в день, где все работы выполнялись вручную. Магнитогорские доменные печи были оборудованы по последнему слову науки и техники. Например, там имелась пушка Брозиуса для заделки лётки — последнее слово американского технического оборудования доменных печей; она была установлена американскими инженерами и с тех пор стояла без дела, потому что русские мастера-ветераны предпочитали заделывать лётку вручную.

Постепенно старых мастеров заменили частично

молодыми советскими инженерами, а частично — рабочими, которых выдвинули на эту должность, так как у них было огромное желание учиться и работать.

Дела на доменных печах шли очень хорошо. Часто они производили больше, чем предусматривалось по американскому проекту, где ежедневная мощность одной печи составляла тысячу тонн *. Выпускаемый чугун был хорошего качества.

Издержки все еще оставались высокими — пятьдесят пять рублей за одну тонну чугуна в 1935 году, а производительность ниже, чем в Соединенных Штатах; например, в Америке доменную печь объемом в тысячу кубических метров обслуживали от семидесяти до восьмидесяти человек, а в Магнитогорске — сто шестьдесят пять. Тем не менее был достигнут огромный прогресс. В 1935 году Магнитогорск произвел больше чугуна, чем все предприятия в Чехословакии, Италии или Польше.

Я мог бы, вероятно, устроиться на работу по техническому обслуживанию и текущему ремонту доменных печей, потому что знал расположение всего оборудования как свои пять пальцев и уже привык к непрерывному реву, грохоту и искрам размером с чайник, летавшим по литейной во время пробивания лётки и выпуска металла из печи. Коля недавно стал мастером бригады сварщиков, выполнявших текущий и профилактический ремонт. Но поскольку Маша со дня на день должна была родить, я не мог согласиться работать сварщиком и зарабатывать в месяц четыреста рублей или около того.

Поэтому я отправился на прокатные станы посмотреть, какие там имеются возможности.

Цех проката состоял из обжимного стана блюминга, механические части которого были сделаны немецкой фирмой «Демаг», электрооборудование — «Дженерал электрик», а его производительность теоретически составляла 900 тысяч тонн в год. Здесь также находились 450-миллиметровый и 630-миллиметровый листовые прокатные станы, на которых были установлены летучие ножницы и механическое оборудование фирмы «Демаг», сортовой прокатный 500-миллиметровый стан последовательного типа (так называемый «кросс-коунтри»), 300-миллиметровый среднесортный и 250-миллиметровый проволочно-прокатный стан.

* См. Приложение (17).— *Примеч. автора.*

Я знал многих людей, работавших в прокатном цехе, и однажды во второй половине дня пошел навестить некоторых из них. Я прошел вдоль огромного блюминга, на котором механизированные краны и электромеханические валки прокатного стана подбрасывали и швыряли восьмитонные болванки, и заглянул в кабину оператора, где в это время работала одна из лучших подруг Маши.

Шура была оператором. Она сидела в белой кабинке с большими двойными окнами над прокатными станами, нажимала на кнопки управления и ножные педали. Одни кнопки и педали приводили в движение валки, которые доставляли болванки на стан, другие регулировали скорость их движения; аналогичным образом она контролировала работу больших механических пальцев, переворачивавших болванку, меняла их направление и т. д. Шура следила за работой мотора постоянного тока мощностью в тысячу лошадиных сил, менявшего направление своего вращения каждые десять-пятнадцать секунд; этот мотор вобрал в себя все лучшие достижения инженерной мысли и опыта Соединенных Штатов за последние несколько десятилетий. Контролировала она и работу множества других вспомогательных моторов разных типов. Рабочее место Шуры по своей чистоте напоминало операционную в хорошей больнице, и не успел я войти в ее кабину, как ко мне подошел один из электротехников и сказал, что никому не разрешается заходить внутрь этого помещения, чтобы не отвлекать оператора. «Они хотят установить рекорд»,— сказал он мне. По проекту болванку должны прокатать менее чем за минуту. На самом деле на это уходит в среднем 3,2 минуты, а рекордное время у одной восьмичасовой смены составило всего лишь две минуты, к тому же около пятнадцати процентов выпущенной ими продукции не соответствововало стандартам качества. Электротехник успел произнести целую речь, пока стан не остановился, потому что больше не было болванок и Шура смогла отойти от своих рычагов и рукояток, чтобы поговорить со мной.

Она приехала в Магнитогорск из деревни, очень сильно болела и поэтому была вынуждена пройти курс обучения на оператора вместо того, чтобы заниматься более активной работой. Это была двадцатитрехлетняя, довольно бледная девушка со скуластым открытым ли-

цом крестьянки, на котором застыло выражение нервного напряжения, появившееся у нее после долгих месяцев пребывания в больнице и последующей работы оператором прокатного стана. Она всегда приходила на комбинат в красной косынке, с неизменно серьезным, очень напряженным выражением лица. Она никогда не опаздывала, не тратила время на перекуры и не приходила на работу с больной головой после похмелья, как многие мужчины. Более того, она освоила работу оператора блюминга. Шура понимала назначение всех кнопок и рычагов пульта управления, за которым работала. У нее не было обширных познаний в области теоретической физики (она училась в школе всего семь лет), но их хватило, чтобы стать вполне квалифицированным оператором. Другими необходимыми навыками для этой работы были напряженное внимание, чисто механическая ловкость рук и расторопность, доведенные до автоматизма, а всем этим она владела мастерски. Она была одним из лучших операторов на комбинате.

В Магнитогорске во многих профессиях, таких, как оператор крана, оператор прокатного стана и т. п., где были необходимы скорее надежность в работе, ловкость и согласованность движений, а не физическая сила, женщины в значительной степени заменили мужчины. Их единственным недостатком с точки зрения работы было то, что в 1937 году на одну тысячу женщин приходилось тридцать три ребенка, они слишком часто уходили в декретные отпуска и теряли профессиональные навыки.

Вначале блюминг, как и доменные печи, работал очень плохо. Ежемесячные планы выполнялись на 20—30 процентов, и периодически он останавливался, а это обходилось очень дорого. Например, в декабре 1933 года блюминг не работал сорок четыре процента всего рабочего времени. Причины заключались в следующем: перебои в подаче либо газа, либо электроэнергии, либо воды — 13 процентов, выход из строя электрооборудования — 2 процента, выход из строя механического оборудования — 9 процентов, нарушение работы блюминга при обработке некачественной заготовки — 14 процентов, прочие причины — 6 процентов.

Однако к 1935 году блюминг уже настолько хорошо функционировал, что обрабатывал всю сталь, производимую мартеновским цехом.

Глава III

Выйдя из здания, где находился блюминг, я пошел к 500-миллиметровому среднесортному прокатному стану, или, как его называли, стану-500. Стан-500 обладал для меня особой притягательной силой из-за своих размеров, а также потому, что здесь был партийным секретарем Митя Глазер, мой старый друг, который раньше преподавал в Комвузе. Мите было двадцать семь лет, он был сыном украинского еврея-портного. Уже десять лет он работал в комсомольских и партийных органах. Это был очень способный и деловой человек.

Митя показал мне прокатный стан. Когда я рассказал ему, что подыскиваю новое место работы, он высказал хорошую мысль, так как знал, что в свободное время я пишу рассказы.

— Почему бы тебе не написать памфлет о стане-500? — с энтузиазмом предложил он.

Это была заманчивая идея. Я провел две недели, изучая работу прокатного стана и систематизируя собранный материал. Митя тем временем старался сделать так, чтобы материал опубликовали.

Из этого, конечно, ничего не вышло, но некоторые материалы и сегодня представляют интерес.

Стан-500 стоил 12 миллионов 240 тысяч рублей. Около шестидесяти процентов этой суммы было выплачено золотом, на которое закупили лучшее в мире оборудование для прокатных станов. Весь процесс был механизирован. При нормальной работе стана сталь двигалась приблизительно со скоростью бегущего человека, причем стальные заготовки следовали одна за другой с интервалом в несколько дюймов.

Стан обслуживали семьсот двадцать рабочих, инженеров и «белых воротничков». Около двух третей этого количества составляли русские, одну треть — украинцы, татары, башкиры и евреи.

Двадцать девять процентов работавших на стане-500 пришли сюда из деревень. Около двадцати процентов составляли ветераны прокатного дела, которых прислали в Магнитогорск с предприятий, находящихся на юге, в Донбассе, и с других, более мелких прокатных станов Магнитогорского комбината, однако и из них три четверти не так давно тоже пришли из деревень.

Административная структура стана представляла

собой следующее: «начальником» (то есть начальником производства) был молодой советский инженер по фамилии Вайссберг. У него было три заместителя. Один отвечал за оборудование, другой — за производство, а третий — за условия труда и жизни рабочих и массу других вопросов. Главный механик и главный энергетик отвечали за соответствующее оборудование. Начальник канцелярии и два его помощника вели учет всех приказов и распоряжений, типов металла, подлежащих обработке на прокатном стане, загрузок и отгрузок продукции. Бухгалтер и его три помощника рассчитывали зарплату рабочим и ведали всеми финансовыми операциями прокатного стана в целом. Руководители профсоюзной и партийной организации занимались учебной и пропагандистской работой, вопросами трудовой дисциплины и непосредственно проблемами партийной и профсоюзной жизни. Один человек в отделе кадров занимался личными делами всех работающих. Четыре человека в техническом бюро изучали различные аспекты производственного процесса, рассматривали рационализаторские предложения, искали пути и способы экономии средств и рабочего времени, денег и сырья, оборудования и запасных частей. Два человека в отделе труда устанавливали нормы и изучали трудовые процессы, связанные с производством. Кроме того, там работали еще две девушки, которые отвечали на телефонные звонки и немного печатали на машинке. Этим завершался список «белых воротничков», состоявших в штате прокатного стана.

Помимо них были еще люди, руководившие производственными процессами, хотя сами они не занимались физическим трудом: пять мастеров смен, пять инженеров смен и один старший мастер. Таким образом, в общей сложности тридцать пять человек не участвовали непосредственно в самом процессе производства. Все остальные были «рабочими» (в противоположность инженерно-техническому персоналу): электрики, рабочие-прокатчики, механики-ремонтники, газовщики и так далее. Эти рабочие имели разряды в соответствии со своей квалификацией. Таких разрядов было восемь, и для получения более высокого разряда рабочему надо было сдать как теоретические, так и практические экзамены. Каждый рабочий имел право в любое время просить присвоить ему более высокий разряд, и если успешно сдавал экзамен, то получал его. Администрация

с согласия профсоюза могла поинзить разряд рабочего, если оказывалось, что у него иедостаточио знаннй н иавыков для даниой работы. У мастера не было права ни прнсваивать рабочим другой разряд, ии наинмать нлн увольнять их, хотя его миеиие, естественно, прнннмалось во вннманне начальннком пронзводства и работинком профсоюза прн решеннн подобных вопросов.

На прокатном стаие-500 только иемногие рабочие имели первый н второй разряды, которые соответствовали должностям подмастерья нли разиорабочего. В осиовиом здесь были рабочие пятого разряда.

На протяженнн всего 1934 года прокатиый стан дал ничтожное количество продукцни. Она составляла десять, пятиадцать, двадцать процентов проектной мощностн. Все миожество причин можио свестн к одной — рабочне еще не научнлись работать на прокатном стаие. Все время что-то выходнло нз строя, и некому было устраиять иеполадки.

Плаиовый отдел предпрнятия давал рабочнм стаиа-500 очеиь иизкие плаиовые задания, составлявшие от 40 до 50 процентов проектной мощностн, но даже они ие выполиялись. Людн теряли иитерес к работе, ио мало-помалу, месяц за месяцем онн все лучше овладевали своими професснямн; увелнчнвался выпуск продукции, пока, иаконец, начииая с января 1935 года, ие была достнгнута, а затем н превышеиа проектная мощность *.

Я провел иебольшое изучение уровня зарплаты иа стаие-500, которое хочу прнвестн в качестве тнпичного примера того, как с целью повышеиня пронзводительиостн труда осуществлялась взаимосвязь между сдельиой работой н премиальной системой в Магнитогорске в середиие трндцатых годов.

Уснлня партнйной органнзацни н адмнннстрации были в основном направлены на устаиовление уровня зарплаты такнм образом, чтобы каждый получал в соответствии с результатамн своего труда.

Инжеиерно-техннческне работники получали оклады. Мастера получалн около 550 рублей ежемесячио; старшие (главные) мастера, ннжеиеры смен, главиые механнкн н электротехннки — приблизительно 800 рублей; бухгалтеры — около 450; заместители начальиика

* См. Приложение (18).— *Примеч. автора.*

производства — приблизительно 1000 рублей, а сам начальник производства — около 1200 рублей в месяц. Эти основные оклады устанавливались за работником при его приеме на работу отделом труда. Эти оклады могли быть увеличены до определеных пределов начальником производства, а снизить их теоретически не мог никто.

Однако эти служащие в действительности часто получали жалованье, в два-три раза превышающее их основной оклад, а иногда — всего лишь семьдесят процентов оклада. Они получали добавочное вознаграждение к основной зарплате за количество выработанной продукции в соответствии со следующей шкалой *:

Количество продукции, в процентах от ежемесячного плана	Группа (в процентах)		
	Первая	Вторая	Третья
Менее 100	75	75	75
100	100	100	100
От 101 до 120	130	120	112
От 121 до 130	170	150	140
От 131 до 150	200	180	155
От 151 и выше	300	250	200

В первую группу входили начальник производства и его заместители, старшие мастера, главный механик и энергетик. Во вторую группу — инженеры и мастера смен. Их заработная плата зависела от выполнения плана только их сменой. Третья группа включала в себя всех других служащих, бухгалтеров и т. д. В качестве примера применения этой системы оплаты труда я могу привести следующие данные:в октябре смена мастера Шевчуга выполнила свой план на 162 процента. За этот месяц Шевчуг получил 250 процентов своего основного оклада (составлявшего 800 рублей), то есть 2000 рублей. То же самое происходило и с системой

* Таблица приводится в сокращенном виде. Вся таблица целиком занимала восемь страниц, и в ней содержались цифры добавочного вознаграждения в процентах для каждой основной зарплаты и в зависимости от выполнения плана.— *Примеч. автора.*

оплаты труда рабочих, непосредственно занятых в процессе производства. Для каждой категории был свой «тариф», иными словами, зарплата, получаемая при стопроцентном выполнении плана. Тарифы рабочих-прокатчиков в зависимости от их категории за восьмичасовой рабочий день составляли в рублях:

Категория	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я
Рубли	9,0	9,93	11,20	13,25	15,88	19,94	23,94

Эти цифры представляют собой ежедневную заработную плату рабочего, чья смена выполнила план ровно на сто процентов. План утверждался плановым отделом Магнитогорского комбината на основании проектной мощности, директив Комиссариата тяжелой промышленности в Москве и конкретных условий (например, отсутствие или нехватка материалов и т. д.). Таким образом, если план для данной смены составлял, скажем, 100 тонн металла, то рабочий-прокатчик восьмого разряда получил бы 23 рубля 94 копейки, или приблизительно 24 рубля за 100 тонн. Если бы эта смена дала только 50 тонн проката, то тогда этот рабочий получил бы лишь 12 рублей. А если эта смена дала бы более 100 тонн проката, то прогрессивное увеличение зарплаты было бы уже ощутимым. При выполнении плана до 120 процентов рабочие получали полторы цены за каждую тонну. За каждую тонну при выполнении плана от 120 до 130 процентов они получали двойную цену, а при выполнении плана более чем на 130 процентов — тройную цену. Таким образом, если в его смену было бы выработано 140 тонн, то рабочий-прокатчик восьмого разряда получил бы двадцать три рубля 94 копейки за 100 тонн плюс тройную цену за каждую тонну свыше этого количества, или 72 копейки за каждую из 40 тонн, выработанных сверх плана, то есть около 55 рублей за этот день.

Встает вопрос: «А было ли выгодно государству платить так много за продукцию, выпущенную сверх плана?» Ответ, несомненно, будет: «Да» *. Постоянные издержки были настолько выше, чем заработная плата

* См. Приложение (19).— *Примеч. автора.*

(как одни из элементов себестоимости), что выплачиваемая реальная заработная плата легко покрывалась увеличением производства продукции, достигаемым при тех же самых постоянных издержках. Несомненно, государству было бы еще более выгодно достичь увеличения выпуска продукции, не повышая заработную плату. И действительно, в 1937 и 1938 годах были приняты постановления, уменьшавшие прогрессивную оплату труда.

Когда прокатный стан не работал по какой-либо причине, не зависящей от рабочих, они получали две трети своих тарифных ставок, а счет теоретически должен был оплачиваться организацией, несущей ответственность за простой прокатного стана. Таким образом, если прокатный стан-500 остановился бы из-за нехватки коксового газа, то теоретически зарплату простаивавшим рабочим платил бы цех коксования из своего фонда зарплаты. Однако на самом деле не происходило никаких межцеховых финансовых операций, так как виновник простоя отказывался платить.

С другой стороны, если стан-500 закрывался из-за какой-либо неполадки, происшедшей по небрежности кого-либо из работающих здесь, то они за время простоя не получали бы ничего.

Сверхурочная работа была вообще запрещена. В экстренных случаях разрешали работать сверх положенного времени и платили за такую работу в полуторном размере, а за работу во время праздников — в двойном. За ночную работу доплачивали одну четверть. Работа между 11 часами вечера и 7 часами утра считалась, по определению, ночной работой.

Секретарь профкома был фигурой довольно-таки незначительной. Хотя фактически все работавшие на прокатном стане являлись членами профсоюза, его деятельность ограничивалась учебной и «культурной» работой. У руководителя профсоюзной организации стана-500 всегда было в распоряжении пять постоянных мест в городском театре и пять таких же мест в цирке. В его ведении находился также определенный денежный фонд, размер которого зависел от выполнения плана: средства из этого фонда шли на удовлетворение культурных запросов рабочих стана, на отделку комнаты, отведенной под клуб, на подписку газет и т. п.

Время от времени профсоюз выполнял функции настоящего дисциплинарного органа — он проводил «то-

варищеские суды». Например, если рабочий по своей небрежности испортил какое-либо оборудование, регулярно опаздывал на работу, пил во время работы или как-то еще оказывал дезорганизующее влияние, то могло произойти следующее. Если вопрос был потенциально или действительно настолько серьезен, что мог иметь политическое значение, то им занимались органы тайной полиции независимо от любой организации прокатного стана. Если же тайная полиция не интересовалась этим вопросом (как это обычно бывало в 1935 и 1936 годах), то рабочий обычно представал перед судом своих товарищей, которые выбирали одного человека судьей, а двух других — прокурором и адвокатом. Решения этих «товарищеских судов» не имели формальной юридической силы. Самыми суровыми приговорами, выносимыми этим судом, были штраф в размере пятидесяти рублей, который передавался виновным в культурный фонд, или же ходатайство перед администрацией об увольнении подсудимого. Однако пропагандистское значение было очень велико. Зачастую после такого товарищеского суда горький пьяница, чье поведение дезорганизовывало работу прокатного стана, менял свое поведение в гораздо большей степени, чем если бы он занимался в качестве наказания тяжелым физическим трудом в течение десяти дней.

Партячейка прокатного стана-500 состояла из пятидесяти шести членов и кандидатов в члены партии, а также двадцати одного сочувствующего. (Прежде чем стать полноправным членом партии, необходимо было пройти предварительные ступени «сочувствующего» и «кандидата».) Вайссберг, два его заместителя, трое из четырех инженеров смен, четыре мастера и старший мастер — все были членами партии. Члены партии имели некоторые привилегии: им было легче получить стипендии на время обучения, новые квартиры или отпуск в августе, а не в ноябре.

Но, с другой стороны, они несли гораздо большую ответственность. Если что-нибудь случалось, работа шла плохо по вине бригады, то рабочие — члены партии — несли такую же или даже большую ответственность за это, чем беспартийный бригадир. Если появлялись вакантные административные должности, на них обычно выдвигали членов партии, нежели беспартийных работников с такими же способностями.

Митя как партийный руководитель, возможно, более, чем кто-либо другой, отвечал за успешную работу прокатного стана-500. Он прекрасно умел говорить и знал, что сказать рабочим, чтобы им стало стыдно за плохо сделанную работу; объясняя рабочим, для чего они работают, он мог добиться того, чтобы они трудились лучше. В нем горело такое пылкое желание строить социализм, что это производило сильное впечатление на каждого, кто с ним встречался.

Административные и технические вопросы обсуждались на регулярно проводимых закрытых партийных собраниях, и поскольку большинство руководящих работников администрации были членами партии, то на этих собраниях могли приниматься и принимались важные решения.

Повышение «бдительности» было одной из главных задач партии. Все члены партии должны были внимательно следить за тем, чтобы не пропустить проявлений саботажа, шпионской деятельности, враждебной классовой пропаганды, контрреволюционной деятельности и т. п. Это приводило к довольно нездоровому интересу членов партии к делам других людей, постоянному «сплетничанью» и соответственно подозрительности и недоверию, особенно распространенным среди работников администрации.

Партия стремилась окружить себя людьми, которых называли «беспартийными большевиками», выполнявшими все решения партии и довольно много занимавшимися партийной работой, хотя у них и не было партбилетов.

Теоретически комсомол должен был помогать партии в ее работе. Однако эта организация, как и в самом начале своего существования, была весьма несовершенна. Частично это объяснялось тем, что практически все рабочие комсомольского возраста (от шестнадцати до двадцати шести лет) посещали одно из учебных заведений, а это обычно занимало почти все их свободное время. Другая причина заключалась в том, что аппарат комсомола с момента своего образования состоял из некомпетентных, честолюбивых и политически безответственных людей. Около полудюжины секретарей городского комитета комсомола бесславно исчезли один за другим; одного из них арестовали за растрату фондов, другого публично осудили за пьянство и распущенность,

а нескольких обвинили в политическом двурушничестве и лицемерии.

Среди работающих на прокатном стане-500 комсомол, как организация в целом, пользовался крайне небольшим влиянием, хотя многие комсомольцы были прекрасными работниками.

До октября 1935 года производство на прокатном стане-500 было убыточным, и стан функционировал за счет правительственных дотаций, как и многие другие новые промышленные комплексы. Однако в течение первой половины года, по мере того как выпуск продукции увеличивался, убытки уменьшились *.

В этот период снизились издержки производства. В начале года они составляли 250 рублей за одну тонну, а в октябре — 130 рублей 44 копейки.

Увеличилась производительность труда, поднялась зарплата и снизилась стоимость готовой продукции. В результате этого в октябре 1935 года прокатный стан имел прибыль, составляющую 960 тысяч рублей. Эти деньги, конечно, принадлежали государству, однако десять процентов от этой суммы были переданы в распоряжение Вайссберга для выплаты премий рабочим прокатного стана.

Глава IV

Когда стало ясно, что мой рассказ о прокатном стане-500 не будет опубликован, я оставил мысль зарабатывать себе на жизнь писательским трудом и снова начал искать более прозаическое занятие.

Я случайно встретил в трамвае Сёмичкина, моего прежнего начальника, и он предложил мне пойти работать на химический завод. Вскоре должен был открыться новый бензольный цех, и он пытался подыскать на комбинате сорок или пятьдесят человек, подходящих для работы там, так как администрация не хотела выделить ему деньги для того, чтобы привезти квалифицированных рабочих с Украины.

Обдумав его предложение, я согласился на эту работу и в течение двух последующих лет проработал оператором бензольных дистилляторов в густом дыму коксохи-

* См. Приложение (20).— *Примеч. автора.*

мического завода. Сёмичкин, назначенный начальником производства этого завода, был моим непосредственным руководителем, и это было очень хорошо: он дал мне техническую литературу по побочным продуктам коксохимического производства и помог мне освоиться на новом месте работы. Сёмичкин подчинялся старому Тищенко и Шевченко. В предыдущем году они перешли со строительства на производство, так как строительные работы сворачивались и бюджеты на строительство были урезаны.

Коксохимический завод в Магнитогорске был построен в основном по техническому проекту, выполненному «Копперс и Компания», но, к сожалению, туда вкрались и элементы проекта «МакКи»; на него также оказали влияние и несколько советских проектных организаций. Бензольный цех был полностью реконструирован, когда выяснилось, что деготь, получаемый в конденсаторном цехе, не дает масляных фракций, необходимых для абсорбции бензола из коксового газа, и для этой цели надо будет доставлять газовый конденсат с Кавказа. Газовый конденсат легче воды, а каменноугольное масло — тяжелее, поэтому всю установку, рассчитанную по проекту на использование каменноугольного масла, пришлось перестраивать.

В последние годы первой пятилетки упор делался в основном на производство чугуна и стали. Кокс необходим для плавки железной руды; таким образом, были форсированы работы по строительству коксовых печей. Сооружение менее важных химических заводов двигалось медленнее. В результате сложилась такая ситуация, что, в то время как все четыре батареи коксовальных печей в Магнитогорске начали работать к началу 1934 года, строительство нескольких химических цехов еще не было завершено. В течение двух лет, с 1934 по 1936 год, ценные химические продукты на сумму около двадцати пяти миллионов золотых долларов ежегодно вылетали в трубу. Между прочим, эта задержка с вводом в строй химических заводов стала одним из основных обвинений, выдвинутых против Ратайчака и других руководящих работников химической промышленности Советского Союза на процессе Зиновьева в 1937 году. Я могу засвидетельствовать, что такая задержка, несомненно, имела место, но мне представляется сомнительным утверждение, что она была исключительно результатом сознательного саботажа.

Несмотря на задержки и трудности, к 1935 году Магнитогорский коксохимический завод достиг больших размеров и хорошо функционировал. Работали четыре батареи коксовальных печей, каждая состояла из шестидесяти девяти печей мощностью по четырнадцать тонн

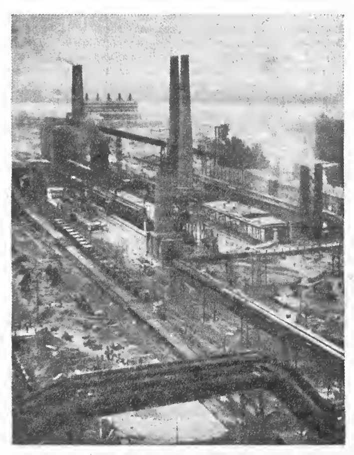

Рис. 13. Коксохимический завод, где Джон Скотт работал оператором (фото 1934 г.)

загрузки на одну печь и временем коксования от двенадцати до тринадцати часов. Механическое и электрическое оборудование печей было в основном закуплено

за границей и работало очень хорошо, главным образом благодаря неустанным заботам главного механика, некоего Фарберова, молодого советского инженера, пришедшего работать на завод в 1932 году и в течение пяти лет упорно трудившегося для того, чтобы механическое оборудование завода функционировало.

Восемьдесят пять процентов потребляемого угля привозили из Кузнецка, находившегося в Центральной Сибири, на расстоянии в тысячу пятьсот миль от Магнитогорска, а остальной уголь доставляли из Караганды, расположенной в шестистах милях отсюда, в Казахстане, и из местных Челябинских месторождений.

Химический завод состоял из следующих цехов: построенного по дешевому проекту, но довольно хорошо работавшего конденсаторного цеха с четырьмя немецкими газососами мощностью около шестидесяти миллионов кубических футов газа в день; сульфатного цеха с тремя сатураторами, производившего до шестидесяти тонн сульфата аммония в день и пущенного в строй в 1935 году; хорошо оборудованного бензольного цеха с четырьмя дистилляторами мощностью шестьдесят тонн в день, который начал работать в январе 1936 года. Все насосы и большинство установок бензольного цеха были закуплены за границей.

На некотором расстоянии от этой части коксохимического завода находились участки дистилляции дегтя и ректификации бензола, пущенные в строй соответственно в 1934 и 1936 годах. Оба они были хорошо оборудованы, и когда работали надлежащим образом, то там производили бензол, толуол, нафталин и другую ценную продукцию. Они были достаточно прибыльны, чтобы покрыть дефицит, периодически возникавший при работе коксовальных печей; эта прибыль выражалась довольно внушительной цифрой в гроссбухе коксохимического завода и даже частично компенсировала огромные убытки мартеновского цеха.

Производство кокса в период с 1931 по 1936 год постоянно увеличивалось и в 1936 году достигло 1977 тысяч тонн *. Затраты на производство одной тонны кокса в 1936 году составляли 37 рублей 10 копеек. Однако государство оплачивало половину стоимости транспортировки угля, а это была одна из больших статей

* См. Приложение (21).— *Примеч. автора.*

издержек производства. Эти меры были предприняты для того, чтобы Магнитогорск мог конкурировать по сумме издержек производства с южными предприятиями, где источники сырья находились, фигурально выражаясь, в их собственном дворе.

На коксохимическом заводе работало около двух тысяч человек. Приблизительно десять процентов из них составлял так называемый штат инженерно-технических сотрудников, куда входили мастера, начальники производства, плановики и т. д. Заработная плата на коксохимическом заводе была высокой, так как в 1935 и 1936 годах план здесь выполнялся лучше, чем где бы то ни было, рабочие перевыполняли нормы выработки — соответственно и зарплата была хорошей. Градация заработной платы и система выплаты прогрессивных премий были похожи на те, которые существовали на прокатном стане-500, описанном выше.

Первые несколько недель я волновался, что может возникнуть пожар и произойти взрыв. Я привык работать там, где запрещалось курить, но носить специальную обувь на резиновой подошве, пользоваться медными молотками, чтобы не высекать искры, от которых могли бы воспламениться пары бензола, было совершенно иным делом. Постепенно я к этому привык и сосредоточил все свое внимание на оборудовании, стараясь до последней капли выжать бензол из коксового газа. Не прошло и года с начала работы цеха, а мы уже производили до ста тонн неочищенного бензола в день, что почти в два раза превышало проектную мощность агрегата.

Потом мы закрылись на несколько месяцев: железная дорога не присылала достаточно вагонов-цистерн, чтобы забрать нашу готовую продукцию, включая толуол и авиабензол. Все имевшиеся в наличии контейнеры были заполнены. Мы перестали производить бензол, потому что его негде было держать.

В сентябре я поступил в институт и начал четырехлетний курс обучения на инженера-металлурга. Самая большая трудность, связанная с учебой, заключалась в том, что на предприятии у меня был скользящий график работы, а это означало, что я буду пропускать четверть или треть всех лекций.

Глава V

Однажды вечером зимой 1936 года мой помощник не вышел на работу. Я позвонил Сёмичкину.

— Ах, да,— сказал он,— отдел труда решил, что оператору придется работать без помощников. Шевченко одобрил это решение. Ничего не могу сделать. Постарайся как-нибудь обойтись.

Он остался глух к моим протестам.

Приблизительно неделю спустя, в конце своего рабочего дня, я передал участок по смене старейшему оператору по фамилии Курец и пошел в институт. Курец сказал мне, что он собирается попробовать наладить насос в складском помещении. Так он и сделал, и где-то около восьми часов вечера, надышавшись паров, потерял сознание. Поскольку не было никого, кто мог бы ему помочь или позвать на помощь, то он пролежал там два часа и к тому времени, как его нашел мастер, уже был мертв. После того, как состоялся суд над мастером, которому предъявили обвинение в преступной халатности и осудили на два года, отдел труда вернул помощников операторов на их прежние места, опасаясь, что прокурор доберется и до отдела труда.

Можно было бы привести много подобных примеров рационализации и интенсификации труда ценой человеческих жизней, однако упразднили и те рабочие единицы, которые действительно были не нужны, в результате чего производительность труда возросла.

Одной из самых больших проблем, доставлявших нам много хлопот, была быстрая загрузка и разгрузка железнодорожных цистерн. Быстрота в работе была необходима потому, что железная дорога налагала огромные штрафы за задержку подвижного состава. В целом сумма штрафов, выплаченная Магнитогорском в 1937 году железным дорогам, составила 1,7 миллиона рублей. Эта система штрафов была введена для того, чтобы избежать простоев подвижного состава, однако она превратилась в одну из самых больших статей финансовых доходов железных дорог. Некоторое время ректификационный завод бездействовал: негде было хранить готовую продукцию, так как железная дорога не могла подавать цистерны даже для того, чтобы забирать продукцию текущего производства, и все было заполнено до последнего дюйма. В конце концов железная до-

рога прислала сразу же пятьдесят цистерн. Лимит времени для загрузки этих вагонов составлял три часа. По закону задержка подвижного железнодорожного состава для загрузки или разгрузки свыше этого положенного времени влекла за собой штраф в размере десяти рублей за первый час задержки (от одного до десяти рублей в зависимости от типа цистерны), двадцати — за второй час, тридцати — за третий час задержки и т. д. За три часа успели загрузить только три из пятидесяти цистерн, поскольку цех был оборудован таким образом, что можно было загружать вагоны только по одному. Прошло полтора дня, прежде чем была загружена и отправлена последняя из этих пятидесяти цистерн. Наложенный за задержку подвижного состава штраф в данном случае почти равнялся месячному фонду заработной платы. Таким образом, эта система штрафов заставляла людей работать так, чтобы не задерживать без надобности подвижной состав. Однажды вечером я из-за этого сильно обморозил руку, пытаясь помочь оператору сульфатного цеха разгрузить десять цистерн серной кислоты за три часа.

Коксохимический завод тратил значительные суммы денег на «культурные» постройки и мероприятия. Был сооружен громадный банный комплекс с раздевалкой и рестораном для рабочих. Комплекс был хорошо оборудован, и рабочие имели возможность возвращаться домой чистыми, избегая той постоянной грязи, к которой привыкли шахтеры и рабочие-коксовики в Англии, Германии и даже в Соединенных Штатах. Было построено и здание клуба, где размещались хорошая библиотека, бильярдная, комната для занятий музыкой, детская комната и многое другое. Деньги на все это были отпущены из фонда, имеющегося в распоряжении каждого, дающего прибыль, завода в Советском Союзе, для повышения культурного уровня жизни рабочих данного предприятия.

Много говорилось, но, к сожалению, не очень много делалось для того, чтобы оздоровить условия труда на коксохимическом заводе. Часто отказывали вентиляционные системы, и санитарные инспектора были бессильны заставить администрацию (у которой были другие, более неотложные дела и обязанности) принять эффективные меры. Происходило много несчастных случаев, однако их число с годами уменьшалось. Начиная

с 1936 года любой несчастный случай на производстве со смертельным исходом становился предметом судебного разбирательства. Зачастую к суду привлекали не истинных виновников происшедшего, но в России это не имело большого значения. Главное, что и технический персонал, и рабочие научились по-настоящему ценить как свою собственную жизнь, так и жизнь других людей, а это было чрезвычайно важно в стране, где тирания, война, голод и раздоры сделали человеческую жизнь очень дешевой.

Глава VI

Директор коксохимического завода Шевченко — тот самый, который был заместителем начальника строительства в 1933 году — с тех пор успел получить орден Ленина. Он стал членом районного и областного комитетов партии, поселился в отдельном доме из восьми комнат и регулярно зарабатывал несколько тысяч рублей в месяц. Шевченко много работал и нещадно гонял своих подчиненных. В целом все руководимые им подразделения работали хорошо. Но сам он так и остался грубым, невоспитанным человеком и непорядочным карьеристом. Иногда в мелочах он выдавал себя. Например, 1 мая 1936 года коксохимический завод получил пятьдесят патефонов, которые должны были быть вручены лучшим рабочим в качестве премий к празднику Первого мая. Шевченко забрал себе десять патефонов и продал их, положив деньги себе в карман. И он сделал это не потому, что ему нужны были деньги. Все, что он только мог пожелать, у него уже было. Просто таким уж он был человеком.

Главный инженер завода, руководимого Шевченко,— старый специалист-заключенный по фамилии Тищенко — все еще работал без всякого энтузиазма и все с большим и большим презрением относился к Шевченко, хотя и побаивался его. Тищенко терял авторитет отчасти из-за собственной безынициативности и неспособности отстаивать свою точку зрения по разным техническим вопросам и добиваться того, чтобы с ним считались, а отчасти из-за того, что Шевченко не вполне доверял «бывшему вредителю». Рабочие и мастера не прислушивались к его мнению, зная, что он не имеет реальной власти.

Он пожимал плечами и предоставлял всему идти своим чередом. Его домашняя жизнь была уютно монотонна.

За три года Сёмичкин сильно изменился. Во всем, что касалось техники, он приобрел опыт и уверенность в себе, много и упорно работал. Ему не надо было, как Тищенко, преодолевать «буржуазное» прошлое; в то же время у него было то, чего не хватало Шевченко,— техническое образование. Сёмичкин вел гораздо более простую жизнь, чем любой из его начальников. Он жил в трехкомнатной квартире, ездил на работу на трамвае, и ему приходилось стоять в очереди, чтобы купить ботинки.

Почти все управляющие и инженеры на коксовальных печах, где работа была скорее административная, нежели техническая, были молодыми людьми, которых сюда поставил Шевченко, потому что он знал их лично и мог им доверять. Шевченко безо всякого труда находил таких людей.

В 1936 году много говорили о стахановском движении — и не только в Советском Союзе, но и в других странах. Оно представляло собой интересный и важный этап развития советской экономики.

Глава VII

Стахановское движение приобрело большое значение после того, как Сталин выступил с речью на первой конференции стахановцев и подчеркнул, что улучшение условий жизни и повышение технического мастерства работников промышленности создали базу для значительного увеличения производительности труда, что и должно быть осуществлено безотлагательно.

Стахановское движение пришло в Магнитогорск осенью 1935 года и сразу же стало темой различных собраний, пресс-конференций, административных указаний и приказов, предметом бесконечных обсуждений как в общественных местах, так и в личных беседах. Усилилось соревнование между бригадами и цехами. Бригадам, работавшим лучше всех, вручались знамена, а также денежные вознаграждения. Все «рыскали» по своим цехам в поисках «новых скрытых резервов повышения производительности труда». Увеличилась зарплата. Повысилась производительность труда. Магнитогорск оживился — это было время всеобщего бума.

Стахановское движение в Магнитогорске дало весьма ощутимые результаты в течение второй половины 1935 года, что продолжалось чуть ли не до конца следующего, 1936-го *. Коэффициент использования доменных печей, определяемый как отношение объема доменной печи к дневной выработке, улучшился с 1,13 до 1,03; производство стали на 1 квадратный метр мартена возросло в среднем на 10,5 процента, то есть с 4,2 тонны до 4,65 тонны. На прокатных станах производительность труда выросла, а издержки производства сократились.

В результате улучшения работы Магнитогорский комбинат за последнюю четверть 1936 года дал прибыли на 13,8 миллиона рублей. Еще до этого, в октябре 1935 года, комбинат дал прибыль на сумму в несколько тысяч рублей, и Завенягин, сделав чисто донкихотский жест, выразил свою уверенность в том, что он способен просуществовать без государственных дотаций, которые немедленно прекратились, а в результате этого финансовые дела комбината сильно страдали всю первую половину 1936 года. Самым ответственным участком был мартеновский цех, по словам Завенягина, «ежемесячно съедавший миллионы». Только в феврале месяце комбинат имел дефицит в 4 миллиона рублей. Завенягин был вынужден покрыть этот дефицит, взяв деньги из средств, отпущенных на строительство города. Но в общем и целом в 1936 году — году стахановского движения — были достигнуты огромные успехи. Номинальная прибыль за год составила 112 миллионов рублей. (Трудно до конца поверить в эти цифры, так как для различных целей существовали многочисленные системы бухгалтерского учета, но именно эта цифра появилась на страницах газеты «Магнитогорский рабочий» 24 декабря 1936 года.)

Однако в это же время возникали и негативные процессы. Во-первых, осенью 1936 года, после кампании в печати и речи самого Сталина, были повышены нормы. Это вызвало беспокойство у многих рабочих, так как до этого они думали, что увеличение производительности труда выразится в непосредственном увеличении заработной платы и что нормы никогда не будут изменены.

Помимо этого, в техническом отношении было сделано многое такое, что не предвещало ничего хоро-

* См. Приложение (22).— *Примеч. автора.*

шего в будущем. Оборудованне работало иа пределе, а текущнм ремоитом пренебрегали. Напрнмер, загрузка магинтогорскнх мартеновских печей была доведена до 240 тони стали при проектной мощности — 150 тони. С этой целью была осуществлеиа определениая реконструкцня самнх мартеиов, и возииклн нескоичаемые трудностн с ковшами и ковшовыми кранами. Сочлн необходнмым пронзводнть разлнвку металла сразу в два ковша одиовремеиио, нспользуя Y-образный желоб. Одии из рукавов этого желоба все время забнвался и сталь много раз расплескивалась по всему цеху.

Транспортиое оборудованне, как подвнжиой состав, так н рельсовые пути, также работало иа пределе своих возможиостей. Это было заметио не только по магнитогорскому виутреииему транспорту; та же теиденцня иаблюдалась в снстеме траиспорта Советского Союза вообще, где ежедневиые погрузки иа железных дорогах возрослн до 100 тысяч во время стахаиовского бума прн иаркоме Кагаиовиче, а позже сиизилнсь до 75 тысяч н оставалнсь иа том же уровие в яиваре 1939 года. (После 1939 года ие было опублнковано иикаких цифровых данных.) Всем прокатиым стаиам былн даиы очеиь иапряжеиные планы, была синжена иорма времеии иа ремонтные работы н оборудоваиие соответствеиио пострадало.

В марте 1936 года в Москве состоялась коифереиция ответствеиных и руководящнх работинков металлургнческой промышлеииости, на которой были пересмотреиы проектиые мощности разлнчных комплексов в свете достижеиий стахановского двнжеиия. На осиове этих новых проектных мощиостей были разработаиы новые нормы н планы для всех подразделеинй каждого комбината в Союзе, включая, коиечио, н Магинтогорск *.

Глава VIII

На коксохимическом заводе стахаиовское движеиие виесло раднкальные измеиеиия в иекоторые техннческие процессы и во многнх случаях, иесомиеино, способствовало поднятию экоиомической эффективиостн производства. Как рабочне, так и техннческие специалисты предла-

* См. Приложение (23).— *Примеч. автора.*

гали различные улучшеиия, которые часто виедряли в производство, что способствовало увеличеиию выпуска продукцин. Во всех мастерских и цехах регулярио проводнлнсь пронзводственные собраиия. Здесь рабочие могли высказываться и действнтельио высказывались макснмально свободно — кртнковалн днректора, жаловались по поводу зарплаты, плохих условнй жнзии, отсутствня товаров в магазине — короче говоря, оин моглн ругать все, что угодно, за нсключеиием геиеральной лнннн партни и полдюжины его священиых и неприкосновениых руководнтелей. На этнх собраниях обсуждали план, определялн победителей стахаиовского движения за прошедшнй месяц и решали производствеиные вопросы, касавшнеся иепосредственно данной мастерской илн дaииого цеха.

Техннческне последствия стахаиовского двнження иногда былн очень запутаииыми, и польза для общего дела была весьма сомнительна. Например, благодаря стахаиовскому движению коксовальные печи пронзводилн процентов на двадцать больше газа, чем это было запроектировано. Перед стахановцами цеха коидеисации была поставлеиа задача — перекачивать весь газ в хнмический цех таким образом, чтобы ие пропало ии едииого кубического метра. Газопроводы были достаточио большого днаметра, чтобы прннять иа себя дополиительиую нагрузку, одиако газовытяжиые вентиляторы, к сожаленню, были лишь агрегатамн, и к иим было трудно применить методы стахановского двнження. Асннхронные двигатели, приводившие в движеине веитиляторы, делалн три тысячн оборотов в мииуту прн рабочей частоте 50 герц. Стахаиовцы, механик и мастер не могли ничего сделать, чтобы увеличить частоту вращеиия. Тогда было прннято альтериативное решенне: давать бóльшую нагрузку иа газовытяжиые веитиляторы при прежней скоростн вращення. Это было сделано, ио тем самым были иарушеиы элемеитариые техиические правила. Эти асиихроиные двнгателн иемецкого пронзводства были сконструироваиы и сделаиы такнм образом, что их предельный ток нагрузки ие должеи был превышать девяиосто ампер. Однако при той иагрузке, которая была иавязаиа им стахановскнм движеинем, оии часто работали прн силе электрического тока более ста ампер. На каждом двнгателе было ясио иапнсано и по-иемецкн, и по-русски, что если иагрузка превыснт девяиосто ампер,

то двигатель надо выключать. Это указание проигнорировали, и задачей помощника механика стало удерживать автоматический выключатель палкой от щетки, чтобы не дать ему отключиться, когда нагрузка становилась слишком большой. Такая практика тянулась годами. В результате двигатель перегорал чуть ли не каждые две недели или около того. Никто никогда не подсчитывал, во что обходился его ремонт.

Результаты стахановского движения были особенно ощутимы в финансовом отделе. Зарплата стахановцев сильно повысилась. Зачастую доходы, увеличившиеся в результате возросшей производительности труда, все же не соответствовали увеличившимся зарплатам. В итоге — дефицит в бухгалтерских книгах.

Стахановское движение дало поразительные результаты на шахте, где добывали железную руду. В 1937 году было добыто 6,5 миллиона тонн руды. В том же году в Германии добыто 4,7 миллиона тонн, в Англии — 4,2 миллиона тонн, а в Швеции — 8,5 миллиона тонн. Производительность труда возросла с 2017 тонн в год на одного среднего рабочего в 1935 году до 3361 тонны в год на одного среднего рабочего в 1937 году. Это увеличение производительности было лучшим показателем экономической эффективности.

В 1937 году подготовленная руда для доменных печей стоила три рубля пятьдесят копеек за одну тонну, что делало ее самой дешевой рудой в Советском Союзе и, даже основываясь на соотношении рубля к доллару по официальному курсу, такой же дешевой, как и руда из лучших шахт в Соединенных Штатах.

Эта шахта по добыче руды ежегодно, начиная с 1935 года, давала значительную прибыль. Экскаваторы добывали бóльшее количество руды. В 1932 году при трехсменной работе средний экскаватор добывал 446 тысяч тонн руды, в 1934 году — 1,111 миллиона тонн, в 1937 году, работая только в две смены ежедневно,— немногим менее 2 миллионов тонн.

Продуктивность работы электровозов также увеличилась. В 1934 году электровоз перевозил 34 тысячи тонн руды в месяц, а в 1937 — 57 тысяч тонн.

Качество добываемой руды было прекрасным. Среднее содержание железа в руде в 1937 году составляло 60,1 процента.

Глава 12

В самый разгар стахановского движения я столкнулся с интересным поворотом событий в мартеновском цехе.

Муж Машиной сестры Макс был заместителем начальника цеха, и от него я узнал о некоторых подробностях борьбы за сталь.

Мартеновский цех был самым большим обособленным цехом на всем предприятии и, возможно, самым сложным, поэтому было очень трудно налаживать здесь производство. Установленное здесь оборудование было самым лучшим, какое только можно купить, для выпуска высококачественной продукции с низкой себестоимостью. Однако мартеновский цех работал очень плохо, и дефицит здесь исчислялся миллионами рублей в год, а иногда и в месяц. Более того, работа в мартеновском цехе стала причиной того, что многие подающие надежды, перспективные молодые инженеры и техники оказались кто в больницах, кто в санаториях, а кто и в тюрьме.

Все мартеновские цеха и сталелитейные заводы по всему Советскому Союзу имели результаты лучше, чем в Магнитогорске. Три года Завенягин нянчился с отстающим цехом, менял штат работников, раздавал автомобили и мотоциклы лучшим сталеварам, а самых плохих отдавал под суд за преступную халатность; но когда он в 1937 году ушел, дела у мартеновского цеха все еще шли очень плохо, и это было, по мнению многих людей, самой крупной неудачей Завенягина.

Причина в общем-то крылась в плохой организации работы в цехе. Мартеновский процесс очень сложен. Расплавленный чугун помещали в плоский резервуар и обрабатывали его сверху горящим газом, в результате чего выгорал избыток углерода. Другие необходимые вещества, например такие, как марганцевая руда или доломит, подбрасывались внутрь через маленькие окошки. Этот процесс продолжался от восьми до двадцати часов, и за это время чугун превращался в сталь. Для нормальной работы цеха двенадцать мартеновских печей должны были быть обеспечены коксом и доменным газом, чугуном в чушках, как холодного, так и горячего дутья, железной рудой, марганцевой рудой, доломитом, мелом, известняком, изложницами — все должно нахо-

диться на положенном месте в положенное время. Помимо этого, лабораторня была обязана быстро и точно делать аналнзы стали по мере ее изготовления, и примерно двадцать пять — тридцать различных кранов должны былн работать постоянно и без сбоев, передвигаться от одной мартеновской печи к другой, и все время находиться наготове.

Но такой четкий графнк работы ннкогда так н не был организован. Какой-нибудь из материалов всегда отсутствовал, один из кранов постоянно ломался, лаборатория выдавала неправильный анализ, илн же людн просто что-то путали и делали ошнбки.

Штат работников мартеновского цеха был чрезвычайно сильно раздут. В Америке у стапятидесятитонных мартеновских печей работало от сорока пяти до пятидесятн человек. В Магнитогорске для этого требовалось от ста до ста десяти человек. Здесь были рабочие, помощники бригадиров, бригадиры, помощники мастера, мастера, старшие мастера, сменные инженеры, инженеры участков, начальники смен, начальники вспомогательных мастерских, техникн-наблюдатели — и все они путались друг у друга под ногами, причем большинство из них не занималось непосредственно производительным трудом.

У одного человека в мартеновском цехе было достаточно знаний и дальновидности, и он знал, что надо делать. Однако он не обладал сильным характером и талантом администратора, а эти качества необходимы для того, чтобы заявить о своих идеях и сделать так, чтобы они были реализованы. Мой зять Макс, по своему образованию специалист по научной организации труда, имевший некоторый опыт работы в тяжелой промышленности, понимал, что путь к улучшению заключается в комплексной работе двенадцати мартеновских печей и строгом соблюдении графика производственного процесса. Оборудование должно выполнять необходимые операцин на всех мартеновских печах поочередно, вместо того чтобы оно простаивало без работы два часа, а потом требовалось в трех местах одновременно.

Надо правнльно организовать дело, и тогда не будет простоев, которые теперь так пагубно сказываются на производстве, рассуждал Макс. (В 1936 году одну четвертую часть общего времени работы мартеновских печей за год составляли простои.) Макс хорошо пла-

нировал свою работу. Изучив мартеновский процесс, он пошел к Завенягину, горячо одобрившему его план, а затем вернулся обратно в цех, став с благословения Завенягина заместителем начальника цеха и тем самым вызвав неприязнь некоторых старых работников-сталеваров, считавших, что этот выскочка-специалист по научной организации труда сам не знает, что говорит. Два месяца шли приготовления: лекции для рабочих, большие круговые шкалы-циферблаты с разметками, показывавшими, какая стадия производственного процесса каждой мартеновской печи должна совершаться в данное время. Макс ел и спал на комбинате, не приходил домой несколько дней кряду. Снова и снова он был вынужден идти к Завенягину, чтобы получить полномочия и выступить против старого руководства цеха, считавшего, что старые методы работы лучше и что мартен не может работать по графику. Наступил день эксперимента; производительность выросла на два-три дня, а затем снова упала — и стала ниже предыдущего уровня. График работ совершенно открыто саботировали руководящие работники цеха, а рядовые рабочие воспринимали его либо равнодушно, либо с молчаливым неодобрением, предпочитая работать, как им хотелось или же когда они будут готовы, а не в какое-то специально указанное время. Несколько месяцев Макс боролся за свой график, много раз дело доходило чуть ли не до драки. В конце концов Завенягину пришлось выбирать: либо Макс, либо старое руководство. Поскольку Завенягин все же меньше верил в более молодого и менее опытного инженера, он снял Макса с должности заместителя начальника цеха, и попытки работать по графику были прекращены. Впоследствии с Максом поступили по старому доброму русскому обычаю, то есть с позором уволили с завода, списав на него все недостатки и неудачи последних месяцев для того, чтобы поднять авторитет администрации и веру в нее рабочих. Мартеновский цех вошел в свою обычную колею хаотичной работы: в 1937 году отходы производства составили 12,7 процента, то есть один миллион рублей, а общий дефицит мартеновского цеха за первый квартал 1937 года — три миллиона рублей.

Приблизительно в это же время один из известных корреспондентов газеты «Магнитогорский рабочий» написал статью, занимавшую целую страницу и озаглав-

лению «Печальная история плавки № 1372». Эта плавка началась на письменном столе начальника мартеновского цеха, который, изучив заказы на сталь, подписал распоряжение: «Плавка № 1372, сталь для ведущего моста тракторов». Распоряжение отнесли к диспетчеру, отдавшему его начальнику смены, который взял его с собой в столовую, пролил на него суп и в конце концов отнес его в таком виде, что можно было разобрать лишь часть написанного, начальнику участка № 1, который после определенной задержки передал его в руки сталевара мартеновской печи № 4, только что пришедшего на работу. Короче говоря, этот сталевар не смог полностью прочесть, что же было написано в этом распоряжении и, чувствуя необходимость попрактиковаться, решил выплавлять быстрорежущую инструментальную сталь. Однако не хватало то одного, то другого, и к тому времени, когда мартен был загружен, было бы уже очень трудно определить, какой сорт стали в нем находился. Лаборатория не смогла провести точный контрольный анализ, и сто восемьдесят тонн неполноценной стали были разлиты по изложницам после бесчисленных мелких проволочек: ждали кран с разливочным ковшом, ждали рабочих, чтобы они убрали шлак, который пролился на рельсы из соседней мартеновской печи, и так далее.

Восемнадцать изложниц зарегистрировали в книге диспетчера и повезли к стриппер-крану. По пути туда три слитка потерялись. По прибытии на место было обнаружено, что два слитка приварились к изложницам и пошли в отходы. Тринадцать оставшихся слитков отправили на блюминги. Здесь два из них в томильном колодце смешались с другими слитками и след их затерялся. Одиннадцать слитков прошли через блюминг, где один из них пошел в отходы. И наконец, пройдя два первых прокатных стана, девять * слитков попали на промежуточные склады. Здесь был проведен анализ и полученные результаты сравнили с первоначальной заявкой-распоряжением на плавку № 1372. Было признано, что эти слитки не соответствуют спецификациям, они были забракованы и пошли в отходы.

Несмотря на эти обескураживающие примеры плохой

* В тексте имеется неточность: должно было остаться не девять, а десять слитков.— *Примеч. переводчика.*

организации и неразумного руководства, магнитогорский мартеновский цех добился реальных успехов. Ежедневно производилось тысячи тонн стали *. Более того, после 1937 года производство стали резко увеличилось и одновременно заметно повысилось качество. Пять лет, с 1937 до 1942 года, Магнитогорск поставлял приблизительно десять миллионов тонн стали для русских машиностроительных заводов и строительных работ. Эта сталь стоила дорого, как в рублях, так и в человеческих жизнях, однако из десяти миллионов тонн стали будет сделано много танков, а их военная эффективность не связана с той ценой, которая была за нее заплачена.

* См. Приложение (24) — *Примеч. автора.*

Часть VII

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АППАРАТ И ЧИСТКИ

Глава I

Октябрьская революция полностью изменила жизнь правящего класса России. Помимо членов аристократических семей и крупных капиталистов, около трех миллионов более мелких предпринимателей, банкиров, инженеров, врачей, офицеров, чиновников почтовых, железнодорожных и других ведомств погибли или эмигрировали. В 1923 году после окончания гражданской войны большевики столкнулись лицом к лицу с задачей реорганизации страны, занимающей одну шестую часть суши, с населением около ста шестидесяти миллионов, полностью неуправляемым, дезорганизованным и измученным длившимися почти десять лет войной, революцией, голодом и гражданской войной. Старых управляющих и административных чиновников больше не существовало. Необразованное, грубое крестьянство, мелкий промышленный пролетариат, партия большевиков, общее число членов которой в период революции составляло около двадцати тысяч человек, и горстка профессиональных революционеров с большим стажем были единственными источниками, из которых можно было пополнить ряды государственных деятелей, послов, финансистов, директоров фабрик и даже начальников станций и специалистов. Большевики вынуждены были решить вопрос о назначении на руководящие посты и должности чуть ли не за одну ночь.

Организационные задачи, которые поставило перед собой и должно было решить новое правительство России — особенно с началом пятилеток,— были неслыханной трудности. Народный комиссариат тяжелой индустрии,

например, координировал работу тысяч шахт, мастерских, цехов, фабрик и заводов, разбросанных по всей территории страны. Этот комиссариат был создан одним росчерком пера и предполагалось, что он начнет незамедлительно работать. У него не было никаких шансов развиваться постепенно на протяжении нескольких десятилетий, как, например, это происходило со сравнительно небольшими компаниями Генри Форда, Эндрю Карнеги и Круппа. Результат оказался именно таким, какого и можно было бы ожидать: огромный энтузиазм, безграничная преданность и тяжелый труд, а также невероятная сумятица, дезорганизованность и тупость. Положение осложнялось еще и тем обстоятельством, что очень многие люди были настроены враждебно по отношению к Советской власти и готовы были саботировать все что угодно, особенно когда чувствовали, что могут сделать это безнаказанно, не подвергаясь никакому риску.

В конце двадцатых годов, как раз в то время, когда все еще только начиналось, Советская власть лишила всех гражданских и имущественных прав или «ликвидировала» более миллиона богатых крестьян-кулаков вместе с членами их семей. Эти кулаки обычно были наиболее умелыми и знающими земледельцами в своей деревне и, следовательно, местными лидерами; в то же время их сыновья и дочери закончили школу и после революции стали банковскими служащими, кассирами, квалифицированными медсестрами и даже инженерами, докторами и административными работниками. Сыновья и дочери кулаков лишались гражданских прав вместе со своими отцами, как только выяснялось, что они выходцы из кулацких семей.

За исключением периодов небольших послаблений в середине двадцатых, а потом в начале тридцатых годов, очень немногим иностранным специалистам было разрешено приезжать в Советский Союз.

Таким образом, большевики были вынуждены налаживать и организовывать промышленное производство, финансы, транспорт и торговлю с помощью неквалифицированных и неопытных управляющих и административных работников.

Этот процесс в миниатюре можно было наблюдать и в Магнитогорске, где за 5 лет было построено и начало работать огромное промышленное предприятие. К 1934

году большинство иностранцев уехало. Завод остался на попечении представителей новой советской интеллигенции, которым помогали специалисты-заключенные. Завенягину, директору комбината, было тридцать четыре года, и до того, как он был назначен на эту должность, у него почти не было опыта работы в промышленности. Под его руководством работал весьма разнородный по своему составу коллектив инженеров, управляющих и чиновников, большинство из которых не годились для этой работы, так как им не хватало опыта, а зачастую и способностей. Завенягин был вынужден держать их потому, что не было никого, кем можно было бы их заменить.

В то время как основная масса рабочих к 1935 году уже довольно хорошо овладела своими специальностями, освоив и электросварку, и монтаж труб, и многое другое, большинство административных работников были далеки от совершенства в своей деятельности. У них не было и четвертой части практического опыта людей, занимающих аналогичные посты в промышленности Америки или Западной Европы. Для того чтобы читатель мог представить себе проблемы местной администрации, я опишу кратко полдюжины должностных лиц Магнитогорска, их работу и образ жизни.

Глава II

Я уже говорил о Шевченко, который в 1936 году возглавлял завод по производству кокса, на котором работали две тысячи рабочих. Это был чрезвычайно энергичный, много работавший, но резкий, грубоватый и вульгарный человек. Когда на заводе что-нибудь происходило, он появлялся, лез в кислоту, огонь и грязь, а если это было необходимо, то делал работу и сам, для того чтобы все было закончено быстро и хорошо. Он не доверял тем, кто его окружал. У него была поговорка, которую он часто в сердцах повторял: «Все люди курвы — кроме тебя и меня. Исходи из этого, и ты не ошибешься». Он относился без всякого уважения, даже презрительно и к инженерам, находившимся у него в подчинении, и к своим коллегам, в то же время он завидовал их знанию техники. С Завенягиным и другими вышестоящими начальниками он был приторным, как патока.

Все же, несмотря на определенные недостатки, Шевченко был неплохим директором завода. Рабочие уважали его, и когда он отдавал приказания, буквально бросались их исполнять. Кроме того, умение быстро принимать решения и уверенность в себе часто приводили к положительным результатам. Например, однажды засорился нафталином отстойник, соединенный с бензольным цехом. Последовавшая за этим остановка производства привела к тому, что завод терпел убытки, составлявшие тысячи рублей ежедневно. Было много предложений по поводу того, что надо делать. Главный инженер Тищенко предложил два или три решения, Сёмичкин, начальник бензольного цеха, внес другие предложения. Около полдюжины инженеров, каждый из которых отстаивал свое мнение, столпились вокруг засоренного резервуара. В это время появился Шевченко и, расталкивая всех на своем пути, пробрался в центр толпы. «Ну и сделайте так!— крикнул он, выхватив первый попавшийся план из рук главного инженера,— мать вашу так, а то вы простоите здесь день, предложите пятьдесят решений, а так ничего и не сделаете!»

Шевченко принял это решение, абсолютно не раздумывая над тем, чем этот план лучше остальных. Он вообще был не способен взвешивать и рассчитывать. Просто ему было необходимо заставить людей прекратить разговоры и начать работу. А это Шевченко прекрасно умел делать.

В июне 1935 года в результате сильного взрыва в механическом цехе химического завода четыре человека погибли, а другие восемнадцать были ранены. Шевченко находился в этом же здании. Каким-то непонятным образом он остался целым и невредимым. Я в это время тоже находился на заводе и убежден, что причиной этого несчастного случая была техническая ошибка, происшедшая в основном по вине Шевченко. Однако он не потерял расположения и доверия начальства и соответственно не понес никакого наказания, а вот Тищенко, который во время взрыва обедал дома, получил два года (дополнительно к тем десяти годам, которые он уже отбывал), а погибшие во время взрыва механик и начальник механического цеха были названы в прессе единственными виновниками этого несчастного случая.

Постепенно этот инцидент забыли, но досье на Шевченко в НКВД становилось все толще и толще, и он знал об этом.

Шевченко был родом из маленькой украинской деревни. В 1920 году белогвардейцы из армии Деникина оккупировали эту территорию и девятнадцатилетний Шевченко стал жандармом. Позже армия Деникина была разбита и отступила к Черному морю, а вся власть в стране перешла к красным. В целях самосохранения Шевченко похоронил свое прошлое, переселился в другой район страны и получил работу на одном из заводов. Он был очень деятельным, энергичным человеком и удивительно быстро из погромщика-жандарма превратился в подающего большие надежды профсоюзного чиновника довольно крупного предприятия. Он придерживался ультрапролетарских взглядов, хорошо работал и не боялся идти напролом и карабкаться вверх по служебной лестнице за счет своих товарищей. Через некоторое время он стал членом партии, а потом поступил в Институт красных директоров, был на профсоюзной работе, и наконец в 1931 году его послали в Магнитогорск в качестве заместителя начальника по строительству.

Однако в 1932 году на него обрушилось несчастье. Загорелось деревянное сооружение, возведенное над коксовыми печами в то время, когда закладывали огнеупорные кирпичи (для того, чтобы сбалансировать температурный режим). Началась паника. Прибежали пожарные и, несмотря на категорические возражения и отчаянное сопротивление находившихся там иностранных специалистов и нескольких советских инженеров, с бестолковым упрямством стали заливать это горящее сооружение водой. Если бы огню дали догореть самому по себе, то потери ограничились бы этим деревянным сооружением и несколькими днями простоя. Тогда сумма убытков составила бы не более нескольких тысяч рублей. А так струей холодной воды, направленной на раскаленные стены, было уничтожено закупленного за границей огнеупорного кирпича на 1 миллион 200 тысяч золотых рублей, и все производство было отброшено назад на несколько месяцев. За этим последовали телеграммы и телефонные звонки в Москву и из Москвы. На следующий день Шевченко как ответственный работник, присутствовавший на месте происшествия, был арестован вместе со своими подчиненными и начальником пожарной охраны.

Но в это время вмешалось провидение в облике ди-

ректора строительства, некоего Марясина, который позвонил в Москву и, использовав свои связи в высоких правительственных кругах, добился того, чтобы всех освободили.

Шевченко повысили, и он получил должность директора коксохимического завода. Это был человек пылкий и непостоянный, хитрый и расчетливый политик. Он был награжден орденом Ленина и избран членом районного комитета партии.

В 1935 году Марясин, в то время уже работавший в другом месте, был арестован как «агент японской разведки» и активный сторонник Троцкого. С этого момента Шевченко одолевали тревога и беспокойство. Он еще больше работал, пил больше, чем следовало, а его выступления на собраниях становились все более страстными.

А потом в Магнитогорск приехал рабочий из какого-то небольшого украинского городка и начал рассказывать истории о том, что делал Шевченко в 1920 году. Шевченко дал этому человеку денег и устроил его на хорошую работу, но тем не менее вся эта история выплыла наружу. Однажды Шевченко вызвали в районный комитет партии и там начали задавать ему разные вопросы. Сокрытие своей контрреволюционной деятельности от партийных органов было очень серьезным преступлением в Советском Союзе, но, принимая во внимание его хорошую работу, райком эту историю замял. Шевченко остался на своей работе и за ним сохранили почетные должности, хотя с этого момента у НКВД было достаточно материала, чтобы посадить его на долгие годы, и он знал, что именно так и случится, если его работа будет сочтена неудовлетворительной или же кто-нибудь из его начальников по личным или по каким-либо другим причинам предъявил бы ему официальное обвинение.

Однажды вечером он устроил прием, по своим масштабам неслыханный для Магнитогорска. Он послал специально агента на юг купить фруктов и шампанского, нанял лучших музыкантов в городе и пригласил все сливки общества из Березок. Даже Завенягин приехал на этот банкет около часа ночи, но отношения между этими людьми складывались таким образом, что ни Шевченко, ни его гости не начинали есть и пить до тех пор, пока не появился их начальник. Завенягин, довольно неодобрительно отнесшийся к подобной оргии, пробыл всего

лишь полчаса и уехал. Всю ночь и даже на следующий день Шевченко и его приятели поглощали остатки приготовленных для этого банкета блюд. Заводским инженерам и администрации было прекрасно известно обо всем, однако рабочие ничего не знали. Для них Шевченко продолжал оставаться «железным, несгибаемым большевиком», непогрешимым «красным директором».

Но в один прекрасный день, приблизительно через год после взрыва в механическом цехе, вместе с полдюжиной своих подчиненных Шевченко сняли с занимаемой им должности. Несколько дней они находились дома в страшном беспокойстве и тревоге, а потом их арестовали. Суд над Шевченко состоялся через пятнадцать месяцев, и он был осужден на десять лет.

Шевченко на пятьдесят процентов был бандит, это был непорядочный и беспринципный карьерист. Его личные цели и идеалы не имели ничего общего с целями основоположников социализма. Однако скорее всего Шевченко не был японским шпионом (как это было сформулировано в его обвинительном заключении) и не замышлял террористических актов против руководителей партии и правительства, а тот взрыв, о котором говорилось раньше, не был заранее подготовлен.

По делу «банды Шевченко» проходило около двадцати человек, все они были осуждены на длительные сроки. Некоторые из них, подобно Шевченко, были карьеристами и мошенниками. Другие действительно были контрреволюционерами, которые проводили запланированные акции, чтобы сделать все возможное для свержения Советской власти, и были не очень разборчивы в выборе людей, с которыми сотрудничали. Вина же всех остальных людей заключалась в том, что они имели несчастье работать под руководством человека, попавшего в немилость НКВД.

Николай Иванович Удкин, один из коллег Шевченко, был старшим сыном в состоятельной украинской семье. Он был убежденным сторонником того взгляда, что Украину завоевали и подавили, а теперь ее эксплуатирует группа большевиков, состоявшая в основном из русских и евреев, которые ведут не только Украину, но и весь Советский Союз в целом к гибели. Более того, он полагал, что капиталистическая система функционирует гораздо лучше, чем социалистическая. Это мнение он высказывал своим самым близким друзьям.

Вот это действительно был человек, представлявший собой по крайней мере потенциальную угрозу Советской власти, который и в самом деле мог бы охотно и добровольно сотрудничать с немцами за «освобождение Украины» в 1941 году. Он также был приговорен к 10 годам тюремного заключения.

Фарберов, главный механик коксохимического завода, также осужденный по делу Шевченко, был рядовым членом партии, преданным делу коммунизма, пунктуальным, очень деловым и практичным, справедливым и порядочным в отношениях со своими подчиненными. Это был человек тихий, скромный и ненавязчивый. Именно благодаря ему коксохимический завод достиг таких больших успехов в 1935 и 1936 годах. Я не знаю, какие конкретные обвинения были предъявлены Фарберову, но я убежден, что он стал жертвой трагического стечения обстоятельств и не заслужил того наказания, к которому его приговорили.

Глава III

В конце 1934 года Сергей Киров, правая рука Сталина и глава Ленинградской партийной организации, был убит человеком, ранее принадлежавшим к оппозиции в комсомоле. Через две недели Ломинадзе, секретарь Магнитогорской парторганизации, был вызван к начальнику районного ГПУ в Челябинск. Он сел в машину и на полпути к Челябинску всадил себе в живот две пули. Ломинадзе был крупный мужчина, и он был еще жив, когда шофер привез его обратно в Магнитогорск. Этой же ночью он умер в больнице. До меня не доходило точных и достоверных сведений относительно подлинных причин этого неожиданного самоубийства. Ломинадзе много лет принимал участие в революционных движениях Китая и Германии, а потом он так же активно с утра до вечера работал в советской промышленности. Мне кажется абсолютно невероятным тот факт, что он мог каким-то образом быть связан с убийством Кирова, тем более принимая во внимание то, что на состоявшихся позднее московских процессах, казалось, достаточно убедительно было доказано, что убийство организовано Г. Ягодой, в то время занимавшим пост руководителя органов ГПУ.

Мне кажется, что, поскольку Ломинадзе был человеком темпераментным, он предпочел смерть всем сложным разбирательствам и страданиям в районном ГПУ.

Но очень многие люди из аппарата Ломинадзе не покончили жизнь самоубийством. Почти все они были арестованы в 1937—1938 годах. Большинство из них, вероятно, не знали ни о каких противозаконных мыслях или деятельности их начальника, и они всегда поддерживали линию партии. Таким человеком был, например, Дмитрий Глазер, секретарь партийной организации прокатного стана-500, который был снят и арестован. Зачастую такие отстранения от должности происходили весьма бесстрастно. Вот заметка газеты «Магнитогорский рабочий» от 21 декабря 1937 года, напечатанная мелким шрифтом на четвертой странице:

«16 и 17 декабря проходил пленум Магнитогорского городского комитета партии. В работе пленума принимали участие товарищ Огурцов, секретарь Челябинского городского комитета партии, и начальник челябинского районного отдела НКВД товарищ Чистов.

Пленум освободил секретаря Магнитогорского комитета партии Бермана от занимаемого им поста, а также исключил его из состава членов бюро городского комитета за необеспечение необходимого руководства в борьбе против врагов народа.

Пленум освободил также от занимаемых постов следующих должностных лиц: Ларина, Гайнемана, Калигорцева, Гольцева и Ефанова.

Бюро городского комитета партии приняло решение снять Ларина с занимаемого им поста секретаря сталинской партгруппы и исключить его из партии за связь с врагами народа.

Пленум временно назначил на должность секретаря городского комитета партии товарища Иванова К. М.»

Таким образом, в течение двух дней было заменено целиком все руководство Магнитогорской партийной организации. Эта операция была осуществлена главным образом начальником районного НКВД и секретарем районного комитета партии на закрытых совещаниях. В большинстве таких случаев за снятием с должностей следовал арест.

В то время как действия Глазера, Шевченко и всех вышеперечисленных мной людей, по всей вероятности, не совпадают с представлениями жителей западных стран

о подрывной деятельности, в Магнитогорске действительно происходило вредительство. Например, два немецких газохранилища (объем большего из них был около 100 тысяч кубических метров) были закуплены в Германии и установлены немецкими специалистами; общая стоимость составила около двух с половиной миллионов золотых рублей (более миллиона долларов по курсу того времени). Строительство и установка их была завершена в 1934 году, но даже в 1940 году ими все еще не пользовались.

После того как были выплачены все деньги немецкой фирме и работы по установке уже почти подходили к концу, кому-то пришло в голову поинтересоваться, не повлияют ли отрицательно на работу этих газохранилищ чрезвычайно низкие температуры воздуха в Магнитогорске. Этот вопрос был задан немецкому инженеру, занимавшемуся их установкой и монтажом. Он напрямик ответил, что бесперебойная работа гарантируется при температуре не ниже — 15° по Цельсию. В Магнитогорске же почти каждую зиму ртутный столбик опускается до минус 40°. При такой температуре водяной пар, находящийся в газе, будет конденсироваться на тонких стальных стенках газового резервуара и замерзать, образуя слой льда, под тяжестью которого резервуар опрокинется.

Монтаж резервуаров был приостановлен на год, пока шло разбирательство и обсуждение. Затем немцы выполнили условия контракта, завершили монтаж и установку и уехали домой. После долгих споров было решено: единственное, что можно сделать — это возвести одну тонкую стенку вокруг каждого резервуара и обогревать воздух в промежутке между этими двумя стенками при помощи пара. Стоимость работ по этому проекту составила миллионы рублей, и поэтому даже финансовым планом 1938 года все еще не были предусмотрены ассигнования на его осуществление. Резервуарами не пользовались, за исключением дней подготовки к 1 Мая, когда на их стенах писали лозунги. И в то же время работа всего комбината сильно осложнялась из-за отсутствия запасов газа.

О ходе расследований этого случая, проводившихся в НКВД, конечно, ничего не сообщалось в прессе. Однако похоже было, что даже эта организация, со всем ее опытом и способностями, не смогла понять,

кто же были вредители, повинные в совершении этого возмутительного случая. Немецкая фирма получила заказ, его оплатили, и фирма выполнила все работы согласно условиям договора. Большинство советских организаций, связанных с этим делом, например Машиноимпорт, были ликвидированы или переданы в другие комиссариаты и невозможно было найти людей, подписавших эти контракты, и предъявить им обвинение.

Михаил Якович (Яковлевич(?) — *Примеч. переводчика*) Яффе был начальником АХУ, иначе говоря, он осуществлял административное и хозяйственное управление комбината. В его ведении находились все административные помещения комбината, все гостиницы, жилые помещения, дома отдыха (вместе со всей мебелью и другим оборудованием), автомобильный парк, дороги и так далее — короче говоря, все то, что обычно принадлежит горсовету или какой-нибудь другой городской или промышленной организации. Михаил Яффе был пухлый коротышка, такой надутый, что он напоминал воздушный шарик, живой и лукавый, проворный, с очень выразительной мимикой и подвижными чертами лица. Он восседал посередине огромного кабинета в специально сделанном особом кресле за многометровым V-образным письменным столом, поверхность которого, покрытая зеленым плюшем, напоминала поле боя и была усеяна всевозможными бумагами, а по флангам располагалось около полдюжины телефонов. Его кабинет был всегда полон людей. Они просили комнаты, машины, бумагу для ведения канцелярских записей, краску, чтобы покрасить крыльцо новой гостиницы, шины для велосипедов, на которых разъезжали курьеры, грузовики и так далее — практически все, что только можно было придумать. Первый ответ на любую просьбу был: «Зайдите ко мне завтра» или «Обратитесь к такому-то». Яффе всегда разговаривал одновременно с тремя людьми, ни одного из них толком не понимая. Он находился в постоянном водовороте мелких интриг. Например: «Надо бы дать секретарше отдела снабжения ту комнату, которую она давно просит, иначе у этого отдела не получить стройматериалы для нового здания» или: «После ареста такого-то освободился автомобиль, может быть, его лучше всего отдать директору цирка, потому что все время приходится просить, чтобы он давал хорошие места для пожарных».

И в газетах, и на различных собраниях Яффе вновь и вновь критиковали за бюрократизм и проволочки. Большинство этих обвинений были вполне обоснованными, но Яффе не снимали с этой должности, и он лавировал между Сциллой и Харибдой, осаждаемый, с одной стороны, просьбами, а с другой — ограничиваемый в своих действиях недостаточным количеством требуемых предметов.

Яффе получал тысячу рублей в месяц, жил в маленьком домике в Березках, имел в своем распоряжении автомобиль и пользовался неизменным расположением окружающих. Это могло выражаться по-разному. Например, директор универмага, который хотел улучшить жилищные условия своим служащим, обычно звонил Яффе, чтобы известить его о том, что завезли новые женские туфли и материю, и если Яффе пришлет своего шофера, то он мог бы передать с ним очень интересные вещицы, так как было бы опасно пускать их в общую продажу, потому что может начаться драка. Яффе всегда пользовался этими мелкими услугами.

Многие из тех людей в Магнитогорске, которые были арестованы и осуждены за политические преступления, были просто ворами, мошенниками и бандитами, и в любой другой стране с ними поступили бы точно таким же образом. Политические ярлыки на их преступления были повешены только из соображений пропаганды и назидательности.

Начальник строительной конторы, занимавшейся строительством индивидуальных жилых домов, был неудовлетворен своей двухкомнатной квартирой и зарплатой, составлявшей тысячу рублей в месяц. Он построил себе дом, возведение которого продолжалось в течение всего 1936 года. Когда он переехал туда, он уже мог роскошно обставить все пять больших комнат, повесить шелковые драпировки и поставить рояль. Затем он начал разъезжать по всей округе на автомобиле, когда всем было прекрасно известно, что его организация не имела ни одного. В то же время его стройконтора выполняла свой план приблизительно на 60 процентов. Когда в газетах и на собрании поднимался вопрос, в чем же причина этих трудностей, он ссылался на нехватку стройматериалов, рабочей силы и транспортных средств.

Органы НКВД расследовали это дело и обнаружили, что начальник систематически расхищал государственные

фонды, построил себе дом за счет матернального обеспечения других работ, продавал стройматериалы совхозам и другим организациям, а деньги прикарманивал; иекоторые же из его подчиненных регулярно получали деньги за то, что молчали о происходящем. Состоялся открытый судебный процесс, сообщеиия о котором на несколько дней буквально заполнили страницы местиых газет. Особо важиые выступления даже передавали по радио. Этому человеку было предъявлено обвиненне не в воровстве, не во взяточничестве и не в расхищении государственных средств — его обвинили во враднтельстве. Он занимался саботажем строительства домов для рабочих в то время, когда эти дома были так необходнмы. После того как он полностью признал свою вину, которая была подтверждена множеством различных докумеитов, ему вынесли приговор и затем расстреляли.

Таким образом, в Магнитогорске существовали и бандитизм, и воровство, как и в любом городе иа Западе. Единственное различие заключалось в том, что в Магнитогорске было сложнее расхищать государственное имущество в таких размерах, как в Нью-Йорке илн Чикаго, а если кого-то в этом уличали, то ему вполне могли предъявить обвинение в саботаже и контрреволюционной деятельности, а не в воровстве, и у него было довольно-таки мало шансов откупиться.

Вне всякого сомнения, в Магнитогорске были случаи самого настоящего саботажа, и два из них мие известиы лично.

Один мастер, работавший на доменной печи, весьма откровенно критиковал Советскую власть. Он сильно пил н под действием водки становился очень разговорчивым. Однажды в присутствии нескольких иностранцев ои открыто хвастался, что «устроит аварию и уничтожит завод». Вскоре после этого разговора в искорежеиных лопастях одной из импортных немецких газовых турбнн был обнаружен увесистый гаечный ключ. Рама турбииы дала трещину, и практически вся машина была загублена, а это означало, что весь труд пошел насмарку и убыткн составили несколько десятков тысяч рублей. Через несколько дней этот мастер был арестован и сознался, что это его рук дело. Он получил восемь лет.

Еще одии случай, с которым мне пришлось столкиуться лнчио, в любой другой стране также рассматривался бы как саботаж.

В Магнитогорске сооружалась вторая очередь электростанции, занимались монтажом и установкой двух больших (24 тысячи киловатт) турбин. На тех участках, где бетонировали фундамент и цементировали крыши,

Рис. 14. Заливка цемента в зимних условиях

работали бывшие кулаки. Как и на многих других советских стройках, установка оборудования началась до того, как было полностью закончено строительство здания. Таким образом, огромная турбина была установлена и на ней уже трудились механики, а вокруг все еще работали бывшие кулаки, заливавшие цемент.

Однажды утром механики обнаружили измельченное стекло в основных подшипниках и в кольцах изоляторов со смазочным веществом большой турбины. Измельченное стекло очень быстро разрушает подшипник. Было немедленно проведено расследование, обнаружили несколько ведер, наполненных стеклом, рядом с сарайчиком, куда бывшие кулаки утром приходили отмечаться о своем выходе на работу. Это стекло было приготовлено для электросварщиков, которые использовали его, смешивая с водой и мелом, для нанесения покрытий на электроды.

Очевндно, один из озлобленных, неграмотных, раскулаченных крестьян взял горсть этого стекла и насыпал в подшипники. Если бы это ие было замечено вовремя, то был бы нанесеи колоссальный ущерб. Это был явный акт преднамеренного, злобного вредительства, и мотивы человека, совершившего его, были всем поиятны.

В конце двадцатых и в начале тридцатых годов были ликвидированы кулаки — богатые крестьяне. Их имущество было коифнсковано и передаио колхозам. Этих людей отправили на различные стройки приблизительно иа пять лет для перевоспитаиия. Некоторые из более молодых, как мой друг Шабков, действительно перевоспитывались, ио большая часть старых и пожилых кулаков были полны горечи и отчаяиия. В своей слепой ненависти они готовы были пойти иа все, чтобы отомстить Советской власти.

Но Советская власть — понятие абстрактное, отомстить ей трудно. Вокруг были только рабочие, иижеиеры и другие бывшие кулаки, работавшие на строительстве. Однако оборудование и машины были символами новой власти — той силы, которая конфисковала их имущество и отправила их в эту степь заливать цемент. И потому они наносили ответиые удары этому оборудованию.

Глава IV

Чистки сильно ударили по Магнитогорску в 1937 году. Тысячи людей были арестованы, месяцами находились в тюрьме и в конце концов высылались.

Этих чисток ие избежала ии одна группа, ни одиа организация. Чистки были частью обширной бури, охватившей всю территорию Советского Союза и продолжавшейся с 1935 по 1938 год. Причины, вызвавшие эти чистки, широко обсуждались. У меня по этому вопросу есть свои соображения, и я хотел бы их здесь высказать.

1. Октябрьская революция вызвала враждебное отношение к себе старой аристократии, офицеров царской и белой армий, сражавшихся под знаменами различных группировок, государственных служащих дореволюционного периода, коммерсаитов, мелкопоместных дворян и кулаков. У всех этих людей было достаточно причин, чтобы ненавидеть Советскую власть, так как она лишила их многого, что они имели прежде. Помимо

того что они уже представляли собой значительную внутреннюю опасность, эти люди потенциально были отличным материалом для умных иностранных агентов.

2. Какому бы правительству ни принадлежала власть в Советском Союзе, такие бедные, густонаселенные страны, как Япония, Италия, а также агрессивные державы, как, например, Германия, использовали все возможные средства и приложили все старания, чтобы наводнить Советский Союз агентами для создания своих организаций и упрочить свое влияние, чтобы было удобнее вносить раскол и растаскивать страну по кускам. Они засылали людей, создавали из них «пятую колонну» точно так же, как они делали это в любой стране. Деятельность агентов являлась одной из причин чисток.

3. Веками Россией управляли и руководили с помощью тайной полиции. Ее методы были традиционно неуклюжи, жестоки, отвратительны и примитивны. Всегда считалось, что если из десяти осужденных виновен всего лишь один, а девять остальных ни в чем не виноваты, то и в этом случае осуждение всех десяти оправдано, ибо виновный наказан. Иногда уничтожались целые деревни ни в чем не повинных людей, для того чтобы схватить какого-нибудь крестьянского вожака — «преступника». Веками к иностранцам относились со страхом и недоверием.

Октябрьская революция многое изменила в России, однако вышеупомянутые традиции и привычные стереотипы, существовавшие на Руси долгое время, все еще сохраняются в Советском Союзе. Они создали условия и возможность для успешного проведения этих чисток, которые в Англии и в Соединенных Штатах вполне могли бы привести к восстанию или гражданской войне

Во время чисток большое число шпионов, саботажников и людей, составлявших «пятую колонну», были высланы или расстреляны, но гораздо больше пострадали невинные люди.

4. Нетерпимость большевиков по отношению к оппозиции приводит к заговорам и чисткам. Объяснить это можно тем, что двадцать лет нелегальной подпольной деятельности в условиях деспотизма царской России, аресты, ссылки в Сибирь, агенты-провокаторы — эти важные факторы — и предопределили структуру и характер ленинской партии. На II съезде партии в Лондоне в 1903 году Ленин настаивал на создании «партии нового типа», которая должна не заниматься дискус-

сиями, а стать дисциплинированной армией солдат революции, ее члены обязаны вести активную работу в одной из партийных организаций. После проведения голосования оставшиеся в меньшинстве обязаны прекратить дискуссию и приступить к работе, выполняя решения большинства. Ленинская группа стала партией большевиков, а эти основные принципы с тех пор — основополагающими для большевистской партии.

В Англии или в Соединенных Штатах, если какой-либо член правительства не согласен с его политикой, он имеет право возражать, апеллировать, протестовать, подать в отставку. Затем он может вынести этот вопрос на рассмотрение избирателей, и, по крайней мере, теоретически у него есть шанс возвратиться после выборов и, собрав в свою поддержку большинство голосов, добиться осуществления своих идей. Эта функция оппозиции признается как одна из важнейших.

Но в партии большевиков не может быть апелляций после того, как решение принято. Никто не протестует, никто не подает в отставку. Единственный шанс, который остается у оппозиционеров, после того как большинством голосов их предложение было отвергнуто,— это заговор.

Такое обращение с оппозицией было еще одной из причин чисток.

Глава V

Техника проведения чисток в Советском Союзе была прекрасно отработана. Все аресты производились ночью. В этом заключался эффект неожиданности: людей арестовывали тогда, когда они меньше всего этого ждали, и, напротив, их неделями не трогали, если они каждую ночь ожидали ареста. Эти аресты проводились обычно агентами, ничего не знавшими о том, какие обвинения будут предъявлены человеку, которого они арестовывают. Обычно приезжали в автомобиле — чаще всего это был сержант в форме и с ним двое в штатском,— стучали в дверь, вежливо предъявляли подписанное прокурором или начальником городского отдела НКВД постановление на обыск квартиры и арест. На это время дверь запирали, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти. Из соседней квартиры приглашали любого человека, обычно

не военного, а штатского, в качестве свидетеля. Он или она наблюдали за тем, как происходит обыск, а потом этого свидетеля просили подписать бумагу, в которой говорилось, что не было допущено никаких злоупотреблений или превышения власти, иными словами, что никого не избили и ничего не украли. Все конфискованные предметы заносились в список и выдавалась квитанция. Как только обыск заканчивался, вежливые и неразговорчивые агенты уезжали с арестованным. Вероятно, за исключением свидетеля-понятого никто больше в доме не знал до утра о том, что произошло.

Семья арестованного в течение нескольких недель не имела о нем никаких сведений, а сам он находился в магнитогорской тюрьме, обдумывая свое положение перед началом допросов. Эта тюрьма была переполнена. В камерах, рассчитанных на двадцать человек, сидели пятьдесят. (Естественно, такая «перенаселенность» тюрьмы подгоняла власти, заставляя их ускорять следствие.) После ареста семья обычно получала официальное извещение, что их брат или муж арестован и что семья может прийти в такое-то место и в такое-то время с передачей, в которой должны находиться теплые вещи, чистое белье, сахар, луковицы и чеснок. Лук и чеснок были необходимы, чтобы бороться с цингой — довольно распространенным в тюрьме заболеванием, возникшим из-за недостатка свежего воздуха и пищи, в основном хлеба и воды.

Иногда после ареста мужа его жену увольняли с работы и всю семью часто подвергали общественному остракизму. Все боялись общаться с этой семьей, потому что в дальнейшем их самих могли обвинить в «связи с врагами народа».

В редких случаях семье сообщали, какие именно обвинения предъявлены арестованному, даже позволяли увидеться с ним. Такие свидания обычно разрешались в интересах следствия. Мужу было разрешено увидеться с женой и ребенком, конечно, в присутствии следователя, для того, чтобы с новой силой напомнить ему о существовании любимых им людей, чьи жизнь и счастье зависели от «его чистосердечного признания своей вины и от его помощи следствию в выявлении и осуждении его соучастников». Вполне естественно, что иногда такие визиты приводили к результатам, противоположным ожиданиям следствия. Мужья умудрялись прошептать

кое-что на ухо своим женам. Таким образом об истории Шевченко и некоторых других стало известно широкому кругу людей.

Допросы обычно проводились ночью и были, по существу, психологическими, изматывающими нервы пытками, иногда длящимися в течение нескольких недель и возобновлявшимися после долгих перерывов, во время которых заключенному давалась передышка. Слова «вредительство» и «контрреволюционная деятельность» в Советском Союзе означают нечто гораздо большее, чем то, что понимают под этим словом американцы. Статья 58-1 Уголовного кодекса РСФСР гласит:

Любое действие считается контрреволюционным, если оно направлено на организацию переворота, подрыв или ослабление власти рабочих и крестьян... или на ослабление внешней безопасности Советского Союза, административно-государственных и национальных завоеваний пролетарской революции *.

Чтобы найти определение такого понятия как «вредительство», обратимся к статье 57-7 того же кодекса, где, в частности, можно прочитать следующее:

Нанесение ущерба государственной промышленности, транспорту, торговле, системе денежного обращения или же системе кредитов, равно как и системе кооперации, совершенное с контрреволюционными целями, и использование в контрреволюционных целях государственных учреждений... а также препятствование их нормальной деятельности, равно как и использование государственных учреждений и фабрик в интересах их бывших владельцев... влечет за собой применение высшей меры социальной защиты — расстрел **.

---

* Ср. ст. 58-1: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов... или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции» (Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 41).— *Примеч. переводчика.*

** Ср. ст. 58-7: «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за со-

На основании статьи 58-12 были осуждены многие жены. Часть ее сформулирована следующим образом: *Несообщение о подготовке или совершении контрреволюционного преступления влечет за собой... лишение свободы на срок не менее шести месяцев. (6 июня 1927 г.)* *

Обвиняемому почти никогда не разрешали видеться со своим адвокатом в ходе ведения допросов. Он оставался один на один с более или менее опытными следователями НКВД, спокойными, вкрадчивыми и педантичными. Хотя согласно правилам проведения этой процедуры следствие не должно было длиться больше двух месяцев, обвиняемый мог иногда томиться и годы в тюрьме вместе с другими мужчинами и женщинами, находящимися под следствием. Это, очевидно, давало следователю возможность использовать данное обстоятельство в качестве дополнительного, более мощного нажима: «Если вы не хотите признать себя виновным, возвращайтесь назад и все обдумайте, если же вы признаетесь, то суд будет очень коротким, а потом — годик в Сибири, где у вас будет хорошая работа, будете получать зарплату, жить дома, иметь относительную свободу передвижения по городу и возможность видеться с семьей...»

Довольно широко была распространена практика обвинения и осуждения на основании свидетельских показаний другого арестованного или же их обоих — на основании свидетельских показаний третьего человека, все еще находящегося на свободе. Некто А. дает свидетельские показания о том, что гражданин В. назвал Сталина сукиным сыном, которого надо застрелить.

бой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего кодекса: высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов СССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества. 6 июня 1927 г.» (Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 41, 38).— *Примеч. переводчика.*

* Ср. ст. 58-12: «Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. 6 июня 1927 г.» (Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 41, 38).— *Примеч. переводчика.*

Будучи арестоваи, граждаиин В. в конце концов призиается, что ои это говорйл, и далее утверждает, что при этом присутствовал граждании С., согласившийся с высказанным миением о Сталиие. Когда арестовывают гражданина С., то он все отрицает, а затем иа очиой ставке с гражданином В. он призиает, что такой разговор действительно имел место, но настаивает, что ои был иачат гражданином А. Гражданина А. арестовывают, как и этих двух, за подготовку террористического акта против руководителей партии и правительства, ио он ходатайствует о смягчении наказаиия на том основании, что он начал этот разговор специально, чтобы разоблачить контрреволюциоииые действия В. и С. и передать их в руки властей. Через шесть месяцев, в течение которых граждане А., В. и С. не переставали изобличать друг друга, они высылаются на Камчатку сроком на десять лет.

В 1937 и 1938 годах, когда чистки достигли своего апогея, методы, используемые во время ведения следствия, были совершенно недопустимыми по всем стаидартам цивилизованного общества. Применялось даже физическое принуждение и насилие, чтобы добиться признания от обвиняемого. Арестованному могли сообщить, что если он признается, то его жену не троиут и ие будут увольнять с работы. Как только призиаиие было подписано, жену также арестовывали, показывали ей признание ее мужа и говорили, что если оиа сознается в том, что она обо всем зиала, ио молчала, то они оба получат небольшие сроки заключеиия. Оиа признавала свою вину, оба получали самый большой срок и их отправляли на работу в Ангарстрой. Конечно, такие методы восприиимаются как должное в процедуре ведеиия уголовного дела почти во всем мире. Однако в Советском Союзе ситуация несколько отличалась тем, что НКВД в своей работе по защите страиы от происков иностранных агентов, шпионов и наступления старой буржуазии рассчитывал на поддержку и содействие со стороиы иаселения и в основном получал их. Но истории, подобные той, которая была описана мной выше, поколебали доверие многих русских к НКВД.

Судебные процессы всегда проводились «in camera» и обычно «in absentia». В 1937 году в Магнитогорске не было почти ни одного процесса, который закончился бы оправданием обвиияемого, но и количество смерт-

ных пнговоров было ие более шести. После суда оперативный отдел НКВД передавал заключеиных в ведение УЛАГа (управлеиие лагерей), в задачи которого, в частиости, входило использоваиие труда заключенных иа некоторых стройках, а также проведение воспитательной работы. УЛАГ входил в состав организации НКВД как совершенио особая и самостоятельная часть ее структуры. Работники УЛАГа передавали заключеииого вместе с папкой докумеитов, в которых сообщалось, по какой статье был осуждеи этот человек. Помимо этого, сотрудникам УЛАГа иичего ие было известно об осуждеииом. В фуикции УЛАГа входили работы по строительству дамб, плотии и железиых дорог; здесь обращались с заключенными по возможности хорошо, хотя бы потому, что требовалось добиться высокой производительности труда.

Как только заключеиных привозили на строительство, их иачинали кормить лучше, чем иа протяжеиии всего периода с момеита ареста. Им выдавали теплую добротиую одежду и говорили, что с этой миииуты едииствеиное, что будет приииматься во виимаиие, это их работа. Вплоть до 1938 года срок заключеиия мог быть умеиьшен за хорошую работу на двадцать, сорок, а иногда даже на шестьдесят процеитов.

Однако после 1938 года сокращение срока иаказаиия стало более редким явлеиием, вероятно, потому, что НКВД ие хотел терять рабочую силу, ведь число осуждениых — и соответствеино рабочих, прибывающих на стройки,— сократилось. Часто проводимые собрания, доклады и речи, а также газеты были призваны перевоспитать заключеиных этих лагерей в духе свободы, иезависимости и справедливости, царящих в страие рабочего класса после приият ия в 1936 году Сталииской Конституции.

Действия НКВД в Магиитогорске в 1937 году часто были крайие беспорядочны. Арестоваиные пропадали, иногда неправильио устаиавливали их личиость. Одиажды иочью сотрудиики НКВД пришли арестовывать человека, который раиьше жил в квартире, расположенной над нашей, ио он уехал из Магиитогорска иесколько месяцев иазад. Были случаи, когда жеиам присылали извещеиия о том, что их мужья арестоваиы и что им следует собрать передачу, в то время как мужья иаходились дома, работали, как обычио, и продолжали

спокойно жнть и работать в дальнейшем. Этн факты говорили о плохой органнзацнн действнй аппарата НКВД.

Алексей Ивановнч Пушков, возглавлявшнй НКВД Магнитогорска в 1937 году, сам подвергся чистке в 1939 году за излишнне пыл н рвенне в проведении чисток в городе.

Глава VI

Последствня чисток, не замедлнвшне сказаться, были весьма разнообразны и иногда парадоксальны. В том случае, когда большое число ответственных работииков и руководнтелей арестовывалн почтн одновременио нли друг за другом, это очень отрнцательно и довольно долго сказывалось на производственном процессе. Напрнмер, когда Шевчеико снялн с должности и арестовалн, на несколько недель сильно сократился выпуск продукцнн коксохнмического комбнната. В течеиие первых дией на комбннате царил полный хаос. Мастер прнходнл утром на работу н говорил рабочим, находившнмся под его началом: «Ну, сегодня мы должны сделать то-то н то-то». Рабочие насмешливо ухмылялнсь н говорнлн: «Провалнвай. Ты сам вредитель. Завтра придут за тобой н арестуют. Все вы врeднтелн — и ннжеиеры, н специалнсты-техиики».

Через некоторое время все снова наладнлось н Сёмичкин был назначен заместителем главиого инженера. Молодые рабочне и мастера былн переведены на более высокие должности (мииуя одну, а нногда н две промежуточные), освободившнеся в результате ареста людей, заннмавшнх эти должностн ранее. Ежедиевная продукция — выработка чушкового чугуна — осенью 1936 года, напрнмер, составляла в средием около 1200—1300 тонн на одну плавнльную печь. К концу 1937 года среднее количество продукцин прибллзнтельно равнялось 1100 тоннам на плавнльную печь, а в яиваре 1940 года — насколько можно суднть по отдельным сообщениям — средняя цифра сократнлась до уровня ниже 1000 тонн.

Во время проведения чнсток тысячн бюрократов дрожали за свон места. Чиновннки и адмнннстративные служащие, которые до этого приходнлн на работу в десять часов, а уходнли в половнне пятого н лишь

пожимали плечами в ответ на жалобы, трудности и неудачи, теперь сидели на работе с восхода до заката солнца, их начали волновать успехи и неудачи руководимых ими предприятий, и они на самом деле стали бороться за выполнение плана, экономию и за хорошие условия жизни для своих подчиненных, хотя раньше это их абсолютно не беспокоило.

С другой стороны, не прекращались аресты по ночам, люди жили в тревоге и страхе. Существовала наводившая на всех ужас организация, работа которой была окутана тайной. Ей была дана такая власть, что она могла сделать с любым человеком все, что угодно: для нее не существовало такого понятия, как «апелляция». Все это привело к тому, что у значительной части населения сталинский лозунг «Жизнь стала лучше, жизнь стала веселей» вызывал стон или в лучшем случае презрительную усмешку.

В то время бдительные коммунисты и некоторые беспартийные действовали исходя из принципа: «В каждом отстающем подразделении есть вредитель». Совершенно ясно, к чему привело применение этого принципа на практике — оно сыграло на руку растущему аппарату НКВД (причем теперь становится очевидным, что руководители отделов этой организации, как местных, так и центральных, сами были вредителями). Многие старались держаться в стороне, отказываясь от ответственных постов. Появился еще один афоризм — «сейчас хорошо быть телеграфным столбом».

У других эта ситуация вызывала горечь и озлобление. Рассказывают, что однажды в Свердловске у здания НКВД собралось несколько сотен женщин, которые принесли для своих арестованных передачи с едой и одеждой. После того как они простояли там несколько часов, им в грубой и резкой форме сказали, что в этот день передачи приниматься не будут. Измученные волнением и тревогой женщины (некоторые пришли с детьми на руках, другие отпросились с работы, рискуя потерять место, чтобы передать своим любимым немного сахара и чистую одежду) возмущались. В толпе началось волнение. Кого-то толкнули, разбилось окно, и через пять минут на втором этаже здания не осталось ни единого целого стекла.

Власти так и не смогли найти и арестовать зачинщицу, а посадить в тюрьму пятьсот женщин было

невозможно, потому что тюремные камеры были уже переполнены.

Подобные инциденты, более или менее серьезные, происходили по всей территории Советского Союза, а о некоторых, вероятно, в той или иной форме докладывали Сталину и другим членам правительства. Были сигналы и предупреждения о том, что если процесс чисток зайдет слишком далеко, то это может привести к катастрофическим последствиям, особенно если начнется война. Это и стало решающим фактором, определившим изменение политики внутри страны в конце 1938— начале 1939 года.

Глава VII

На протяжении всего периода проведения «чисток» советским людям каждый день в газетах, по радио и на собраниях внушалось, что они должны помогать и содействовать органам НКВД и немедленно сообщать о любом подозрительном факте.

В качестве одного из способов выработки у большой части населения духа шпиономании использовался также театр. Когда «чистки» были в самом разгаре, мы с Машей повели приехавшего в Магнитогорск корреспондента «Нью-Йорк Геральд трибюн» Джозефа Барнса в театр посмотреть спектакль «Очная ставка» — одну из пьес, наиболее эффективно пропагандировавших «чистки». Я думаю, что об этом спектакле стоит рассказать.

Первая сцена проходит в большой, богато обставленной комнате. У двери на самой середине сцены — доспехи средневекового рыцаря, в перчатке которого зажато копье. В комнате три джентльмена во фраках. Двое сидят, один — спиной к аудитории. Третий стоит у стола, в руках у него книга.

«Вот здесь весь материал,— произносит он хорошо поставленным глубоким голосом.— Будьте любезны посмотреть его. Теперь, прежде чем мы приступим к экзамену выпускников, возможно, у вас будут ко мне какие-либо вопросы». «Да,— медленно говорит один из сидящих.— У меня есть вопрос к директору — герру Доктору». «Пожалуйста, пожалуйста,— отвечает стоящий джентльмен, отвешивая легкий поклон.— Я дам ответ на любой Ваш вопрос...»

«Почему возникла такая необходимость называть школу сначала клубом астрономов, потом ассоциацией автомобилистов, а потом — еще как-то? Почему Вы не могли просто приобрести большое здание, обнесенное высоким забором, где-нибудь за городом и делать свою работу под охраной?»

Директор потирает руки: «Видите ли, герр министр, при подготовке первоклассных специалистов необходимо наблюдать за их реакцией в обстоятельствах и ситуациях, приблизительно соответствующих тем, в которых они будут работать в дальнейшем, когда закончат школу и поедут за границу. У нас же каждый учащийся может набраться такого опыта, находясь под нашим наблюдением, потому что ему все время приходится играть роль человека, которым он на самом деле не является...»

«Понимаю,— говорит сидящий джентльмен, поднимая руку.— Достаточно. У меня больше нет вопросов. Ваши расходы вполне разумны, принимая во внимание важность вашей работы. Если у моего коллеги нет вопросов, то мы можем приступить к экзамену ваших выпускников».

Джентльмен, все время сидевший спиной к залу, теперь слегка поворачивается, и публика видит его лошадиное лицо, длинные пряди черных волос и маленькие черные усики. «У меня вопросов нет»,— говорит он.

Большинство зрителей сидит на краю своих кресел. Напряжение охватывает весь зал. Рядом со мной юноша лет восемнадцати с крестьянским лицом сжимает подлокотники кресла своими большими огрубевшими руками и судорожно сглатывает. Он не знает, что это за школа, но в фигуре человека, сидящего спиной к аудитории, чувствуется что-то зловещее, а все трое, совершенно ясно,— «буржуи».

Маша первая поняла, о чем идет речь. «Шпионская школа» — шепчет она мне на ухо.

Актеры играют хорошо, они не торопятся и говорят свои реплики отлично поставленными голосами.

Директор несколько минут ходит по комнате, затем церемонно кланяется сидящим и откашливается.

«Первый студент, которого я хотел бы сейчас вызвать,— номер сорок девять. Вы найдете данные на него на странице 136. Он подготовлен к работе в Камеруне. По профессии — археолог, прекрасно владеет французским, а также несколькими местными диалектами...»

Далее директор пускается в долгие объяснеиия и, закончив их, иажимает иа киопку, в комнату входит лакей.

— Номер сорок девять,— говорит директор.

— Его родствеииые связи в Фатерляиде?— спрашивает миинстр.

— Мать,— отвечает директор.— Холост — и ие собирается жеииться.

В это мгиовеиие иа сцеие из дальиих правых кулис появляется рабочий с иевозмутимым выражеиием лица, с сигаретой в зубах. Виезапио ои замечает зрителей, поиимает, где иаходится, и в мгиовеиие ока исчезает. Никто в зале ие обращает иа этот ииидеит ни малейшего виимаиия.

Дверь отворяется, и входит человек лет тридцати. Одет с безупречиым вкусом, хорошо говорит, прекрасио держится. Ои отвечает на вопросы мииистра, касающиеся техиических деталей археологических раскопок в Африке. Затем джеитльмеи, сидящий спииой к зрителям, спрашивает иизким, глухим голосом, в котором звучит легкое иетерпеиие: «Что вы предпочитаете для взрыва железиодорожиого моста — иитроглицерии или аммоиал?»

Выпускиик слегка клаияется: «Я предпочитаю аммоиал или в иекоторых случаях жидкий кислород».

Экзамеи завершеи. Студент клаияется и уходит. Сидящие поздравляют директора с миогообещающим учеииком. Далее директор описывает следующего экзамеиующегося под иомером десять. «Оиа зиакома со всеми тоикостями парижской жизии, уже устаиовила коитакт с сыиовьями иекоторых члеиов кабииета мииистров Фраиции, зиает иаизусть фраицузский дипломатический шифр и получила осиовательиую подготовку по фармакологии и стрельбе».

После нескольких вопросов приглашают войти экзамеиующуюся. Это ослепительио красивая блоидиика с роскошиыми формами и призывиым взглядом. Оиа весьма остроумио отвечает иа задаваемые ей вопросы. Наконец человек, сидящий спииой к залу, спрашивает ее так же приглушеиио, как и раиьше: «Как вы представляетесь, вербуя агеита?» Девушка клаияется ему и улыбаясь отвечает: «Я всегда представляюсь агеитом какой-иибудь третьей державы». Потом оиа выходит, и мииистр сиова поздравляет директора школы. Сидящий к залу спииой джентльмеи безразличеи и зловещ.

Следующим экзаменуются террорнст и агеит-провокатор, которого готовили к работе в Праге, а затем — дворецкнй, собиравшийся действовать в доме одного из членов правнтельства Великобритании. В течеиие всего этого времеии джеитльмен, сидевший спиной к залу, ии разу ие повернулся лицом к публике н говорил все тем же глухим голосом.

Когда дворецкий выходнт из комнаты, директор откашливается и торжествеиио выпрямляется: «И накоиец, я представляю вам иашего студеита иомер одии. Это гордость ие только даииого класса, ио и всех остальных выпускных классов. Я имею в виду Уолтера».

Оба министра выражают большую заиитересоваиность. Казалось, слава Уолтера бежала впереди иего. Директор дает Уолтеру блестящую характеристику: «Уолтер знает все шифры, ои силен, как лев, и вынослив, как бульдог. Мы готовилн этого мастера для самого ответствеииого задания — для работы в той страие, которая является нашнм осиовным противииком, величайшим врагом...»

«Для Советского Союза?!— удивлеиио спрашивает миинстр.— Но ведь у иас же есть Келлер, и ои уже миого лет весьма успешио работает».

«Но Келлер стареет и давио просит освободить его. Так что мы решили послать Уолтера ему иа смеиу. Он знает русский, как свой родиой язык, и прекрасио зиаком со всеми политическими и экоиомическими теорнямн, распространенными сейчас в Советском Союзе, превосходио нзучил речи большевистских вождей и может стать в Москве преподавателем истории Коммунистической партии Советского Союза».

В этот момент чериоволосый джеитльмеи встает лнцом к директору школы, так что зрители по-прежиему видят только его спину. Все его движения энергичиы, одиако в ием чувствуется иервиое напряжеиие, граничащее чуть ли ие с патологией. Ои грозит пальцем директору. «Для Советского Союза!— говорит он голосом, искажеиным сдерживаемой яростью.— В Советском Союзе у нас должеи быть лучшнй из лучших иаших талаитов. Там не должно быть иикакой путаницы и иеумелой работы! Там должеи работать профессионал высокого класса! Вы поиимаете! Только профессиоиал высочайшего класса!»

Директор, не ожидавшнй такого яростного иападе-

ния, делает шаг назад, затем слегка кланяется и спокойно говорит: «Я ручаюсь за Уолтера своим добрым именем, своей репутацией. Он профессионал высочайшего класса и не подведет. Он получил точнейшие инструкции обо всем, что касается политической оппозиции и национальных меньшинств в Советском Союзе, готовых нанести ответный удар, он даже вошел в контакт с некоторыми из таких людей. Было сделано все как в его обучении, так и в подготовке будущих контактов, чтобы обеспечить успех выполнения им своего задания».

Директор звонит в колокольчик, и появляется лакей. «Номер первый,— говорит директор. Лакей отвешивает поклон и уходит, закрывая за собой дверь.

Черноволосый министр поворачивается лицом к зрителям, и все узнают в нем Гитлера. Затем он отходит к краю сцены так, что середина ее остается свободной для выхода Уолтера, агента-шпиона высшего класса. Директор вновь обращается к министрам: «Я забыл сказать вам, что в своем русском паспорте он назван Иваном Ивановичем Ивановым».

Дверь отворяется, занавес падает. В зале зажигается свет, и зрители облегченно вздыхают, как будто каждый из них перед этим сидел под действием электрического тока высокого напряжения и его внезапно отключили.

Затем все вдруг разом начинают разговаривать, обсуждая пьесу и игру актеров.

Дальнейшее действие пьесы происходило в Москве и на советской территории. В нем зрители увидели следователя НКВД в голубой фуражке, занятого поисками Ивана Ивановича Иванова. Они также познакомились со старым шпионом Келлером, проработавшим в Москве целое десятилетие и успевшим выполнить бесчисленное количество заданий. Он хотел спастись бегством, но это ему не удалось. Он был схвачен благодаря бдительности советской общественности. Зрители увидели, как Иванов разделался с девушкой, опасаясь, что она может выдать его,— он столкнул ее под поезд. В пьесе был также и забавный портной-еврей, поспешивший сообщить следователю случайно полученную им информацию, и дюжина других персонажей, без чьей добровольной помощи следователь не смог бы разоблачать и арестовывать шпионов.

Кульминацией пьесы был последний, четвертый акт. Зрители увидели конфронтацию героев — «очную ставку». Иван Иванович, пойманный с поличным на месте преступления, отказывался признать свою вину, несмотря на огромное количество изобличающих его свидетельских показаний и доказательств. Келлер, старый, циничный и холодно-расчетливый шпион, захваченный в таких обстоятельствах, что уже не мог отрицать свою преступную деятельность, во всем сознался. Он признает себя виновным в предъявленных обвинениях. Однако отказывается давать какие-либо показания о своих соучастниках и своей деятельности. Он даже не хочет назвать ту страну, на которую работает.

Келлеру и Уолтеру-Иванову устраивают очную ставку в кабинете следователя. Там присутствуют все персонажи пьесы, кроме тех, которых зрители видели в первом акте. Используя показания Келлера и Уолтера-Иванова друг против друга, следователь заставляет их во всем признаться. Иванов просит о снисхождении, утверждая, что он понимал, что поступает нехорошо, но не мог прекратить свою гнусную, беззаконную деятельность. Келлер, чье поведение до конца остается демонстративно-вызывающим, произносит напыщенную речь: «Решающие битвы для нас впереди. Еще посмотрим, кто кого. Меня расстреляют, но и вы будете побеждены. Ваш гнусный отвратительный народ прогонят с этих прекрасных земель, и он должен будет уступить место более культурной и образованной расе».

На этот вызов следователь кричит: «Победителями будем мы!»— и все персонажи, присутствовавшие на сцене, дружно поддерживают его.

Занавес опускается, и начинаются шумные аплодисменты и еще более шумная толкотня и давка — зрители торопятся побыстрее выйти из зала и первыми занять очередь в раздевалку.

На рабочих Магнитогорска так же, как и на меня и Джо Бернса, пьеса произвела большое впечатление. В ней было наглядно показано, что все население должно сотрудничать с властями, чтобы разоблачать иностранных шпионов. С другой стороны, в ней не смогли показать всю опасность и трагедию излишнего энтузиазма при проведении чисток.

«Может быть, сейчас и смогут поймать нескольких шпионов, но потребуется целое поколение, чтобы изжить

те страхи и подозрения, которые теперь нагнетаются»,— сказал Джо, когда мы вышли из театра.

Глава VIII

После проведения чисток адмииистративный аппарат управления всего комбината почти иа сто процентов составили молодые советские инженеры. Практически не осталось специалистов из числа заключениых и фактически исчезли иностраиные специалисты. Тем не менее к 1939 году некоторые подразделения, например, Управлеиие железиых дорог и коксохимический завод комбината, стали работать лучше, чем когда-либо раньше. Ключевые посты занимали такие люди, как Сёмичкин, с которым я уже познакомил читателей.

Павел Коробов сменил Завенягииа на посту директора комбината в иачале 1937 года, когда последнего назначили заместителем наркома тяжелой промышлеиности. (Поздиее Завенягин впал в немилость и был снят с этого поста, а затем работал начальником строительства где-то за Полярным кругом — несомненно, это было смещеиие с должности, однако не имевшее для него таких драматических последствий, как для Пятакова, Межлаука и других высокопоставленных должностных лиц Наркомата тяжелой промышленности.)

Коробов был типичным руководителем периода, последовавшего за кампанией чисток. Он был представителем семейной династии рабочих-металлургов. В самом начале тридцатых годов он закончил университет и затем был направлеи на один из южных металлургических заводов. Через три года он получил повышеиие и был назначен на должность начальника доменного цеха.

В 1936 году его иаправили в Магнитогорск, и так как ои в течение долгих месяцев исполнял обязанности главного инженера комбината, а затем директора, он получил возможность дальнейшего продвижения по службе. В тридцать лет ои стал директором металлургического комбината, перерабатывающего одну четвертую всего количества железиой руды, производимой в Советском Союзе, двенадцать процентов чушкового чугуна и около десяти процентов листовой стали, ио комбинат этот работал неудовлетворительно.

Первые несколько месяцев новый директор работал скорее пассивно, нежели энергично. Он старался избегать принятия решений по каким-либо острым вопросам или проблемам в том случае, если был в себе не уверен, и предоставил значительную свободу принятия решений начальникам цехов. На некоторых наиболее трудных участках, как например в мартеновском цехе, увеличился объем выпуска продукции. И это происходило в то время, когда несколько лучших заводов Советского Союза, директора которых, известные всей стране (например, Гвахария в Макеевке), были арестованы и расстреляны, даже не выполняли своих планов по производству продукции.

Коробов постоянно занимался своим образованием, читал иностранные технические журналы и неутомимо работал. Он нравился большинству своих подчиненных, однако многие инженеры старшего поколения были невысокого мнения о его технической подготовке и способностях.

К сожалению, много иностранных специалистов в 1937 и 1938 годах по тем или иным причинам покинули Советский Союз, увозя с собой впечатление, что кампания чисток означает конец всего или по крайней мере конец определенной эпохи. Казалось, что все достойные и способные люди были расстреляны или арестованы. Но, по существу, это было ошибочное мнение. Во время проведения кампании чисток было много арестов, но Советский Союз — большая страна, и миллионы русских, которых чистки не коснулись лично, восприняли эту кампанию более или менее спокойно, и она не повлияла на их отношение к Советской власти. Поэтому, когда в конце 1938 года чистки закончились и сотни ранее арестованных людей были освобождены (им были принесены скупые извинения за «ошибки», допущенные следователями), когда аресты прекратились или почти прекратились, большинство магнитогорских рабочих были настроены жизнерадостно, бодро и оптимистично.

И действительно, их жизнерадостность и оптимизм не были лишены оснований по многим причинам. Они работали и были уверены в сохранении своих рабочих мест, в продвижении по работе, то есть в таком повышении, которое они себе только могли представить. Им предоставлялись оплачиваемые отпуска и декретные отпуска, им выплачивались пенсии по возрасту, они

пользовались и различными другими социальными правами, сохраняемыми законодательством. Они учились и, когда они заканчивали высшие учебные заведения или даже до этого момента, имели возможность применить свои знания там, где они работали не только во имя личного блага, но и всего общества. Рос и уровень их жизни. Увеличивались и становились все более разнообразными возможности их приобщения к культуре.

Для нескольких миллионов советских граждан, которые были арестованы и высланы, чистки имели губительные последствия. Большинство этих людей были невиновны, однако некоторые действительно совершили то или иное преступление, а другие, такие, как Удкин, могли стать превосходной пятой колонной нацистов.

Сталин считал такое «размещение капитала» вполне разумным.

Часть VIII

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД

Глава I

Квартира была для нас приятным пристанищем, где можно было укрыться и отдохнуть от суровой и беспокойной работы на заводе. После того как я расстался со строительной бригадой, моя жизнь стала менее хаотичной: я проводил бо́льшую часть времени дома, играя с ребенком, возился с домашними электроприборами и радиоприемниками или же стучал на своей старенькой пишущей машинке «Корона».

Маша много работала — по семь или восемь часов в день, а Вера поддерживала в квартире порядок и следила за тем, чтобы на нашей электрической плитке всегда стоял котелок щей или борща.

Ко мне начали приезжать американцы из Москвы. Туристы заходили навестить меня, и я старался показать им город. В 1936 году приезжали профессор Джордж Каунтс и А. А. Хеллер, а однажды ко мне влетел Боб Мерриман. Боба очень интересовали школы и больницы, поэтому я взял на работе отгул и мы с ним пошли посмотреть на все, что было возможно. Сначала мы отправились в Социалистический город, или иначе Соцгород.

Социалистический город, переименованный в Кировский район, на самом деле не был действительно образцовым социалистическим городом, которым можно было бы похвастаться. Он состоял приблизительно из пятидесяти больших трех-, четырех- и пятиэтажных жилых домов, в каждом из которых было от семидесяти пяти до двухсот комнат. Дома были построены из кирпича и камня, снаружи отштукатурены и покрашены в разные цвета, поэтому они очень хорошо смотрелись зимой на белом фоне. Все они располагались длинными рядами,

наподобие военных бараков, и имели одинаковую форму спичечного коробка, поставленного на одну из узких боковых граней. Металлические крыши домов были выкрашены в красный и синий цвета. Во всех домах были балконы. Ряды домов отделялись друг от друга широкими улицами с тротуарами, вдоль которых было посажено много деревьев. В центре жилого массива находились две открытые площади-скверы с фонтанами, скамейками, детскими площадками, цветниками, обнесенными аккуратными зелеными железными изгородями, и саженцами, которые через десять лет должны были превратиться в большие деревья с широкой густой кроной.

Ярко светило солнце. Пока мы шли в толпе людей, нас окружали женщины с хозяйственными сумками. Навстречу нам попались несколько мужчин, одетых не порабочему.

Кировский район имел некое определенное очарование, особенно летом: били фонтаны, огромное множество детишек в купальных костюмах, закрывавших только очень небольшую часть их загорелых тел, брызгались и плескались в воде. Дорожки были заполнены рабочими всех возрастов, вышедшими подышать свежим воздухом. Все скамейки были заняты мужчинами и женщинами, старыми и молодыми, читающими и разговаривающими. Хоры, оркестры, радиоприемники и патефоны наполняли музыкой воздух. Мне особенно запомнился хор украинских домохозяек, обычно устраивавший свои репетиции вечером на открытом воздухе; их всегда окружала толпа людей, которые им аплодировали, а некоторые и подпевали. Часто рабочие выносили на улицу гитары и балалайки, и казалось, что ты находишься в каком-нибудь маленьком городке в Италии. Гораздо меньше была заметна традиционная привычка русских напиваться á la russe *, поглощая большие количества водки, сбивавшей человека с ног так, как будто его ударили по голове молотком. Напившимся не разрешалось ходить качаясь или валяться по улицам; их тут же увозила милиция.

Пока мы шли, я рассказывал Бобу все, что знал о Кировском жилом квартале. Огромным недостатком этого района была перенаселенность. В 1934 году на одного человека в этом районе приходилось в среднем 3,34 квад-

* «a la russe» (фр.) — по-русски.— *Примеч. переводчика.*

ратных метра (35 квадратных футов) жилой площади. Это означало, что в одной комнате жили по четыре-пять человек. Однако русские привыкли к перенаселенности и по этому поводу было меньше жалоб, чем можно было бы ожидать в любой другой стране.

Очень часто возникали споры по поводу того, кто займет освободившуюся комнату или квартиру. Иногда в такую квартиру вселялись «скваттеры» * и отказывались выехать оттуда или впустить тех, кому предназначалось это жилое помещение. В таких случаях было много ругани, слез и зубовного скрежета. Получение жилой площади само по себе было очень сложным процессом. Все здания принадлежали комбинату, а не городскому Совету. Администрация комбината выделяла определенное количество комнат и квартир каждому цеху и предприятию, входящему в состав комбината.

Квартплата зависела от жалованья и составляла приблизительно от двух до десяти рублей в месяц за каждый квадратный метр жилой площади. Мы платили восемьдесят рублей в месяц. Во всех домах Кировского района были электричество, центральное отопление и водопровод. Еду готовили в основном на плитах, топящихся углем, но и электричество, которое стоило всего лишь 12 копеек за киловатт-час, использовалось все больше и больше.

Мебель в квартирах, как и сами дома, изначально принадлежала заводу. Квартиросъемщик платил за использование мебели пять процентов ее оценочной стоимости в год. По мере того как она приходила в негодность и исчезала, замена мебели обычно производилась самим жильцом, поэтому постепенно рабочий обзаводился все большим количеством собственной мебели, обычно деревянной и очень простой.

Первоначально каждая жилая квартира была оборудована ванной, но эти ванны мало-помалу исчезали или же использовались совсем для других целей, например для хранения угля. Большинство жителей мылись в общественных русских банях, которых было очень много.

---

* «Скваттер» (разг.) — лицо, самовольно захватывающее чужую землю или поселяющееся в чужом доме; квартиронаниматель, отказывающийся выезжать.— *Примеч. переводчика.*

Глава II

Мы пошли в Магнитогорский педагогический институт, который заканчивала Маша. Я знал директора, он поговорил с нами полчаса, дав Бобу очень много материала о городских учебных заведениях. Боб был полон энтузиазма и не без причины.

Почти все в Магнитогорске учились или посещали какое-либо учебное заведение, как рассказывал нам директор (я выступал в роли переводчика). Если начать с самого начала, то надо рассказать о детских яслях, куда принимались дети, начиная с возраста в несколько недель, и где они оставались до трех лет, иногда только на день, иногда на ночь, а иногда и на все двадцать четыре часа в сутки, что зависело от занятости матери ребенка, ее нужд и потребностей. Эти детские ясли находились в ведении городского Совета и им предоставлялись большие субсидии как Советом, так и комбинатом. Родители платили от 15 до 50 рублей в месяц за одного ребенка. Здания были в большинстве своем светлыми и чистыми, о детях хорошо заботились. Однако работе этих детских заведений мешали два обстоятельства.

Во-первых, их было недостаточно. Для того чтобы каждая мать, которая хотела отдать своего ребенка в ясли, могла бы это сделать, необходимо было увеличить площадь, штат сотрудников и оборудование яслей в десять раз. А так как это было невозможно, то было очень трудно найти для ребенка место, и особенно тем, чья зарплата была более трехсот рублей в месяц. Предполагалось, что эти «высокооплачиваемые» работники сами будут заботиться о своих детях или же наймут няню. Недостаточное количество мест в детских яслях усугублялось еще и необычайно высокой рождаемостью в Магнитогорске (36 на 1000 в 1937 году).

А во-вторых, в переполненных детских яслях очень быстро распространялись эпидемии обычных заболеваний детского возраста (свинка, корь, дифтерит, скарлатина).

После того как ребенок достигал трех- или четырехлетнего возраста, его переводили в детский сад или на детскую площадку. Задача этих организаций была менее сложной и менее трудной, чем яслей. Их работа облегчалась тем, что рядом была широкая степь, где дети могли бегать и играть на солнце и свежем воздухе без особого присмотра.

С семи лет дети начинали ходить в школу, и предполагалось, что в те часы, когда в школе нет уроков, родители будут заботиться о них. В очень редких случаях, когда родители не могли этого делать, дети жили в «доме ребенка».

В 1935—1936 годах количество средних школ увеличилось с 34 до 45. Все новые школы размещались в отличных, хорошо освещенных зданиях из армированного бетона, они были удобно расположены и хорошо оборудованы. Но не только строили новые школы: достраивали старые, увеличивали их площади, что давало возможность около тридцати тысячам детей учиться в одну смену, а не в две или три, как раньше.

Учебный план десятилетней школы представлял собой нечто среднее между планами американской средней школы и французской бакалаврской и английской школ, готовящих учеников к поступлению в высшие учебные заведения. Курс обучения включал в себя математику (до производных функций), биологию, общую химию, общую физику, один иностранный язык (латынь не преподавали), историю (особое внимание уделялось русской истории, главным образом послевоенному периоду, и очень мало внимания истории древнего мира, Возрождению и американской истории), основы гражданского права, астрономию, литературу (здесь тоже основной упор на изучение русской литературы), экономгеографию, элементарный курс музыки и искусства, политическую экономию и многочисленные курсы и кружки по изучению ленинизма, истории и структуры Коммунистической партии Советского Союза, текущих событий и так далее. Ученики, проявлявшие гораздо больше энтузиазма и интереса к учебе, чем большинство учащихся в Америке, обучались здесь очень многому и заканчивали школу-десятилетку хорошо подготовленными к получению высшего образования, особенно в области точных наук. Обучение было бесплатным вплоть до 1940 года, когда за учебу в школе после седьмого класса стали взимать до двухсот рублей.

Дисциплинарные и организаторские вопросы в школах решались в «прусской» манере. У ребенка было очень мало выбора относительно того, что ему изучать и когда. От плана Дальтона и других экспериментальных, прогрессивных образовательно-педагогических схем, опробованных в первые послереволюционные годы, отка-

зались. Это произошло потому, что Советскому Союзу были нужны инженеры, химикн, бухгалтеры н учителя, а все эти профессии требовалн глубоких, основательных, систематизированных знаний в одной из этих областей. Различные общеобразовательные системы не моглн дать ребенку этих иеобходимых глубоких познаний; они скорее были направлены на развитие своеобразия и оригинальных черт его личиости, независнмости суждений, способности критически мыслить. Развитие этих качеств привело бы к появлению потенциально опасных граждаи в Советском Союзе, и с точки зрения «диктатуры пролетариата» эти черты характера былн скорее помехой, иежели достоииством, или, выражаясь финансовыми терминами, они были пассивом, а не активом.

Поэтому советская система обучения вернулась к старому, испытанному методу, дававшему результаты. Коиечио, он не уничтожил полностью в детях оригинальность, независимость суждений и критическое мышлеиие. Но он действительно сильно облегчнл обученне точным иаукам.

Для тех детей, которые не хотели заканчивать полный курс средней школы, а предпочитали овладеть какой-либо профессией, существовали две основиые разновидности профессиоиальных школ — ФЗД и ФЗУ — при заводах. Оба вида этих училищ были хорошо оборудоваиы, и в иих принимали учеников, начиная с тринадцати лет и старше, закончивших школу-шестилетку. В этих учебных заведениях готовили сварщнков, механиков, электриков и других специалнстов. Когда ученику исполнялось пятнадцать, он начинал проводить половину своего шестичасового рабочего дня в цехе завода на практическнх занятиях. Оставшуюся часть времени он занимался теоретической подготовкой в школе. В восемнадцать лет мальчик или девочка уже считались взрослыми. Один из тех видов школ-училнщ находился в веденни Совета иародного образования, а другой — в ведении заводского отдела кадров. Детям платнлн от 30 до 80 рублей в месяц. В обоих школьных зданиях были оборудованы механические мастерские, н они были оснащены сварочиым, кузнечным и литейным оборудованием, а также и деревообрабатывающимн станками.

В ФЗУ и ФЗД учнлось много представителей национальных меньшинств: татар, казахов, киргнзов и так далее. Для того чтобы помочь этим учащимся, в обеих

школах были организованы специальные отделения, где обучение проводилось полностью на национальном языке, а русский преподавался как иностранный.

Мы посетили несколько занятий в ФЗД и увидели группу двенадцати- и четырнадцатилетних кочевников. В то время как любой американский двенадцатилетний мальчик умеет пилить, строгать и даже чинить простые электрические моторы, эти сыновья и дочери Тамерлана и Чингисхана никогда раньше не видели молотка. Единственное, что они когда-либо забивали, был колышек для юрты, который вгоняли в землю при помощи камня. Им приходилось начинать все с самого начала.

Закончив десятилетку или же самостоятельно подготовившись к экзаменам, учащийся (обычно в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет) мог поступать в высшее учебное заведение. В Магнитогорске можно было поступить в строительный, металлургический и педагогический техникумы, горно-металлургический (скорее, это был настоящий университет) и медицинский институты, специальные училища, готовящие медсестер, милиционеров, а также в летную школу и на другие военные курсы, организованные Осоавиахимом (обществом химической и воздушной обороны).

Строительный и металлургический техникумы готовили специалистов-техников, которые получали в основном практические познания в соответствующих областях. Точно так же медицинский техникум готовил акушерок-интернов, которые могли принимать роды, лечить переломы рук и выслушивать стетоскопом легкие и сердце, но у них не было никакой врачебной теоретической подготовки. Прием во все эти техникумы осуществлялся во время конкурсных экзаменов, к участию в которых допускались все закончившие восемь классов. До 1937 года во всех техникумах было дневное отделение, где студенты получали стипендию, составлявшую около ста рублей, и посвящали все свое время учебе, а также вечернее отделение, где студенты не получали стипендии. Однако эти студенты-вечерники так уставали от работы на комбинате, что не могли достаточно хорошо заниматься. После 1936 года вечерние отделения были упразднены так же, как и вечерние отделения в институтах год спустя.

Во второй половине дня мы с трудом взобрались на холм рядом с шахтой, где добывали железную руду, и направились в инженерную школу, которую я посещал

четыре нлн пять вечеров в неделю. Горно-металлургнческий иинститут прииимал людей, закончнвшнх школу-десятилетку, для которых устраивался конкурсиый экзамен. Сейчас здесь учнлось около пятнсот студентов. Полиый курс обучення длнлся пять лет. Здесь былн хорошне библнотека и оборудованне. Преподавательский состав был превосходный, а админнстрацня — полностью некомпетеитиа.

Около сорока процентов студентов в этом ннстнтуте составляли жеищины, шестьдесят процентов были русские, а остальные сорок — татары, укранннцы, белорусы н еврен. В вечерннх группах занимались студеиты в возрасте тридцатн двух-тридцатн трех лет, а на дневиом отделенни среднннй возраст студентов был двадцать пять-двадцать шесть лет, хотя иекоторым студентам было даже пятьдесят.

Педагогическнй техиикум готовил учнтелей иачальиых классов, а педагогический ииститут — учителей среднных классов. Требовання прн поступленнн н продолжнтельность обучення былн прнмерно такими же, что н в металлургическом и строительном инстнтутах и техникумах. После весьма значнтельного увеличення зарплаты учнтелям в 1935 году начался большой наплыв желающнх (и особенно жеищии) поступить в педагогический иинститут, в котором обучалось около шестисот студеитов. У учителей был четырехчасовой рабочнй день, двухмесячный отпуск летом, и онн зарабатывалн в месяц четыреста рублей и больше.

Такие условня труда казалнсь очень хорошнмн дочери или брату заводского ннженера в Магннтогорске, который, если что-ннбудь было не так, мог не снимать рабочей одежды по иескольку дней подряд.

Средн магннтогорскнх студентов было много уже взрослых мужчин и женщнн, которые днем отрабатывалн свои смены иа комбннате. С самых первых дней стронтельства Магннтогорска профсоюзы оргаинзовали курсы для неграмотных. В 1937 году нх посещалн свыше десятн тысяч взрослых. Тем не менее пресса жаловалась, что это чнсло составляет только половину действнтельиого колнчества неграмотных в Магннтогорске. На этнх курсах обычно преподавалн учащнеся среднних школ, перед которыми стояла трудная задача — научить сорокалетнних людей — а это былн в основном женщнны — читать, пнсать, а ннogда даже счнтать.

Для того чтобы обеспечить комбинат квалифицированными рабочими, на протяжении всего периода тридцатых годов организовывались профессиональные училища. Одним из лучших было училище прокатных станов, куда я и повел Боба. Это профессиональное училище начало работать в одной из комнат барака за месяц-два до того, как прокатный стан был пущен в строй. С этого времени училище постоянно росло. К январю 1936 года там учились девятьсот пятьдесят студентов, двадцать пять из которых занимались только учебой и получали за это от ста до двухсот пятидесяти рублей ежемесячно. Остальные учащиеся посещали занятия по вечерам.

Училище готовило рабочих-прокатчиков, крановщиков, электриков, механиков и газовщиков коксовых батарей. Учителями были инженеры из прокатного цеха, получавшие за преподавание от четырех до пяти рублей в час.

В это училище могли поступить только неквалифицированные рабочие, но от них требовалось, чтобы они умели читать и писать, а также знали основные арифметические правила. Считалось, что на рабочих, уже имеющих какую-либо специальность, не надо тратить государственные средства, чтобы обучить их еще одной специальности, в то время как ежегодно в промышленные центры приезжают тысячи крестьян, которые могут работать только там, где требуется неквалифицированная рабочая сила. Продолжительность первого курса обучения составляла шесть месяцев. К концу этого периода учащиеся приобретали достаточно элементарных знаний по физике, химии и механике, чтобы овладеть своими профессиями, к тому же они получали и практическую подготовку.

По прошествии шести месяцев учащегося переводили из чернорабочего на тот участок, где он начинал работать по своей, только что приобретенной специальности и получал четвертый разряд. В течение первых нескольких месяцев к нему «прикрепляли» опытного квалифицированного рабочего, получавшего ежемесячно на несколько рублей больше за то, что он руководил работой новичка, исправлял его ошибки и вообще во всем ему помогал.

После этого, если новоиспеченный механик или электрик хотел и дальше повышать свою квалификацию, а он обычно хотел, то он возвращался обратно в училище на второй курс, длившийся около восьми месяцев. По

окончании этого курса он получал пятый или шестой разряд. Получение более высокого разряда означало повышение в зарплате, что и было дополнительным стимулом для желающих продолжать обучение.

Начиная с конца 1935 года все рабочие, и старые, и молодые, должны были сдавать экзамены по технике. Эти экзамены проводились мастером, которому часто помогали представители администрации, и они брались за проверку как по практическим, так и по теоретическим вопросам, непосредственно связанным с выполняемым данным рабочим делом. Сдав такой экзамен на «технический минимум», каждый рабочий получал техническое удостоверение, в которое были внесены его профессия, разряд и оценка, полученная на экзамене. Ни один квалифицированный рабочий после лета 1936 года не имел права работать без такого удостоверения.

Сдав экзамен на восьмой разряд, рабочий заканчивал образование в этом профессиональном училище, и мог поступать в одно из высших технических училищ или институтов в городе или же на курсы мастеров.

Эта совершенная система профессиональных училищ позволила сделать очень многое для ликвидации традиционной русской неграмотности и технической неподготовленности.

Каждый вечер с шести до двенадцати часов трамваи и автобусы Магнитогорска были битком набиты взрослыми учащимися, спешащими в школы и училища или, наоборот, оттуда, с книгами и тетрадями под мышкой, обсуждающими Лейбница, Гегеля или Ленина, решающими задачи, разложив тетради на коленях, и вообще ведущими себя точно так же, как школьник в нью-йоркском метро во время экзаменационной сессии. Эти учащиеся, однако, не были подростками, и это было не во время экзаменов. Они были просто представителями населения Советского Союза, стремящегося наверстать упущенное для учебы время.

Глава III

Побывав с Бобом во многих школах и училищах, я повел его в больницу, чтобы он смог составить впечатление о магнитогорской медицине.

Магнитогорская больница была размещена в двадцати

бараках, построенных в 1932 году, во многих из них не было водопровода, горячей воды и канализации. В 1937 году здесь было около тысячи четырехсот коек, распределенных между хирургическим, родильным, инфекционным, терапевтическим, детским и несколькими другими отделениями. Больница всегда была переполнена, особенно хирургическое отделение. Там было достаточно много хороших хирургов и операционных сестер, но в целом в больнице было мало персонала, а врачам и медсестрам обычно не хватало опыта. В бараках летом было жарко, а зимой холодно, очень часто там бывало и грязно.

Больница находилась между металлургическим институтом и трамвайной линией. По пути в институт и из института мы каждый вечер проходили по территории больницы. В течение двух лет рядом с бараком, где находилось родильное (акушерско-гинекологическое) отделение, стояла большая бочка. Увидев ее первый раз по дороге в институт, я из любопытства заглянул внутрь этой бочки. После этого, проходя мимо, я уже старался ее не замечать. Но однажды зимним вечером я споткнулся и упал на что-то, лежащее на земле. Поднявшись, я вернулся назад, чтобы посмотреть, за что же я зацепился. Это оказался послед (плацента), который выпал из бочки, а потом примерз к земле.

Я пожалел Боба и не повел его к этой бочке, но зато показал ему объявление на двери маленького барака, служившего моргом: «Трупы выдаются родственникам только с трех до пяти».

Еда, которой кормили пациентов в больнице, часто была далеко не лучшего качества: в 1936 году сумма денег, отпускаемая на одного пациента, составляла около шести рублей в день.

Лечили в больнице, как и во всех других санитарных учреждениях города, бесплатно. Стоило только заболеть, чтобы попасть туда, если в это время в больнице было свободное место. Если же мест не было, то больного часто приходилось отправлять домой. В 1936 году была организована в довольно широких масштабах служба «скорой помощи», доставлявшая в больницу пациентов, и особенно это касалось жертв несчастных случаев на комбинате. Тем не менее, когда один из моих знакомых (дело происходило уже в 1937 году) позвонил поздно ночью в больницу и попросил прислать «скорую помощь» за своей

больной женой, его спросили: «Она еще в сознании?» И когда он ответил на этот вопрос утвердительно, то ему сказали, что свободных машин «скорой помощи» нет и врачи не приедут.

Несколько отделений центральной больницы были расположены, по вполне понятным причинам, за чертой города: психиатрическое *, туберкулезное и венерологическое (и отделение, и поликлиника). В психиатрическом отделении, рассчитанном на сорок мест, находилось шестьдесят пациентов, работали один врач и две медсестры. Находилась там и большая тифозная больница, существовавшая еще в 1933 году, о которой шла страшная слава. Она была ликвидирована в 1936 году, когда тиф практически исчез, благодаря прививкам и повсеместному улучшению жизни населения.

В ведении Совета по здравоохранению находилось восемнадцать поликлиник, представляющих все виды медицинского обслуживания от стоматологии до электро- и гидротерапии. Некоторые из этих поликлиник были оборудованы и оснащены гораздо лучше, чем центральная больница. Например, поликлиника, находившаяся в Кировском районе, была чистой и хорошо налаженной, там были и маленькая лаборатория, где делали анализы, и рентгеновский кабинет, и первоклассное стоматологическое оборудование.

Кроме вышеперечисленных медицинских учреждений, Совет по здравоохранению ведал также и станциями «скорой помощи», находившимися во всех основных цехах комбината, где работали квалифицированные медсестры (а в некоторых случаях и врачи), и большой экспериментальной лабораторией по гигиене, занимавшейся исследованиями в области промышленной гигиены и профилактики.

Все врачи и другие сотрудники больниц и поликлиник получали зарплату от Совета по здравоохранению. Доктора зарабатывали от четырехсот до нескольких тысяч рублей ежемесячно. Официальный рабочий день советских врачей длился четыре-пять часов. Если они работали дольше этого положенного времени, то получали деньги за сверхурочную работу. Из-за того, что в Магнитогорске катастрофически не хватало врачей, большинство из них работали по пятнадцать часов в сутки. Это было

* См.: Магнитогорский рабочий. 1937. 29 октября.

абсолютно незаконно, но поскольку врачей не хватало, то профсоюз медицинских работников дал свое согласие, чтобы Совет по здравоохранению разрешил своим сотрудникам работать больше, чем положено по закону.

Любой больной в Магнитогорске получал самые лучшие медицинскую помощь и заботу, какие только могло предоставить общество. Город тратил четвертую часть своего бюджета на медицину. Жители Магнитогорска воспринимали предоставляемое обществом медицинское обслуживание как нечто естественное, само собой разумеющееся, как одну из нормальных функций своего государства. Им казалось немыслимым, что в Америке у многих врачей нет пациентов, в то время как множество больных мужчин и женщин не получают медицинской помощи.

Глава IV

Мы с Бобом вернулись домой в шесть часов, как раз к обеду. Я думал, что теперь-то уж он захочет немного передохнуть; но после того, как мы пообедали, он заставил меня целый час читать ему местную газету. Я перевел часть передовицы, озаглавленной «Доменщики могут и должны выполнять план».

В ней здорово попало начальнику цеха Михайловичу:

Однако, к сожалению, товарищ Михайлович и другие руководители доменного цеха пытаются все объяснить «объективными» факторами. Они все время жалуются то на отсутствие хорошей руды, то на плохое качество кокса и т. д. Это не что иное, как детская попытка найти себе оправдание, в чем легко убедиться: в то время как товарищ Михайлович и его приятели постоянно жалуются на нехватку кокса, в течение только февраля они умудрились сжечь на двадцать тысяч тонн больше, чем им полагалось получить на месяц по плану...

Я дочитал статью до конца. Там были также строки о плохой организации выдачи зарплаты рабочим-газовикам доменных печей и явное предостережение Михайловичу, что лучше бы ему заняться делом и получить какие-то конкретные результаты своей работы к Первому мая — иначе... ему не поздоровится.

Далее следовали полторы колонки новостей из-за рубежа, подробно рассказывалось об изменениях в составе

правительства Испании, был там и сокращенный перевод манифеста, распространенного новым правительством Негрина, призывающего к солидарности всех настоящих испанцев в проведении чистки в республиканской армии в течение последующих нескольких часов или уж в крайнем случае нескольких дней. Предлагалось «вычистить всех трусов, предателей и колеблющихся элементов». После этого шел дословный перевод манифеста Политбюро Испанской коммунистической партии, призывавшего весь испанский народ оказать твердую поддержку правительству Единого фронта и освободить территорию Испании от всех предателей, интервентов и ренегатов. Затем следовали репортаж из Барселоны, полный уверенности в скорой победе, и два сообщения о выигранных республиканскими войсками сражениях на двух участках фронта. Потом я прочитал, в самом низу первой страницы, маленькую заметочку, очень заинтересовавшую нас обоих. В ней говорилось о строительстве новой железнодорожной линии Магнитогорск — Уфа, оно длилось уже почти пять лет и все еще было далеко от завершения:

К настоящему моменту строительные работы по линии Уфа — Магнитогорск, которая сократит железнодорожный путь от нашего города до Москвы и южных промышленных районов на 500 км, почти полностью прекращены. Однако в этом году они возобновятся. Будут сооружены мосты через реки Урал и Кизил, на всех участках дороги, где уже проложены рельсы, будет сделана насыпь. На эти цели правительство ассигновало 450 тысяч рублей, из которых 50 тысяч планируется потратить на культурные и общественные нужды рабочих, занятых на строительстве дороги и шахты по добыче марганцевой руды. Работы поручено проводить строительному тресту «Магнитстрой».

На следующей странице я прочитал длинную статью, написанную партийным работником, руководителем партийной ячейки, под названием: «По-большевистски выполнять решения пленума райкома». Оказалось, что на пленуме районного комитета было вынесено решение, что в каждую партячейку нужно принять несколько новых членов, однако партячейки не справились с этой задачей и никто пока не принят. Автор статьи бил себя в грудь, объяснял, что он не понял решения об увеличении партийных рядов, но теперь все осознал и принмется за работу. В статье не говорилось, что одна из основных

трудностей в решении этого вопроса заключается в следующем: большинство желающих вступить в партию не могли получить необходимые рекомендации от старых членов партии, потому что число последних уменьшилось, и они все более и более неохотно давали какие бы то ни было рекомендации.

На другой странице был опубликован отчет об итогах работы предыдущего дня на комбинате:

Руда	14 280	тонн	87,8 % плана
Кокс	4 125	»	79,7 »
Чугун	4 700	»	79,8 »
Сталь	4 112	»	91,4 »
Прокат	2 481	»	68,3 »
Блюминг	4 517	»	103,8 »
Прокатный стан-500	Закрыт на ремонт		
Прокатный стан-300 № 1	312	тонн	33,9 »
Прокатный стан-300 № 2	833	»	131,6 »
Прокатный стан-300 № 3	763	»	127,2 »
Прокатный стан-250	573	»	95,5 »
Агломерационный завод	14 820	»	87,8 »

На третьей странице газеты фигурным крупным шрифтом было напечатано: «Литературная страница», там было несколько стихотворений, присланных школьниками и слесарями-водопроводчиками, а также статья, написанная местной литературной знаменитостью и озаглавленная: «Первые стихотворения начинающих поэтов».

Боб вышел из нашей квартиры поздно ночью, и больше мы с ним не виделись. Он был убит в Испании, где сражался в чине майора * в составе Интернациональной бригады. Но когда я упаковывал вещи в 1931 году **, я обнаружил газету, которую когда-то переводил Бобу, и напечатанный под копирку экземпляр его записей.

* Major — майор; the major — слэнг (амер.) — старшина (должность).— *Примеч. переводчика.*

** Вероятно, в тексте книги допущена опечатка, и следует читать «1941», так как автор книги Дж. Скотт приехал в Советский Союз только в 1932 году.— *Примеч. переводчика.*

Глава V

В конце 1937 года я взял отпуск и поехал в Америку. Более пяти лет я провел в Магнитогорске, работая и занимаясь учебой. За исключением нескольких поездок в Москву и по Уралу, каждая из которых длилась не дольше одной-двух недель, я все время работал. Я хотел поехать домой и взглянуть на Америку. Маша тоже поехала бы вместе со мной, но она была советской подданной, и официальные власти отказались выдать ей заграничный паспорт.

После обычных проволочек я получил советскую визу на выезд и въезд и отправился в Москву, где с восторгом обнаружил, что могу купить билет до Нью-Йорка за рубли, хотя я не мог официально купить на деньги, заработанные мною в Магнитогорске, ни единого доллара или франка.

По мере того как я ехал все дальше и дальше на запад, пересекая Европу, большие и маленькие города становились все чище и чище, вокзалы, станции и маневровые пути все более ухоженными, а пассажиры, садящиеся в поезд и выходящие из него, были все лучше и лучше одеты.

Когда в Париже я вышел из скорого поезда, меня поразило большое количество разнообразных товаров. На каждом шагу кто-то пытался мне что-нибудь продать. Магазины были доверху набиты разными предметами, буквально умоляющими о том, чтобы их купили. Квартиры и номера в гостиницах стояли пустыми в ожидании того, чтобы их сняли или заняли. В России ожидание в очереди за хлебом или другими продуктами могло длиться несколько минут, в очереди за хорошим шерстяным костюмом можно было стоять часами, а за велосипедом — днями; во Франции и в Америке эти товары производились в избытке и даже мешали нормальному функционированию торговли в промышленности.

В Советском Союзе экономика была дефицитной, а страны капитала боролись с избыточной экономикой. Я уже знал об этом, однако все значение этой фразы смог полностью осознать только выйдя из здания вокзала Гар дю Нор в Париже, после того как провел в Советском Союзе пять лет.

Я зашел в ресторан и заказал себе лучший шатобриан, какой только у них имелся. Пока я его ел, двое

крепких, здоровых французских рабочих, по всей вероятности безработные, вошли туда просить милостыню. Во всей России вам было бы не найти куска мяса, так хорошо приготовленного и поданного, как тот шатобриан, который я ел, но вы могли проехать весь Советский Союз из конца в конец и не нашли бы двух здоровых и крепких, горящих желанием работать, мужчин, которые не могли бы найти себе работу. С другой стороны, эти двое французов — chômeurs * — были одеты лучше, чем большинство русских квалифицированных рабочих.

Уровень жизни во Франции и особенно в Соединенных Штатах несравненно выше, чем в Советском Союзе, и это бросалось в глаза на каждом шагу во время той поездки в 1937 году. Обеды рабочих коксовых печей в Магнитогорске состояли в основном из большой тарелки горячего, но жидкого супа и полфунта черного хлеба. Более высокооплачиваемые рабочие заказывали еще и мясо. У французских рабочих обеды были гораздо лучше; у них имелись велосипеды и обычно две-три комнаты на одну семью. Русские семьи, как правило, жили в одной комнате, велосипеды считались роскошью так же, как и хорошие кожаные ботинки и шерстяная одежда.

Бросалось в глаза и еще одно различие. В России за те пять лет, которые я там провел, материальные условия улучшились по крайней мере на сто процентов. Во Франции они остались такими же, возможно даже ухудшились. В Америке, вероятно, слегка улучшились, хотя я сомневаюсь, чтобы они изменились намного. Может быть у русского рабочего было всего не так уж много, но он чувствовал, что в следующем году получит больше. Его дети учились в школе и были уверены, что потом им будет предоставлена работа. Русский рабочий был обеспечен на тот случай, если он заболеет, точно так же, как и его дети. Безработица уже была забыта. Таким образом, он был, в сущности, настроен бодро и оптимистично, хотя его и беспокоили насущные проблемы, которых не было у большинства трудящихся других стран.

Я обнаружил, что мои старые друзья в Америке обеспокоены безработицей, ростом налогов, возросшей платой за медицинское и стоматологическое обслуживание, они

* Chômeurs (фр.) — безработные.— *Примеч. переводчика.*

беспокоились о том, как дать своим детям возможность закончить колледж, и, вероятно, больше всего их беспокоила общая тенденция развития американского общества и надежность социологических и экономических принципов, на которых оно было основано.

Разговаривая с людьми во Франции и в Америке, я был поражен интересом, проявляемым ими к Советскому Союзу, а также широко распространившимися неверными представлениями о России и вообще обо всем русском. У всех имелось на этот счет свое собственное, упрямо отстаиваемое мнение. Коммунисты и сочувствующие им люди считали Россию панацеей от всех зол. Они даже и слушать не желали никакой критики в адрес советской системы, руководителей в Кремле или «социализма» в том виде, как его строили в Советском Союзе. Другие были насквозь пропитаны историями Юджина Лайонса и не хотели даже допустить мысли о том, что Россия достигла чего-то еще, кроме хаоса, страданий и беспорядков. Они рассерженно отмахивались от явных успехов русских в промышленности и материальной сфере. Любой экономист или бизнесмен должен был бы видеть, что возросшее в три раза за одно десятилетие производство чушкового чугуна — это серьезное достижение и оно несомненно будет иметь далеко идущие последствия и может повлиять на расстановку экономических и военных сил в Европе. Чушковый чугун — это чушковый чугун, и не имеет значения, что доменные печи были построены специалистами-заключенными и раскулаченными крестьянами.

После жизни в Советском Союзе мне было очень трудно привыкнуть к американской рекламе. В России ее почти не существовало. Государство рекламировало облигации и сберегательные кассы, стремясь удержать людей от покупки товаров повседневного спроса, которых было еще мало. Ни в прессе, ни в метро, ни на плакатах и афишах, ни в объявлениях, ни по радио не рекламировался практически ни один товар, кроме косметики. Вместо того чтобы побуждать русских людей покупать и курить какой-то определенный сорт сигарет, их постоянно призывали изучать Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, принимать участие в работе обществ гражданской обороны, увеличивать выпуск продукции, снижать производственные затраты, улучшать качество и быть бдительными. Они курили те сигареты, которые

были в магазине и на которые у них хватало денег.

В то же время поразили бесполезность и тупость американской рекламы по сравнению с разумностью и целесообразностью политической и экономической рекламы, или пропаганды, русских. И в последующие годы, когда я несколько раз уезжал из Советского Союза и попадал в «капиталистический мир», это впечатление скорее усиливалось, а не ослабевало.

Проведя месяц в Штатах и две недели в Москве, я отправился обратно в Магнитогорск, нагрузившись товарами, купленными в Америке для Маши и детей, и предметами для дома. Мои чемоданы были набиты карманными электрическими фонариками, венчиками для взбивания яиц, поясами, туфлями, одеялами, несметным количеством других предметов. Я сдал их в багаж и ехал налегке, но в «твердом» вагоне третьего класса, потому что у меня уже почти не было денег. Три дня я ехал по России, трясясь и подпрыгивая на ухабах. У некоторых пассажиров были матрасы. На один вагон их полагалось двадцать штук. Они доставались тем, кто приходил первым. Мне повезло, я оказался одним из первых, когда мы выезжали из Москвы, и у меня был матрас.

Наконец мы прибыли в Магнитогорск, и несколько сот людей вылезли из поезда, образовав огромную толпу, которая ринулась к выходу из вокзала мимо грязного, засаленного буфета и красиво оформленного, большого газетного киоска. Я опять постарался оказаться в числе первых, так как знал, как важно быть впереди толпы. Мне это удалось потому, что я не был обременен большим количеством багажа и мог идти довольно быстро.

Футах в пятидесяти от вокзала проходила широкая трасса, движение на которой было весьма оживленным. У телеграфного столба с табличкой «Автобусная остановка» сейчас же образовалась очередь.

Через двадцать минут после прибытия поезда подъехал автобус и его тут же начали брать приступом. Немедленно поднялся невероятный шум и гам. «Кондуктор, не пускайте в автобус людей без очереди»,— закричали люди, пытавшиеся навести какой-нибудь порядок. Недисциплинированные вновь прибывшие не говорили ничего, но расталкивали всех плечами, пробираясь к автобусной двери. Кондукторша высунула голову из дверного проема и стала ругать людей, мешавших друг другу

и старавшихся пролезть первыми в автобус. «Граждане! — продолжала кричать кондукторша.— Что это такое, черт возьми! Вы разломаете автобус, и тогда никто не уедет».

Мне удалось протиснуться внутрь, и я, стиснутый со всех сторон, затрясся по ухабистой дороге; доехав до конца трамвайной линии, автобус изрыгнул свой груз и поехал на вокзал за следующим. Трамвай был меньше набит, и я с комфортом доехал до остановки «Базар», где в трамвай забрались несколько десятков мужчин и женщин с пузатыми хозяйственными сумками. У одной женщины через плечо был перекинут холщовый мешок. Трамвай уже отправился, когда мешок заходил ходуном и из него раздался какой-то визг. Женщина смутилась, а пассажиры стали интересоваться, что у нее там, и, когда она наконец открыла мешок, все увидели двух поросят, которые брыкались и визжали. Кондукторша дала звонок водителю, чтобы он остановил трамвай, и велела женщине с поросятами сойти. Женщина пыталась возражать, но кондукторша настояла на своем — поросятам не место в трамвае.

Глава VI

На следующий день, приняв ванну и приведя себя в порядок, я отправился на комбинат, где обнаружил, что за время моего отсутствия чистки приобрели удивительно большие размеры. Люди боялись любого иностранца и всего иностранного. Главный мастер коксового завода сказал, избегая смотреть мне в глаза, чтобы я встретился с Сёмичкиным.

Сёмичкин выглядел измученным, обеспокоенным и раздраженным. Как я узнал позже, его несколько раз допрашивали органы НКВД, хотя и ни разу не арестовывали. «Прости, Джек,— сказал он сдержанно.— Я ничего против тебя не имею. Но мы не можем держать здесь иностранцев. А ты не только иностранец, ты еще к тому же только что был за границей».

Я ушел с завода и направился домой, чтобы все обдумать. Маша рассказала мне, что почти все иностранцы либо уже уехали, либо собирались уезжать: те, у кого были иностранные паспорта, возвращались обратно

домой в свои страны, а тех, кто принял советское гражданство, арестовывали и отправляли в Сибирь.

У меня был длинный разговор с Колей. «Лучше уезжай,— сказал он.— Сейчас иностранцам здесь не место».

В тот вечер мы с женой приняли решение уехать. На следующий день Маша подала заявление с просьбой разрешить ей уехать в Америку на постоянное место жительства. Прошло почти четыре года, прежде чем ей дали это разрешение на выезд. Я оставался в Магнитогорске еще три месяца, живя на Машины деньги и ожидая, когда ей дадут разрешение уехать. У меня не было работы, и поэтому двери института были для меня закрыты. Я играл с Андре в шахматы до тех пор, пока его не арестовали. Я понял, что мои друзья чувствуют себя очень неуютно, когда я прихожу к ним в гости, так что бо́льшую часть времени я сидел дома, стуча на машинке. Каждую ночь в Кировский район приходили, шатаясь от усталости и с красными от недосыпания глазами, сотрудники специальных групп, производивших аресты.

Глава VII

Джо Барнс приехал в Магнитогорск на несколько дней, и я повел его посмотреть город, хотя ни одному из нас так и не удалось получить разрешение посетить комбинат. Тогда, в 1938 году, в городе было много, что стоило посмотреть. Часть глинобитных домишек и деревянных бараков исчезла, уступив место жилым домам из железобетона. Появились залитые светом мощеные улицы, городской парк и даже девятиэтажный «небоскреб» местного значения. Хотя город все еще находился на первоначальной стадии своего развития и было еще очень далеко до воплощения грандиозных планов создания образцового города стоимостью в миллиард рублей, который должны были в конце концов построить на другой стороне озера, но в нем уже насчитывалось пятьдесят школ, три института, два больших театра и полдюжины театров поменьше, семнадцать библиотек, двадцать два клуба, восемнадцать поликлиник и много других общественных и культурных учреждений.

В то время как в Кировском районе в основном жили бригадиры, мастера и квалифицированные рабочие,

а также небольшое число учителей, врачей и служащих различных городских учреждений, большинство административно-технических и политических работников, занимавших высокое положение, переехали в Березки, где раньше жили иностранные специалисты. Здесь, помимо хорошо построенных и оборудованных домов для иностранцев, Завенягин возвел дюжину больших домов для себя и своих наиболее ценных сотрудников. Созданные по проекту молодого архитектора Сапрыкина, они представляли собой почти точную копию проектов из американских архитектурных каталогов. В результате, как заметил Джо, получилось нечто, весьма напоминающее Маунт Вернон в штате Нью-Йорк или же Джермантаун в Пенсильвании. Дома были расположены на холме. Вокруг каждого дома был большой сад, землю для которого (в отдельных случаях) привозили на грузовиках из мест, находящихся за много миль отсюда. Дом Завенягина по сравнению с большинством советских домов выглядел дворцом. Это был трехэтажный, отштукатуренный снаружи кирпичный дом из четырнадцати комнат, в котором были бильярдная, игровая для двух маленьких сыновей Завенягина, музыкальный салон и большой кабинет. Позади дома находился небольшой олений заповедник, а перед домом — роскошный сад. Все это было обнесено высокой стеной, увенчанной по верху частоколом. Перед входом всегда дежурил милиционер.

Другие дома, занимаемые главным инженером, начальниками различных цехов, партийным начальником *, начальником НКВД **, а также двумя старыми специалистами-заключенными — Боголюбовым, работавшим в шахтах, и Тихомировым, главным энергетиком — были поменьше, чем дом Завенягина, но также очень комфортабельны и удобны, даже роскошны. Все они были обставлены самой лучшей мебелью, какую только могла предоставить Харьковская мебельная фабрика. Дом Завенягина был меблирован на сумму 170 тысяч рублей, а сам стоил около 80 тысяч. Затраты на другие дома были соответственно меньше.

Интересный вопрос возник относительно оплаты за проживание в этих домах. Плата за дом и мебель Заве-

* Первым секретарем горкома партии? — *Примеч. переводчика.*

** Начальником городского отдела (управления) НКВД.— *Примеч. переводчика.*

нягина, если рассчнтывать ее с учетом двадцатнлетней амортизацин, составляла сумму около тысячи рублей ежемесячно только за амортизацню, не счнтая прнблнзительно такой же суммы на содержаиие дома, сада, и так далее. Зарплата Завенягниа была немногим более двух тысяч в месяц. Обитателн другнх домов находились в таком же положенни. Поэтому было приинято удобиое решенне: стоимость этих домов внестн в бухгалтерскне кннги всего жнлищного отдела управлення комбиината. Таким образом, сумма амортизации выплачивалась всеми, кто жил в любом доме, прииадлежащем комбиинату. Тем не менее обитателям домов все равио пришлось бы платнть очень виушительную сумму, так как оии заиималн слншком большую жнлую площадь. Поэтому было решено взять дома на баланс комбината, виеся расходы в графу «админнстратнвные». Таким же образом автомобили, находящнеся в распоряжеиии начальников цехов, главиых ниженеров н других чниовннков н используемые ие только для деловых поездок, но и для выездов иа охоту и в театр, былн оплачены, содержалнсь и обеспечивались шоферами за счет средств, выделяемых управлеиием комбината.

В Березках был прекрасный сад с теинисиым кортом, который знмой превращалн в каток. Вечером здесь ощущалась совсем ииая атмосфера, нежели в Кировском районе. Она напоминиала дух самодовольства, царившнй на Парк Авеню нли иа чикагском Золотом побережье. Так продолжалось до тех пор, пока удары чисток ие началн все чаще обрушиваться иа того, кто думал, что ои уже «достиг определеиного положеиия».

Я повел Джо взглянуть еще на одну часть города, которая иазывалась «Шанхай». Она представляла собой скоплеиие самодельных глннобитных домиков, сгрудившихся в овраге напротив железнодорожной сортировочиой стаиции. Здесь жили в основном башкиры, татары, киргнзы, построившне свон жилища из материалов, которые они иаходнли или воровалн на протяжеиии миогих лет. Крыши обычио делали из кусков старого металла и иногда нз дериа или соломы. В доме вместе с семьей жили цыплята, куры, свиньи н корова, если она имелась в хозяйстве. Такой способ размещений домашиего скота был обычным явленнем для бедиейших семей сельских районов России. Хозяевами этнх «землянок» были чериорабочне и нх семьи. Прннадлежавшие им куры и козы

свидетельствовали о том, что «они живут хорошо» с точки зрения стандартов русского крестьянства. У них были яйца и молоко, а отцы семейств, работавшие на комбинате, зарабатывали деньги.

В городе все еще оставалось несколько районов, состоящих из деревянных построек, бараков или каркасных домов. В самых лучших из них были центральное отопление, водопровод и канализация, однако большая часть этих домов не имела никаких удобств и все они были похожи на барак № 17, где я жил в 1932 и 1933 годах.

В 1938 году двести двадцать тысяч обитателей Магнитогорска жили следующим образом (я основываюсь на сведениях, которые смог получить через одного друга из отдела городского планирования):

Березки и гостиница «Центральная»	— 2 процента
Кировский район и другие многоквартирные жилые дома	— 15 »
Дома, находящиеся в личном пользовании	— 8 »
Бараки и другие «временные жилые помещения	— 50 »
Землянки	— 25 »

Тот же приятель сообщил мне, что городской бюджет Магнитогорска в 1937 году составлял 23 миллиона рублей, а в 1938 году — 31 миллион. Из этих сумм приблизительно половина шла на строительство и работу всех учебных заведений и около 35 процентов — на здравоохранение и улучшение санитарных условий. Деньги поступали из налоговых сумм, вносимых в основном комбинатом и другими организациями, а также наиболее высокооплачиваемыми работниками.

Мы с трудом дошли по занесенным снегом улицам до самого центра города, где в 1935 году профсоюзом рабочих металлургической промышленности был разбит большой парк. Там были две открытые танцплощадки, трамплин для прыжков с парашютом, один открытый и один закрытый шахматный и шашечный клубы, теннисный корт, баскетбольная и волейбольная площадки, тиры, два ресторана и очень красивый сад, где были посажены цветы и кустарники. Вход в парк стоил 50 ко-

пеек, и летом здесь каждый вечер было очень многолюдно.

Сейчас же он был пуст и уныл, хотя все еще висели афиши, рекламировавшие матч Всеуральского футбольного чемпионата, состоявшегося в сентябре в Магнитогорске.

Я показал Джо бараки ИТК*, где жили почти две тысячи мелких преступников, отбывавших сроки наказания до пяти лет за уголовные правонарушения. Пять лет назад число этих заключенных в Магнитогорске было в десять или пятнадцать раз больше.

Джо хотел осмотреть церковь, но я рассказал ему, что Магнитогорск — один из немногих городов с населением около четверти миллиона человек, где нет ни одной церкви. В маленькой деревеньке под названием «Магнитная» когда-то была церковь, которую в 1934 году приспособили под клуб, а затем это здание было заброшено и впоследствии затоплено после сооружения второй плотины. Исчезновение этой церкви в водах озера символизировало и приблизительно совпало по времени с исчезновением религии как социального и политического фактора в Магнитогорске. Иногда можно было увидеть, как крестьянин, только что приехавший из какой-нибудь отдаленной деревеньки, осеняет себя по старой привычке крестом; в бане время от времени можно было встретить пожилого мужчину с крестиком, висевшим у него на шее на шнурке. Эти остатки огромного былого влияния на русских людей греческой ортодоксальной церкви не были объектом преследования со стороны властей. В целом люди улыбались и подсмеивались над этими еще сохранившимися верующими, а в прессе и в школах проводилась неослабевающая кампания беспощадной атеистической пропаганды.

Глава VIII

Джо интересовали театр и кино. В Магнитогорске было десять театров, в которых могли одновременно разместиться 9 тысяч зрителей. Все эти театры при клубах, и поэтому мы пошли взглянуть на эти клубы, которых в городе насчитывалось двадцать три.

* ИТК — исправительно-трудовая колония.— *Примеч. переводчика.*

Деятельность клубов была весьма разнообразной — работали драматические кружки, спортивные секции, в том числе секции шахмат и шашек, литературные и художественные группы. Деньги на их содержание поступали от профсоюзов или из ассигнований на культурные нужды, выделяемых управлением комбината. Здесь не взимались клубные взносы, и все вечера, пикники и мероприятия проводились на общественной некоммерческой основе.

Вечер танцев, устроенный в 1935 году, стал популярным клубным мероприятием и до некоторой степени заменил народные танцы. Обычно танцевали под музыку, исполняемую на аккордеоне.

Мы пошли посмотреть фильм в кинотеатр «Магнит», вмещавший тысячу зрителей. Ежемесячно около двадцати тысяч человек посещали кинотеатры, это означало, что средний магнитогорский взрослый житель ходил в кино один раз в шесть недель. Здесь показывали в основном советские фильмы, но иногда демонстрировали и зарубежные киноленты, например «Огни большого города», «Под крышами Парижа», «Новые времена» и «Петер», а иногда и какой-нибудь ковбойский фильм (вестерн), снятый пятнадцать или двадцать лет назад.

В городе давали спектакли две постоянные профессиональные театральные труппы. Более старая труппа называлась ТРАМ (театр рабочей молодежи). За сезон 1937/38 года ТРАМ дал семьдесят представлений классических пьес и тридцать современных. Классические спектакли включали в себя пьесы Шекспира, Шиллера и большое количество пьес Н. А. Островского * (не современного прозаика, умершего в 1937 году, а драматурга старой школы).

Театральная труппа ТРАМ, организованная в 1932 году, сначала жила и работала в маленьком деревянном здании клуба, принадлежавшего профсоюзу рабочих-железнодорожников. В октябре 1932 года городские власти предоставили ТРАМу здание, которое, едва только его успели приспособить и переделать для постановки спектаклей, было снесено, потому что требовались стройматериалы для других строительных работ. На протяжении двух летних сезонов 1932 и 1933 годов труппа

---

* Автор, по всей видимости, имеет в виду Александра Николаевича Островского (1823—1886), хотя в тексте книги он дает инициалы «Н. А.».— *Примеч. переводчика.*

путешествовала по деревням, селам и колхозам, давая спектакли, среди которых были и пьесы, и короткие скетчи для людей, занятых на уборке урожая. Зимой ставили спектакли в разных клубах. Самой популярной актрисой, игравшей главные женские роли почти во всех пьесах современных авторов, была Шура Калгородова, история жизни которой весьма интересна, и о ней здесь стоит рассказать подробнее.

Мечтая стать актрисой, пятнадцатилетняя Шура уехала из родного дома в поисках счастья. Босая и частенько голодная, дочь безземельного крестьянина думала о театре, о блеске и славе великих звезд, которые добились многого, поднявшись из нищеты. Однако очень скоро Шура истратила те несколько копеек, которые у нее были, и ей грозила голодная смерть.

Что ей было делать? Вернуться домой? Никогда! Там и так не хватало хлеба, чтобы накормить досыта ее малолетних братьев и сестер; да и кроме того она же хотела стать актрисой, мечтала об автомобилях, огнях, красивой одежде, а в деревне были только лохмотья, грязь и куча дров, которые надо было колоть для местного кулака за двадцать копеек в день. Нет, она ни за что не вернется обратно. Преодолевая неимоверные трудности, она продолжала идти к Москве.

Чтобы не умереть с голоду, Шура стала воровкой, а потом и настоящей разбойницей: она была членом шайки, действовавшей в лагерях строителей, поездах, на рынках и базарах. Это происходило в 1928 году.

В начале 1932 года Шура появилась в Магнитогорске вместе с четырьмя другими членами банды — тремя мужчинами и одной женщиной. Хорошо одетые, с деньгами в карманах, они приехали не работать, а жить воровством и спекуляцией. Шуре было девятнадцать лет, она была очень хорошенькой, за подкладкой своего пальто носила десятидюймовый кинжал с резной ручкой. Но в глубине души она все еще лелеяла мечту о том, чтобы стать актрисой. Первое дело, в котором принимала Шура участие, было ограбление квартиры одного из главных инженеров строительства, однако она было чуть все не испортила, начав долгий разговор с инженером о ленинградском театре, когда ей надо было поговорить с ним только минут пять — до тех пор, пока ее дружки не выйдут из квартиры. Но это была только первая из многих трудных сцен, которые иллюстрировали ее сложные, про-

тиворечивые взаимоотиошения с товарищами по шайке.

В марте 1932 года был создан Магнитогорский театр рабочей молодежн — ТРАМ. Шура объявила, что оиа уходнт из шайки и собирается поступить в театр, после чего главарь стал угрожать, что он ее убьет. Тем ие меиее оиа ушла.

Шура обнаружнла, что все гораздо проще н легче, чем она ожидала. Продемонстрнровав свой несомнеиный талаит, оиа заияла свое место среди молодых рабочих, освобождеиных от работы и ставших профессиоиальнымн актерами. Шура жила в дортуаре театра, заинмалась дикцней, грамматикой и учила роли из иекоторых пьес.

Но связи с уголовиым мнром не так-то легко порвать. Были и угрозы, и короткая схватка одиажды ночью, когда Шура получила удар ножом по руке. С помощью одного молодого актера театра ей удалось связать вора н отвести в милицию.

Три месяца спустя арестовалн всю шайку, н Шура выступала на суде в качестве свидетельинцы. Когда те четверо, с которыми оиа пришла в Магиитогорск, получили сроки от двух до пятн лет, Шура почувствовала, что сбросила с себя бремя четырех лет бандитской жнзии, в которую поиеволе была втянута. Теперь можно было с головой уйти в свою работу в театре.

Я беседовал с Шурой несколько раз и обнаружил, что она не только хороша собой и полна энтузназма, ио также н чрезвычайно умиа. Это была длинионогая блоидиика, широкоскулая, с краснвым ртом н волевым подбородком. Она пылала страстью к театру вообще и к ТРАМу в частиостн.

В те дии, когда Театр рабочей молодежн завоевывал известиость среди рабочнх Магинтогорска, ои ставил агитационные скетчн о трудовой днсцнплнне, чнстоте в бараках н выполнеиии плаиа. Поскольку у труппы ие было своего настоящего театра, то многне спектакли ставились на заводах, в красных уголках (малеиькая комната в бараках нлн жнлых домах), в клубах, а когда погода позволяла, то и на улице в стнле французскнх групп «Сняя Блуза» (сннеблузннков). Театр тесио сотрудничал с комсомолом, члеиамн которого былн большинство актеров.

Так как труппа существовала совсем иедолго и основиая ее часть были вчерашние рабочие, то связь с комбиатом продолжалась. Театр, узиавая о конфликтных ситуа-

циях, возникавших между рабочими и различными организациями, драматизировал их и с помощью таких спектаклей заставлял администраторов-бюрократов лучше работать. Например, благодаря театру и стихам одного из актеров — Толкачева — конфликт между рабочими доменных печей и Нарпитом (трестом столовых) получил такую широкую огласку, что пришлось сменить все руководство Нарпита, и холодные обеды, так надоевшие доменщикам, ушли в прошлое.

В то же самое время театр начал ставить серьезные пьесы: «Улица Радости», «Девушка нашей страны», «Армия мира» и другие. Однако работе театра сильно мешало отсутствие подходящего помещения и компетентного режиссера.

В марте 1934 года Шуру и еще шесть молодых актеров послали в Москву, где они очень хорошо зарекомендовали себя, приняв участие во Всесоюзном театральном конкурсе, а затем у них была встреча с Серго Орджоникидзе, комиссаром тяжелой промышленности, который решал все важные вопросы, связанные с Магнитогорском. Серго радушно приветствовал молодых артистов. «Я чувствую Магнитогорск вот здесь»,— сказал он, указывая одновременно на сердце и на шею. А в конце беседы прибавил: «Передайте Завенягину, что я даю ТРАМу тридцать тысяч рублей и грузовик и предлагаю, чтобы и он дал столько же».

Возвратившись домой, актеры узнали, что администрация Магнитогорска уже сделала им подарок. Этот подарок заключался в обещании предоставить театру здание, что сильно подняло дух всей труппы. А через несколько месяцев московский Малый театр установил шефство над магнитогорским ТРАМом и прислал ему способного режиссера, а также всевозможные декорации и реквизит.

К концу 1935 года Театр рабочей молодежи уже ставил пьесы Островского и Горького.

В 1936 году, после завершения строительства нового клуба металлургов, к ТРАМу перешел по наследству Дом инженеров и техников, в театре которого была большая вращающаяся сцена, а зрительный зал вмещал тысячу пятьсот зрителей. В то же самое время в Магнитогорске был создан Художественный театр, его организаторами были профессионалы, присланные из Москвы и других крупных центров. Эти два театра вступили в соревнование друг с другом.

Только что органнзованному Художествеиному театру повезло в том смысле, что в состав его труппы входилн актеры, имеющне большой сцеиический опыт, и у иего было более компетеитиое техннческое руководство, зато ТРАМ был охвачен ие зиающнм граннц энтузиазмом молодых мужчии и жеищии (такнх, как Шура Калгородова), искавших свое место в нскусстве, о котором они годамн мечталн; и еще одио бесспориое преимущество было у ТРАМа — его прочные связи с жизиью Магиитогорска.

Более популяриым, чем театр, заведеиием был цирк, представлення которого для большниства рабочих с нх крестьянским и кочевым прошлым казались иитересиее, чем «Макбет» нли «Враги». Обычио было совершенно невозможно достать бнлеты в цнрк, прнходнлось это делать зараиее. Цирковые представлеиия напомииалн третьесортиые шоу в духе Барнума и Бейли. Время от временн делалнсь попытки увязать иомера программы со строительством социалнзма в одиой страие или с выполиеннем плаиа иа комбииате, что выглядело весьма иелепо н смехотворио.

Глава IX

После отъезда Джо я был прнзваи иа «фроит» ведення домашнего хозяйства, так как Маша в это время была в роддоме и потом вернулась домой с иашей второй дочкой. Вера заннмалась всемн домашиимн делами, а я ходнл в магазнн за покупками. Обычио я выходнл нз дома в первой половиие дия с хозяйственной сумкой в руках и заходил в центральиые магазииы н иа базар. Еды было вдоволь, и так как Маше предоставнли четырехмесячиый отпуск по беремеиности с полиым сохраиением содержаиня, то у иас были деиьги, чтобы купить все, что было иужио.

Проблема сиабжеиия рабочих достаточиым количеством продуктов пнтаиия н одежды раньше была очеиь острой, а ниогда совсем иеразрешимой. На протяженнн нескольких лет кооператнвным магазииам иечем было торговать, кроме хлеба н ниогда самых элемеитариых продуктов. В течеиие этого периода исчезли частиые магазииы, и едииственным источником сиабжеиня стал базар — большое открытое простраиство в три или

четыре акра на склоне и вершине холма, куда каждый мог прийти и продать имеющуюся у него любую вещь и получить за нее столько, сколько можно: милиция внимательно наблюдала, ища краденые вещи. В 1933 и 1934 годах цены на базаре были просто недоступными: хлеб, например, стоил до десяти рублей за килограмм, в то время как официальная цена хлеба в магазине была пятнадцать копеек.

После визита Орджоникидзе в Магнитогорск в 1933 году администрация комбината и местные политические руководители начали уделять серьезное внимание вопросам, связанным с потребительскими товарами. Под Магнитогорском были организованы специальные государственные сельские хозяйства (совхозы), чтобы снабжать город картофелем, молоком, капустой и мясом. К 1936 году продовольственный вопрос был решен. Иными словами, еды было достаточно, чтобы накормить всех. Однако все еще оставалась проблема распределения и доставки продуктов.

Постепенно была организована сеть магазинов и продукты стали доставлять на грузовиках, так что стало возможным купить запас продуктов на день, не выстаивая часами в очереди, и не надо было больше никому платить, чтобы кто-то стоял в очереди за тебя. С 1935 по 1937 год в Магнитогорске было пять образцовых гастрономов — продуктовых магазинов, которые были чистыми, хорошо организованными и имеющими достаточно большой выбор товаров, хотя цены в Магнитогорске были значительно выше, чем в магазинах Америки.

Следующая таблица может дать представление о ценах на продукты в Магнитогорске зимой 1937/38 года. Цены даны в рублях и копейках. (Один доллар равняется пяти рублям и двадцати шести копейкам по номинальному обменному курсу. В то время средняя зарплата рабочих в Магнитогорске составляла немногим более трехсот рублей в месяц.)

Молоко	— 2 руб. за литр (кварту). Небольшие сезонные колебания цены.
Мясо	— от 3 руб. 50 коп. до 10 руб. за 1 кг (от 1 руб. 60 коп. до 4 руб. за фунт) в магазинах. От 5 до 20 руб. за 1 кг (от 2 до 8 руб. за фунт) на базаре.
Яйца	— 1 руб. за 1 штуку (не всегда можно достать).
Масло	— от 14 до 20 руб. за 1 кг (от 6 до 8 руб. за фунт).

Колбаса	— от 7 до 20 руб. за 1 кг (от 3 до 8 руб. за фунт).
Мука	— от 2 до 5 руб. за 1 кг (от 80 коп. до 2 руб. за 1 фунт).
Рис	— 5 руб. 50 коп. за 1 кг (2 руб. 50 коп. за 1 фунт).
Другие крупы	— от 3 до 5 руб. за кг (от 1 руб. 30 коп. до 2 руб. за 1 фунт).
Яблоки	— 3 руб. 50 коп. за 1 кг (1 руб. 60 коп. за 1 фунт). Очень плохие, обычно мороженые. Спрос так велик, что их почти невозможно достать.
Картофель	— 50 коп. за 1 кг (20 коп. за 1 фунт).
Капуста	— 75 коп. за 1 кг (30 коп. за 1 фунт).
Репа, морковь и свекла	— часто можно достать за ту же цену, что и капусту.
Сигареты	— от 1 до 5 руб. за пачку (в пачке 25 штук сигарет).
Водка	— 12 руб. за литр.
Различные сорта вин, включая шампанское,	— от 6 до 20 руб. за бутылку емкостью в 1 пинту.

В 1937 году различными снабженческими организациями Магнитогорска было продано продуктов питания и одежды на сумму 212 миллионов 500 тысяч рублей. Однако это соответствовало только 80 процентам плана. План был не выполнен отнюдь не потому, что не хватало покупателей, а потому, что не хватало товаров для продажи.

Проблема снабжения одеждой, оттесняемая на второй план продовольственным вопросом, пока не появилось достаточное количество продуктов, встала особенно остро после 1936 года. В городе было много потенциальных покупателей с устойчивым доходом, карманы которых были набиты деньгами, и каждую неделю эти люди проводили свои свободные дни, жадно охотясь за костюмами, мебелью, швейными машинками, тканями, фарфором, столовыми приборами, обувью, радиоприемниками и еще за тысячью и одной вещью, производимыми легкой промышленностью и продаваемыми, например, в Соединенных Штатах Сиарз-Роубак, Мэси и Вульверс.

Еще двадцать лет назад подавляющее большинство русских жили в деревнях и большая часть этих людей никогда не покупали ничего, сделанного промышленным способом, за исключением гвоздей, лемеха плуга или небольшого куска материи. Каждая семья сама шила себе одежду и постельное белье, делала мебель, деревянные миски и т. д., в каждой деревне был свой, деревенский сапожник.

В течение этих двух десятилетий тридцать пять миллионов русских крестьян покинули свои деревни и стали городскими жителями, зарабатывающими деньги и тре-

бующими промышленных товаров. Оставшиеся в деревнях крестьяне, работающие в колхозах или в государственных сельских хозяйствах (совхозах), также требовали промышленных товаров. Советская легкая промышленность, хотя и растущая, была совершенно не способна удовлетворить огромный спрос, особенно учитывая последовательную политику правительства ограничивать импортные закупки предметов повседневного спроса и поощрять развитие тяжелой промышленности и выпуск ее продукции гораздо больше, чем легкой.

Качество промышленных товаров (например, обуви, костюмов и тканей) было, как правило, низким, хотя некоторые вещи, например новые коротковолновые радиоприемники, были сравнительно высокого качества.

Цены на промышленные товары были ужасающе высоки. Хорошая пара обуви в 1936 году стоила двадцать рублей, а в 1938-м — триста рублей. Хорошие шерстяные костюмы достать было практически невозможно, а если они и появлялись в магазине и кому-то везло настолько, что удавалось купить один костюм, то за него надо было заплатить от пятисот до тысячи пятисот рублей (ежемесячная зарплата квалифицированного рабочего).

В 1937 и 1938 годах появилось много новых промышленных товаров, например пылесосы, взбивалки для яиц и тому подобные предметы; очереди за обувью, хлопчатобумажными и шерстяными тканями стали короче, магазины — чище, а обслуживание улучшилось.

Глава X

После трех месяцев ожидания, за которые я успел написать немыслимо плохой роман и немного выучиться японскому языку, мы решили, что надо что-то делать. Возможность работать в Магнитогорске, по всей видимости, исключалась. Власти сообщили нам, что Машино заявление будет рассматриваться, может быть, в течение нескольких месяцев.

Мы решили, что я должен ехать в Москву и постараться получить работу в качестве переводчика или секретаря у какого-нибудь иностранного корреспондента. Это означало, что придется на время расстаться с семьей, но казалось, что никакой другой альтернативы не было.

Всегда очень затруднительно быть женатым на человеке, имеющем паспорт другого цвета, и особенно в кризисные времена. В данном случае прошло почти три года, прежде чем мы смогли разрешить все вопросы, для того чтобы вместе уехать в Соединенные Штаты, да и то произошло это в основном благодаря помощи Американского посольства в Москве и некоторых друзей в Вашингтоне.

Часть IX

СЦЕНА ПУСТЕЕТ. ЗАНАВЕС

Глава I

Я покидал Магнитогорск с большим сожалением. Пять наиболее активных лет моей жизни были связаны с промышленными предприятиями этого города. Мои руки помогали строить доменные печи, я проливал пот в летнюю жару, отмораживал нос и щеки на ледяных ветрах, прилетавших зимой из Арктики, видел, как миллионы тонн железа и стали отправляли из Магнитогорска на машиностроительные и военные заводы Советского Союза.

Я уезжал из Магнитогорска, глубоко потрясенный тем, что многие мои знакомые были арестованы. Все это казалось таким нелепым, противоречащим всякому здравому смыслу. Сталинская Конституция 1936 года обещала демократическое и свободное общество. Вместо этого оказалось, что НКВД — это основная организация, от которой зависит все происходящее, что чистки уничтожают, буквально пожирают все, что уже было создано.

У меня был разговор на эту тему с Сёмичкиным, когда я зашел к нему попрощаться. Он относился ко всему происходящему более здраво и спокойно, чем я. «Если я не ошибаюсь,— сказал он,— вы у себя в Америке терпели систему крепостного, рабского труда почти столетие после того, как ваша великая конституция, гарантировавшая всем свободу, вступила в силу. Ваша система выборов была пародией на всеобщее избирательное право на протяжении нескольких десятилетий после того, как у вас свершилась революция. Наша же Советская Конституция — это программа будущего. Она отражает то, что мы строим и что наверняка построим. Конечно, сейчас наши выборы смехотворны. Ограничиваются гражданские права и свободы. Но пока что только одно

поколение наших людей живет при новом строе, и мы сейчас ведем войну. Не забывай это».

Конечно, Сёмичкин был прав. Многие люди в Магнитогорске поддержали бы его мнение. Мало кто из жителей этого города был знаком с историей США, и очень немногие могли так четко и сжато выражать свои мысли, как Сёмичкин, но все они понимали, что Россия ведет классовую борьбу против всего остального мира и в то же время закладывает основы нового общества, более прогрессивного, чем любое другое общество на Западе,— общества, которое будет гарантировать своим гражданам не только свободу личности, но и уверенность в том, что экономически они будут обеспечены,— общества, за которое стоило проливать кровь, пот и слезы.

Миллионы людей, сосланные в Сибирь (политические, раскулаченные), были племенем, потерянным для общества. Они стали жертвами, возложенными на алтарь Революции и Прогресса. Через двадцать — тридцать лет никого из них не будет в живых, и, возможно, к тому времени советское общество сможет функционировать, не выбрасывая за негодностью огромное число своих граждан на помойку. Это очень жестокая концепция, но тем не менее она существовала, и это был всего лишь один параграф в длинном списке расходов на выживание города Магнитогорска — сталинской крепости на Урале.

Одно умозаключение, к которому я пришел еще до моего отъезда из Магнитогорска, продолжаю считать правильным. Западным людям нет места в России. Эта страна, принадлежащая русским, и это их Революция. Может быть, американцам и жителям западно-европейских стран иногда удается понять это, но им очень трудно — почти невозможно — найти здесь свое место.

Я сумел выжить и приспособиться ко многому: к черному хлебу, протухшей соленой рыбе, холодам и тяжелой работе — ко всему, что было для меня довольно необычным. Я не смог пережить чистки, хотя думаю, мне удалось понять причины, вызвавшие неизбежность этих чисток в Ubergangsperiod * в России, но жить так я не мог. Я не смог бы вынести всего этого, даже если бы меня лично этот процесс никак не затрагивал.

Я переехал в Москву и стал обозревателем, впро-

* «Ubergangsperiod» — автор, вероятно, имеет в виду «переходный период».— *Примеч. переводчика.*

чем, я всегда, вероятно, только им и был. Если бы не Маша и дети, то я вообще бы уехал сразу же. Но пришлось прожить еще три года, пока мы наконец не смогли все вместе уехать в Америку.

Я покидал Магнитогорск с твердым убеждением, что был актером, игравшим очень незначительную роль в премьере мирового масштаба. Я принял участие в процессе, осуществлявшемся впервые. Мировое сообщество сможет многое почерпнуть из этого опыта, как позитивного, так и негативного. Я не только помогал строить промышленную базу, которая была жизненно необходима в приближающейся войне с Германией. Я принял участие в совместном труде более ста семидесяти миллионов людей, строивших общество на коллективной основе, направляемое и координировавшееся общим планом.

Доменные печи возводились во многих странах, как правило, частными фирмами ради собственной выгоды. Доменные печи Магнитогорска строили совместными усилиями и производственным процессом также руководили коллективно. Никто не извлекал личной выгоды или прибыли из их строительства и работы. Они были одной из частей общего генерального плана.

Это был исторический этап.

Генеральные планы развития, на основе которых был запроектирован Магнитогорск, были приняты полтора десятилетия назад. В них уже были внесены существенные изменения, и они, несомненно, будут корректироваться и в дальнейшем. Еще в начале тридцатых годов отказались от прежней схемы строительства Урало-Кузнецкого комбината, так как были получены новые данные геологов, свидетельствовавшие о неприемлемости этой схемы. Я полагаю, что точно так же новые открытия и наблюдения в других областях коренным образом изменили социальные концепции марксизма-ленинизма, положенные в основу теории пролетарской революции и построения социализма в том виде, как они понимались и применялись Лениным двадцать лет назад и Сталиным десятилетие назад. Модификации такого рода будут продолжаться.

Существовало множество недостатков, слабых мест, изъянов социализма в том его виде, как он проявлялся в Магнитогорске, но точно так же было много изъянов и в капитализме в Гастонии, Дюнкерке или Ковентри.

Часть X

ЭПИЛОГ

Глава I

Я уехал из Магнитогорска в начале 1938 года. В это время здесь производилось свыше пяти тысяч тонн стали ежедневно и большое количество другой необходимой стране продукции. Несмотря на кампанию чисток в городе все еще было много грубоватых, но пылких и горящих желанием молодых русских — они учились, работали, делали ошибки и набирались опыта, писали стихи, ходили в театр смотреть «Отелло» (кстати, это была удивительно хорошая постановка пьесы), учились играть на скрипке и в теннис. Все это происходило в степи — там, где еще десять лет назад жили лишь несколько сотен обнищавших пастухов.

В течение трех последующих лет, когда я то приезжал в Москву, то уезжал на Балканы и Ближний Восток, в Западную Европу и Японию — всюду, куда меня вела звезда журналиста,— я старался не терять связи с Магнитогорском. Я договорился о том, чтобы мне доставляли газету «Магнитогорский рабочий» и другие местные издания, и время от времени встречался со старыми друзьями и знакомыми.

Вообще-то говоря, количество производимой продукции в 1938—1941 годах продолжало увеличиваться. К концу 1938 года непосредственные отрицательные последствия кампании чисток почти нивелировались. Магнитогорский промышленный комплекс уже практически достиг уровня проектных мощностей. Каждые печь и завод, каждый рабочий ощущали на себе давление и напряжение, проникшие во все сферы жизни Советского Союза после Мюнхена.

«Скоро должно произойти нападение капиталистов на

Советский Союз, подготавливаемое долгие годы...» — твердили советская пресса, радио, школьные учителя, агитаторы, партийные, профсоюзные и комсомольские деятели на бесчисленных собраниях.

Военный бюджет русских каждый год возрастал почти вдвое. Делались огромные запасы стратегического сырья, машин и оборудования, топлива, продуктов и запасных частей. Красная Армия увеличилась приблизительно с двух миллионов человек в 1938 году до шести-семи миллионов к весне 1941 года. Ускорилось строительство железных дорог и промышленных предприятий на Урале, в районах Центральной Азии и в Сибири.

На все эти мероприятия уходила та небольшая, но постоянно растущая прибыль, которую магнитогорские рабочие начали получать в виде велосипедов, наручных часов, радиоприемников, а также хорошей колбасы и других продуктов питания.

В 1939 году в магнитогорских магазинах не было сигарет, водку можно было достать лишь от случая к случаю, а ботинки и костюмы полностью исчезли из продажи. К 1940 году вновь были введены карточки на хлеб несмотря на закон, запрещающий такую практику. Не всегда можно было купить соль. Учителя и другие служащие получали хлеб в таком незначительном количестве, что его не хватало для нормального пропитания. Они пополняли свои рационы, закупая хлеб на черном рынке по спекулятивным ценам.

В то время как потребление сильно сократилось, принимались чрезвычайные меры для увеличения производительности труда. Речи и пропагандистские выступления были подкреплены суровым трудовым законодательством. Согласно целому ряду законов более чем двадцатиминутное опоздание на работу считалось преступлением и провинившимся определялся срок наказания до шести месяцев принудительных работ. Рабочие и служащие не могли уйти со своего рабочего места без письменного разрешения (такой уход также считался нарушением закона); с другой стороны, наркоматам было дано право посылать (если этого требовали интересы производства) любого работника в любую часть Советского Союза, хотел он этого или нет. В то же время директора заводов и фабрик, начальники отделов и главные инженеры несли уголовную ответственность за невыполнение плана, несоответствие выпускаемой продукции установленным стандар-

там, подделки документов при попытке сбыть другим предприятиям или потребителям изделия низкого качества. И это также было узаконено. Суды были загружены ведением открытых судебных процессов, в ходе которых должностным лицам, привлеченным к суду на основании этого закона, давалась возможность оправдаться. В том случае, если суд признавал их виновными, они получали срок до восьми лет тюремного заключения. Не было или почти не было никаких разговоров о фашистских шпионах, вероломных убийцах великих писателей и т. п., как это было во время проведения чисток. Подсудимым предъявлялись обвинения в том, что они произвели меньше продукции, чем это необходимо для обороны страны.

Однако в Магнитогорске эти общенациональные явления приобрели еще и чисто специфические уральские черты. Вырастали здания новых заводов без каких бы то ни было проектов. Никто не знал, что эти заводы будут производить. Одновременно прилагались огромные усилия для увеличения мощности электростанций — и это несмотря на то, что по крайней мере в Магнитогорске снабжение электроэнергией действующих предприятий уже было более чем достаточно.

Даже в Магнитогорске, за тысячи миль вдали от любой границы, делались приготовления для светомаскировки. Перекрашивали красные газохранилища в черный цвет. В магазинах и на предприятиях появились специальные полки с противогазами. Для учащихся старших классов средней школы и студентов высших учебных заведений ввели курс изучения автоматического оружия.

По мере того как война распространялась все дальше и дальше по Западной Европе, рабочие Магнитогорска и сотен других советских городов производили все больше и больше продукции, а потребляли все меньше. Необходимо было подготовиться к борьбе и разбить врага. Кто конкретно был этот враг, никто точно не знал. Но несмотря ни на что количество производимой продукции увеличивалось.

Глава II

К 1942 году промышленный район Урала стал оплотом советской обороны. Его шахты, предприятия, мастерские и цеха, поля и леса снабжали Красную Армию огромным

количеством различного военного снаряжения и боеприпасов, запасными частями и другими промышленными товарами, необходимыми для того, чтобы сталинские механизированные дивизии продолжали вести военные действия.

Уральский промышленный район занимает территорию около 500 квадратных миль в центре самой большой страны в мире. Этот район России славится большими запасами полезных ископаемых: железной руды, угля, меди, алюминия, свинца, асбеста, марганца, углекислого калия, золота, серебра, платины, цинка и нефти, здесь также находятся густые леса и сотни тысяч акров пахотных земель. До 1930 года все эти сказочные богатства практически не разрабатывались. В течение десяти лет, с 1930 по 1940 год, на Урале было построено и введено в эксплуатацию около двухсот промышленных комбинатов всех видов. Этот геркулесов подвиг был осуществлен благодаря политической дальновидности Иосифа Сталина и его безжалостной настойчивости в осуществлении своей конструктивной программы строительства несмотря ни на фантастические затраты, ни на огромные трудности.

Несколько раз в конце двадцатых годов в высших политических кругах Москвы возникали оживленные споры на разные темы. Следует ли стране сконцентрироваться на развитии легкой или тяжелой промышленности? Где размещать новые фабрики и заводы — в старых промышленных районах на Украине и вокруг Ленинграда или же на Урале и в Сибири? Мнение Сталина по этим вопросам было однозначно и хорошо обосновано.

«Россия должна догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны как в промышленной, так и в военной областях за десять лет, иначе эти капиталистические страны нас уничтожат»,— сказал Сталин в феврале 1931 года. Далее он утверждал, что новые промышленные предприятия должны быть сконцентрированы на Урале и в Сибири, за тысячи миль вдали от ближайших границ, вне досягаемости любых вражеских бомбардировщиков. Надо создать новые отрасли промышленности. До сих пор Россия почти полностью зависела от поставок другими странами резины, других продуктов химической промышленности, станков, тракторов и многого другого. Все это могло и должно было производиться в Советском Союзе, для того чтобы обеспечить незави-

снмость страны в техническом и воеииом отиошеиии.

Бухарии и миогие другие старые большевикн не были согласиы со Сталиным. Они считали, что в первую очередь надо развнвать отрасли легкой промышлеиности· советских людей сиачала иадо обеспечить товарами иародного потребления, прежде чем оии приступят к осуществлеиию программы полиой иидустриализации страиы. Но постепеиио, одни за другим этнх несогласиых заставилн замолчать. Сталии победнл. Россня приступила к выполиеиию самого огромиого плаиа иидустриализации, который когда-лнбо видел мнр.

В 1932 году 56 процентов всего иациональиого дохода Советского Союза было вложеио в капитальиое строительство. Это было выдающееся достижеиие. В Соедииеиных Штатах в 1860—1870 годах, когда мы строилн иашн железиые дороги и домениые печи, максимальиая ежегодиая рекапитализацня составляла приблнзительио 12 процеитов иациоиального дохода. Более того, американская иидустриализация в зиачительиой степеии финаисировалась европейским капиталом, в то время как рабочую силу для стронтельства промышлениых предпрнятнй поставляли Китай, Ирлаидия, Польша и другие европейские страиы. Индустриализация в Советском Союзе была проведеиа почти без помощи иностраииого капнтала, если ие считать иесколько тысяч специалистов, работавших в Советском Союзе. Осиовиая тяжесть этой огромиой задачи легла иа плечи советских людей. Индустриализация Россни была осуществлена потом и кровью ста шестидесятн мнллиоиов человек этой огромной страны.

В Магиитогорске этот процесс происходнл в микроскопическом масштабе. В город привозили сталь и промышлеииое оборудоваиие, одиако часто забывали доставлять или опаздывали с доставкой продовольствия, одежды и других иеобходимых запасов. В течеиие первого года моей жнзии в этом городе о масле здесь и ие слыхали. Хлеб выдавался в ограиичеииых количествах в строгом соответствни с рациоиом.

Иногда можно было достать мясо. Тысячи измождеиных рабочих, у которых ие было иикакой еды, кроме хлеба, да ииогда иемиого капусты и картошки, которые умирали зимой от тифа, а летом — от малярии, рылн землю и стучалн молотками. Строительные работы продолжалнсь. В 1932 году Магиитогорск дал страие свой первый чугуи. Постепенно условня стали лучше. Русские

рабочие овладелн свонми спецнальиостями, стали более квалифицироваииыми.

Сегодия, немногнм более десятн лет спустя, в Магнитогорске действует одни из крупиейшн металлургнческих заводов в мире. Он производнт ежегодно пять тысяч тоин чушкового чугуиа, от шести до десяти тысяч тоии стали, перерабатывает более десятн тысяч тоии железиой руды ежедиевио, выпускает миллиоиы тоии побочных продуктов химического производства, стальиые брусы, проволоку, рельсы, плнты, деталн конструкцнй, ленты и листовую сталь. Помимо этого, сейчас по крайней мере одио военное предприятие, раиее находнвшееся под Магиитогорском, было полностью переведено в Магиитогорск вместе со всемн свонми рабочнми и служащимн н сейчас уже иачниает давать продукцию, используя для пронзводства магннтогорскую сталь.

Я ие был на многих заводах, иаходящихся в Уральской крепостн Сталина, но слышал о иих от других людей. На самом севере Уральского промышлениого района находится Усолье — старая соляиая шахта, продукция которой теперь нспользуется для производства разлнчиых химических веществ. Недалеко от Усолья иаходится знаменитый центр химической промышлеиности — Березинки, где пронзводятся удобрення н взрывчатые вещества.

К северу от Березииков — богатые залежн углекислого калня Солнкамска. Здесь разрабатываются запасы карталнта н сильвниита, оцеииваемые в 18 миллиардов тоии; в 1940 году пронзводство нх составило более двух миллиоиов тонн. Однн нз заводов — недалеко от города — пронзводнт металлнческий магиий, так иеобходимый для пронзводства зажигательных бомб н снарядов.

Двухколейные железиодорожиые путн связывают этн два северных хнмнческнх центра с Кизелом, цеитром угледобывающей промышлеиностн, давшнм в 1936 году 3,6 мнллнона тонн угля. Это уголь ннзкого качества. и поэтому его можно нспользовать только в внде небольших добавок при производстве кокса. Одиако он иеобходим для работы электростанцнй. Местная электростанцня мощностью около 100 тысяч кнловатт снабжает электроэнергней электрофнцнрованиую дорогу Кнзел — Свердловск.

К югу от Кизела, в Чусовой, находится завод, выпускающий сплавы, содержащие двухвалеитиое железо.

Здесь нужиую температуру плавления железа достигают, используя древесный уголь, и таким образом гараитируется высокое качество стали, используемой для изготовлеиия подшипников н других деталей. Примерно в ста милях к западу от Чусовой расположнлся огромиый Пермский авиамоториый завод. Это чрезвычайно важиое предприятие было построено в начале тридцатых годов, и оно всегда считалось крупнейшим заводом-изготовителем авиациоиных моторов в Советском Союзе. На протяжении многих лет район вокруг Перми строго охраняется. Иностраицам не разрешен въезд туда, в то же время поездки советских людей, работающих иа этом заводе, в крупиые города ие поощряются; какое-иибудь неосторожиое высказываиие могло бы дать иностраииым наблюдателям указаине иа то, где иаходится и что производит Пермский авиамоториый завод. Советский Союз хорошо охраняет свои воеииые тайны.

Одна нз железнодорожных веток, идущая в восточиом направлении, соедиияет Чусовую с Красноуральском, где разрабатываются залежи медного колчедаиа. Сейчас здесь действует новая медеплавнльная печь, дающая чистую медь высокого качества и в больших количествах. По нронии судьбы в течеиие тех двух лет, когда между Германией и Советским Союзом существовалн хорошие взаимоотиошеиня и экономнческие связи, часть этой меди была экспортирована в Гермаиию. Здесь же, в Красиоуральске, иаходится завод, производящий серную кислоту.

Приблизительио в ста милях к югу, в Нижнем Тагиле, расположен огромный вагоностроительный завод. На территории этого завода находятся две большие домеииые печи и хорошо оборудованный мартеиовский цех по производству стали, необходимой для выпуска пятидесяти тысяч товариых вагонов в год. Сейчас иа этом предприятии работают почти сорок тысяч человек.

Уральскне горы богаты цветными металлами. В Челябинске производят цинк, а также тракторы и танки. В Халилово н Верхием и Нижнем Уфалее вырабатывают иикель. Добывают бокситы и производят алюмииий иа большом современном заводе в Каменске *; медь выпускается в больших количествах в городе Кыштыме. В иескольких милях от Магиитогорска было открыто большое место-

* Вероятно, автор имеет в виду Каменск-Уральский.— *Примеч. переводчика.*

рождение марганца, н в 1934 году иачалась его разработка. Сегодия этот маргаиец используется в доменных печах предприятий, находящихся в разных уголках Советского Союза, и экспортируется в другие страны. Также здесь, иа Урале (г. Блява *), производят нз пирита медь н серу.

Одно из самых большнх месторождеиий асбеста в мире находится в Алапаевске, где его добывают и отправляют для переработки в близлежащий город Асбест.

Уральский промышленный район не полностью зависит от кавказских нефтяных месторождений. Самое крупное отдельное месторождение иефти в мире находится в районе города Ишимбая. Проложен нефтепровод, соедняяющий это месторождение нефти с Уфой, где построены н уже действуют большие комбинаты, заиимающиеся крекиигом и очисткой нефти. В 1939 году здесь было произведеио более трех миллиоиов тоии нефти. Едииственный недостаток уфнмской иефти — присутствие в ией серы, количество которой может достнгать трех процеитов, а это серьезно осложняет весь процесс крекинга н очистки. В 1940 году было завершеио строительство завода по производству высокооктанового бензнна в Уфе, который должен поставлять горючее для заправкн самолетов военно-воздушных снл Красной Армии. Проектиая мощность этого завода составляет полмиллиона тоии ежегодио, н работавшие на строительстве этого предприятия американские инженеры, с которыми я разговаривал, рассказали мие, что оно выйдет на проектную мощность в течеиие первого года пронзводства. Еще один завод по производству высокооктанового бензнна был построеи на Волге, в Саратове, и начал работать в начале 1941 года. О проектной мощиости этого предпрнятия нет даииых.

Помимо предприятнй, производящих нефтепродукты, в Уфе находится также однн из крупнейших в Советском Союзе завод, выпускающий двигателн внутрениего сгорання. Несколько раз, проезжая через этот город на поезде, я видел завод, тянущийся много миль вдоль полотна железиой дороги. На нем устаиовлеио новое производствениое оборудоваиие, полагают, что ои выпускает моторы для танков и самолетов.

* Такого города Блява, о котором пишет автор, иет в Атласе (провереио по изд. 1961 г.).— *Примеч. переводчика.*

В Уральском промышленном районе имеется огромная сеть электростанций. Магнитогорская электростанция дает более ста тысяч киловатт электроэнергии ежегодно, столько же дает и свердловская, а мощность электростанции в Нижнем Тагиле в два раза меньше. Другие электростанции находятся в Челябинске, Березниках, Перми и Златоусте. В 1934 году совокупная мощность уральских электростанций составила два миллиарда киловатт-часов электроэнергии, а к 1940 году эта цифра увеличилась вдвое. Все электростанции связаны между собой, составляя единую энергосистему, и если бы одна из них была вынуждена по каким-либо причинам прекратить работу, то промышленные предприятия, находящиеся в непосредственной близости от нее, снабжались бы другими электростанциями Урала.

На Урале имеется и разветвленная сеть железных дорог. Железнодорожные линии Уфа — Магнитогорск, Акмолинская и короткая, но очень важная линия Челябинск — Каменск *, строительство которых недавно было завершено, позволили уменьшить нагрузку на других, более старых железных дорогах и дали возможность увеличить скорость движения товарных поездов до цифры, значительно превышающей среднюю скорость таких поездов в Советском Союзе. Одной из наиболее сложных проблем, которую большевикам пришлось решать в огромном Уральском промышленном районе, была проблема снабжения углем.

Первоначально бóльшую часть коксующегося угля доставляли из угольного бассейна Кузбасса, находящегося в Центральной Сибири на расстоянии около двух тысяч миль отсюда, что было связано с определенными трудностями. Запасы угля в Кузбасском районе, по подсчетам, составляют 450 миллиардов тонн высококачественного угля, что в пять раз больше запасов угля в Донбассе на Украине. Добыча угля в Кузбассе в 1938 году составила 16 миллионов тонн, а в 1940 году, по авторитетным данным, она превысила 25 миллионов тонн. На протяжении многих лет правительство было вынуждено оплачивать половину всех транспортных затрат по доставке угля для Магнитогорского завода по производству кокса, для того чтобы он мог конкурировать с такими предприятиями, как Сибирский и Украинский заводы, у которых запасы

* Каменск-Уральский.

угля находнлнсь практически во дворе. Начатые в иедавием времени разработки Карагаидииского угольиого месторождення помоглн частнчно решить эту проблему. Когда в 1938 году я уезжал нз Магнитогорска, 85 процентов всего нспользуемого угля доставлялось нз Караганды, находящейся иа расстоянии всего лншь в 600 мнль; около 8 процентов угля доставляли из Кузбасса, а остальное — из уральскнх шахт. Сейчас в шахтах Карагаиды добывается более 6 миллиоиов тоии угля в год, н, таким образом, онн могут почтн полностью обеспечнвать необходнмым количеством коксующегося угля весь Уральский промышлеиный райои.

Этот промышленный райои, созданиый иа Урале в тридцатые годы, уже в то время был довольно виушнтелеи. Однако за последние несколько месяцев он вырос до огромиых размеров. Нет ннкакнх цнфровых данных, на осиовании которых можно было бы суднть о том, сколько заводов н фабрнк, эвакунроваииых из западиых районов России, теперь работает на Урале н в Снбири. Тем ие меиее известно, что еще до иачала войны больше заводы по прonзводству электрооборудовання были перебазированы нз райоиов Белоруссин, иаходящнхся рядом с немецкой граиицей *, и нз Леиинграда иа Урал н в Западиую Сибирь. Есть сведеиия, что однн из таких заводов был переведен в Свердловск в течение 1940 года и в марте 1941 года уже нормально фуикционировал и давал продукцию. Любое предпрнятие (за нсключением самых крупных плавильиых, сталелнтейных н химических комбииатов) может быть переброшено по железиым дорогам достаточно быстро н с небольшим ущербом.

Как я уже говорнл, в Уральском промышлеииом райоие пронзводятся все осиовные внды сырья, для того чтобы выпускать танки, грузовикн, артнллерийские устаиовки н многне другие внды боевой техники, оборудования н снаряжеиия. Не хватало двух компонентов: рабочей силы н оборудования. Теперь Урал обеспечивается этим в больших колнчествах. Я бывал иа некоторых крупиых авиациоиных заводах в окрестиостях Москвы. Новый комплекс ЦАГИ, расположениый рядом со стаицией Отдых по Казанской железиой дороге, тянется иа много мнль вдоль железнодорожных путей. Его построилн под

* Автор, по-видимому, имеет в виду граиицу с Польшей, оккупированной в 1939 году.— *Примеч. переводчика.*

Москвой, а не в каком-нибудь другом месте в основном по той причине, что многие высококвалифицированные инженеры, техники и опытные рабочие жили в Москве и ее пригородах, где жилищные условия всегда были лучше, чем в таких отдаленных местах, как Урал и Сибирь, поэтому рабочие предпочитали оставаться там, где они жили,— в Москве. Московские авиационные заводы в основном использовали в своем производстве сырье, доставляемое из Донбасса и с Урала. Теперь они перебазируются вместе со всеми своими рабочими и специалистами ближе к своим источникам сырья. Летом 1940 года был принят закон о труде, на основании которого правительство имеет право посылать рабочих в любое место, когда это представляется необходимым, и держать их там неограниченное время — столько, сколько потребуется. Более того, сейчас, когда военные действия ведутся на подступах к Москве, не возникает никаких трудностей с тем, чтобы побудить людей переехать. Железнодорожные линии России, как восточные, так и западные, забиты составами, доставляющими боеприпасы и продовольствие на фронт. Такие же товарные составы везут оборудование, станки и рабочих в восточном направлении. Таким образом, хотя невозможно будет получить никаких точных цифр еще в течение некоторого времени, я считаю, что большая часть промышленного оборудования, ранее находившегося в областях, которые теперь оккупированы немецкими войсками, не захвачена немцами, а работает и дает продукцию в тысяче или более миль к востоку от линии фронта — в уральской крепости Сталина.

Даже если Москву сдадут, части Красной Армии смогут продолжать военные действия в течение многих месяцев, даже лет, имея в своем распоряжении уральскую крепость в качестве своей основной базы, которая теперь пополнилась и усилилась за счет предприятий и квалифицированных рабочих, эвакуированных из западных областей Советского Союза. Все эти факторы, вместе взятые, и являются той основной причиной, почему нападение Гитлера не смогло сокрушить Советский Союз. Вторая, не менее важная причина — советский народ.

Глава III

В 1940 году мы встретились с Сёмичкиным в Москве. Он был здесь проездом, ехал на Украину в отпуск — первый за последние три года. Поэтому встреча была очень короткой. Как он рассказывал мне, дела на магнитогорских предприятиях шли хорошо, а вот домашние дела магнитогорцев — неважно. Люди работали ежедневно по восемь часов вместо семи, а помимо этого, еще и сверхурочно. В магазинах было пусто.

Я коснулся в разговоре темы советско-германского договора, Сёмичкин пожал плечами. «Это сделал Сталин,— сказал он.— Ему виднее — он знает, что делает». Он сказал это не просто так, ради красного словца, чтобы произвести впечатление. Он действительно так думал, так чувствовал. Это был советский инженер, который сумел стать очень хорошим специалистом и администратором. Он знал свое дело. Иногда он ошибался, но в общем и целом знал, как управлять коксохимическим производством. Сталин добился того, что взошел на самый верх сложной структуры советского государственного аппарата. Он умело вел корабль Советского государства по бурному морю новейшей европейской политики, не всегда без ошибок, но в общем и целом свое дело он знал.

Это был типичный пример того, как относились ко всему происходившему тогда советские люди.

В 1940 году я присутствовал на митинге рабочих одного из больших московских предприятий. Я видел, как рабочие вставали со своих мест и критиковали директора завода, вносили свои предложения о том, как увеличить выпуск продукции, улучшить ее качество и снизить производственные затраты. Они использовали свое право свободы слова, предоставленное им как советским гражданам. Затем начали обсуждать недавно заключенный советско-германский договор. Рабочие единодушно проголосовали в поддержку заранее подготовленной резолюции, одобрявшей советскую внешнюю политику. Не было никакого обсуждения или дискуссии. Советские рабочие хорошо знали, что́ относится к кругу вопросов, которые они могут обсуждать, а что — нет.

Многие советские рабочие стали квалифицированными специалистами. Они строили самолеты, которые хорошо летали, а летчики умели управлять ими с боль-

шим искусством. Я знаю об этом потому, что я несколько раз сам летал на этнх самолетах. По железным дорогам Советского Союза было перевезено больше грузов н пассажиров на милю пути и на единнцу подвижного состава, чем было перевезено по железиым дорогам любой другой страны в мире, включая и Соединенные Штаты.

В результате кампании чнсток было уннчтожено много рабочих и спецналистов, но Россия — очень большая страна. Большннство иаселения осталось и продолжало работать иа своих предпрнятиях и выпускать продукцию. Возможио, они были иемиого обеспокоены, ио продолжалн делать танки, чнтать газету «Правда» и устраивать учебные воздушные тревоги в свои выходные дии.

У русских была тяжелая жнзнь в 1940 н 1941 годах, и, конечно, она стала еще тяжелее после иападения Германии, ио русские люди привыкли преодолевать трудности. Каждый день газеты рассказывали им, что они самые счастливые люди в мире, и они верилн в это. Ведь у них всегда были хлеб и работа.

Миллионы таких же людей, как Сёмичкин и Коля, целое десятилетие готовилнсь к войне в промышленном отношенин, лично и идеологически.

Глава IV

Здесь, вероятно, и можно найтн ответ на тот вопрос, который с 22 июня 1941 года задавалн себе многие американцы: «Каким образом у русскнх так хорошо идут дела? В чем причина успехов Россин?»

Россия всегда располагала большим людскнм потеицналом и несметиымн прнродными ресурсамн. В течение последннх десяти лет русскнй народ пролнл много крови, пота н слез, чтобы создать еще кое-что — современную индустриально-промышленную базу вне досягаемости военных сил любого захватчнка, сталинскую крепость на Урале, а также оснащениую современными танками армию. Мнллионы русских стали квалифицироваииыми специалистами и хорошнми солдатами.

В то же время все иаселеиие научилось хорошо работать, подчиняться приказам, заниматься своим делом и ие лезть в то, что их не касалось, ие унывать и не падать духом в тяжелый момент, почтн ие жалуясь на судьбу.

Вот как надо вестн войну на современном этапе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Дальнейшая иммиграция киргизов два века спустя вызвала приток рабочей силы на строительство в Магнитогорске. Причиной этому послужило восстание киргизов в 1916 году и последовавшие за ним миграции.

В 1916 году армии царского правительства несли тяжелые потери. Им требовались люди и лошади. Русским губернаторам и властям в Киргизии было приказано набирать и тех и других в диких племенах киргизских пастухов. Они последовали этим приказаниям, но встретили такое сопротивление со стороны киргизов, что им пришлось вызывать войска.

При появлении русских солдат киргизы объединились и начали нападать на русских и их учреждения по всей Киргизии. Большинство русских собрались в столице Киргизии — Пишпеке (в настоящее время переименован в город Фрунзе в честь генерала Красной Армии). Здесь они построили баррикады и стали ожидать прибытия значительного военного подкрепления из России. Солдаты подняли с насиженных мест киргизских пастухов, которые были неорганизованны и у которых не было руководителей, и загнали их в горы. Кочевники сражались храбро, однако терпели поражение в каждом открытом сражении. Они отходили все дальше и дальше в горы. Отступая, они убивали животных из своего стада, чтобы прокормиться. Через несколько месяцев они прекратили организованное* сопротивление и начали эмигрировать большими группами. Из 800 тысяч киргизов приблизительно 200 тысяч эмигрировали в западную часть Китая, где они жили на протяжении нескольких лет. Некоторые вернулись обратно в 1923 и 1924 годах, когда Советская власть укрепилась на всей территории Центральной Азии; в то же время многие из них (около 100 тысяч) остаются в Китае и по сегодняшний день. Однако многие киргизы ушли на север, а не на восток и кочевали или осели в Казахстане, Башкирии и далее к северу.

2

В необычной речи, произнесенной в Москве 4 февраля 1931 года на конференции работников промышленности, Сталин, в частности, сказал: «... Замедлить темпы (советской индустриализации) означает отстать. А отсталых всегда бьют. Нет, мы этого не хотим. Между прочим,

* Здесь в тексте книги имеется смысловая неточность, так как несколькими предложениями выше автор говорит, что пастухи были «неорганизованны» («unorganized») и не имели руководителей.— *Примеч. переводчика.*

история старой России — это история поражения в результате отсталости. Ее били монгольские ханы. Ее били турецкие беи. Ее били японские бароны... потому что она была отсталой... Мы на пятьдесят — сто лет отстали от передовых стран. Мы должны пройти это расстояние за десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас раздавят...» *

3

Проект 1928 года предусматривал следующую структуру комбината:

— коксовый завод, состоящий из трех батарей, по 63 коксовые печи в каждой из них, общей мощностью 656 тысяч тонн в год;

— доменный цех, состоящий из четырех доменных печей, объем каждой из которых — 788,5 кубических метра (23 250 кубических футов), коэффициент полезного действия 1,31, ежегодный выпуск продукции — 656 тысяч тонн;

— два сталелитейных цеха: мартеновский цех, состоящий из четырех мартеновских печей, каждая мощностью в 100 тонн; общее количество продукции в год — 325 тысяч тонн стали; конверторный цех, состоящий из двух двадцатитонных конверторов мощностью приблизительно 327 тысяч тонн в год.

В соответствии с этим проектом строительство завода должно было быть завершено за пять лет, иными словами, к 1 января 1934 года. Однако некоторые инженеры-конструкторы и инженеры-проектировщики считали, что для выполнения этой работы потребуется семь лет.

Скорректированный проектный бюджет представлял собой следующее (в миллионах рублей, отпускаемых на строительство ежегодно): 1-й год — 5; 2-й — 26; 3-й год — 32; 4-й год — 35; 5-й год — 32; 6-й год — 22. Фактические затраты (в миллионах рублей): 1929 год — 8,2; 1930 год — 46,0; 1931 год — 170,3; 1932 год — 201,0; 1933 год — 181,0.

В последующие годы не было опубликовано никаких цифровых данных по фактическим затратам на строительство. Однако общеизвестно, что ассигнования сильно сократились после 1935 года. С 1936 до 1939 года строительство комбината почти не велось. В 1939 и 1940 годах было затрачено несколько миллионов рублей на строительство второго мартеновского цеха, где в начале 1941 года работали пять мартеновских печей.

* Цитируется речь И. В. Сталина «О задачах хозяйственников» на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (4 февраля 1931 г.): «Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость... Мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Ствлин И. В. Сочинения. М. 1951. Т. 13. С. 38 — 39).— *Примеч. переводчика.*

4

Самые современные доменные печи в Соединенных Штатах имели объем в 1000 кубических метров, поэтому было решено, что магнитогорские доменные печи должны быть объемом приблизительно на 1100 кубических метров вместо 788 кубических метров. Было также решено, что другие промышленные установки на комбинате должны превосходить самые последние технические достижения Германии и Соединенных Штатов в этих областях; это было необходимо для того, чтобы «догнать и перегнать» * капиталистические страны в области техники.

5

Общее количество кондиционной железной руды составляло 227,9 миллиона тонн. Запасы руды были сконцентрированы в двух небольших горах на общей площади, не превышающей две квадратные мили. В качественном отношении можно было выделить четыре категории этой руды.

1. Руда для доменных печей — содержание железа 56 процентов и более, а содержание серы — менее 0,2 процента.

2. Смешанная руда — содержание железа от 30 до 56 процентов, содержание серы до 0,18 процента. Эта руда требует дополнительной переработки, прежде чем ее можно будет использовать в доменных печах.

3. Руда с высоким содержанием серы, также требующая переработки.

4. Руда с низким содержанием железа — до 30 процентов и менее.

Категории руды (1) и (2) имели очень небольшую глубину залегания, что позволяло вести разработку открытым способом. Запасы руды из группы (1), по подсчетам, составляли около 80 миллионов тонн.

6

Шахта по добыче железной руды, дающая 7,5 миллиона тонн руды для доменных печей ежегодно; два дробильных завода мощностью 10 000 тонн в день; промывочный и сортировочный комплекс; два агломерационных завода.

Восемь батарей по 69 коксовых печей каждая, средний период коксования — 13 часов, мощность печей — 14 тонн, общее ежедневное количество продукции — 8 тысяч тонн.

---

* Автор цитирует то место из речи Сталина «О задачах хозяйственников» на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности от 4 февраля 1931 г., где говорится: «Теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайшие сроки ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил накануне Октября: «Либо смерть, либо догнать и перегнать капиталистические страны» (Сталин И. В. Указ. соч.).— *Примеч. переводчика.*

Восемь доменных печей, объем каждой печи — 1186 кубических метров (36 660 кубических футов), ежедневное количество продукции каждой печи — 1000 тонн.

Три мартеновских цеха по 12 мартеновских печей в каждом, мощность одной мартеновской печи — 150 тонн, три миксера мощностью 1300 тонн каждый.

Цех проката, включающий в себя три обжимных стана-блюминга, три 630-миллиметровых и один 450-миллиметровый прокатный стан, два сортовых прокатных 500-миллиметровых стана, два 350-миллиметровых полосовых (штрипсовых) стана, четыре мелкосортных прокатных стана, два проволочно-прокатных стана, один рельсопрокатный стан; всего 18 прокатных станов.

Электростанция мощностью 248 тысяч киловатт.

Два завода по производству высококачественного огнеупорного кирпича всех видов мощностью 188 тысяч тонн в год.

Хорошо оборудованная механическая мастерская, кузнечный цех, мастерская по изготовлению и ремонту котлов, чугунолитейная и сталелитейная мастерские и мастерская медного литья, вальцовочная мастерская и токарный цех, а также мастерская по изготовлению литейных форм для обеспечения ремонтных работ и осуществления всех текущих замен на этом огромном предприятии.

Все это должно было быть в Магнитогорске в соответствии с проектом 1934 года.

7

Бюджет по строительству, разработанный в 1934 году, предусматривал следующие расходы (в миллионах рублей):

Подготовительная работа	113,1
Доменные печи	128,4
Мартены	155,1
Прокатные станы	276,2
Вспомогательные цехи	26,9
Фабрики по производству огнеупорных кирпичей	8,1
Шахты по добыче руды	108,2
Линии электропередач и подстанции	185,1
Транспорт (внутренний)	167,6
Водоснабжение и дренажные работы	67,1
Коксохимические заводы	152,0
Здания заводов общего профиля	35,3
Различные заводские издержки	5,1
Подготовка квалифицированных рабочих	94,9
Город	1 000,0
Всего	2 523,1

К сожалению, в этих цифрах расходы золота на закупку оборудования за границей были даны согласно официальному курсу золотого рубля, что не дает реального, полного представления, в какую сумму обошлась Советскому Союзу закупка и установка импортного оборудования в Магнитогорске. Из приведенной выше суммы, составляющей 2,5 миллиарда рублей, около 700 миллионов представляют собой расходы золота на закупку импортного оборудования.

8

Ввод в действие промышленных установок:

Производственный комплекс	Проект		Пущено в производство	
	1928 г.	1934 г.	1938 г.	1941 г.
Доменные печи	4	8	4	4
Коксовые батареи	3	8	4	4
Мартеновские печи	4	34	12	16
Прокатные станы	5	18	10	12

Выпуск продукции (в тысячах тонн в год):

Продукция	Запроектированная мощность		Фактическое количество				
	1928 г.	1934 г.	1932 г.	1933 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Руда	1125	7500	1343	2080	5414	6575	...
Чугун в чушках	656	2750	361	572	1557	1530	1535
Сталь в слитках	337	3050	...	86,4	1163	1403	1490
Стальной прокат	574	2485	...	57,9	959	...	1200
Кокс	656	2750	380	675	1977	1920	1515

9

Коэффициент использования экскаваторов и цементно-смесительных агрегатов по сравнению с американскими нормами

Механизм	США	СССР, среднее	Магнитогорск					
			1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г. по кварталам		
Экскаваторы	100	40	30	38	11	15	23	40
Цементно-смесительные агрегаты	100	35	...	28	13	13	29	34

Падение коэффициента использования в 1932 году, обусловленное административными трудностями и началом отъезда иностранных специалистов, получавших зарплату в валюте, ясно видно из этой таблицы.

10

Следующая таблица демонстрирует увеличение населения Магнитогорска:

Деревня Магнитная Первоначальное население	Магнитогорск (рабочие, получающие зарплату)				
	1929	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
250	1157	8239	22 565	32 372	25 022

Представление о том, откуда появились эти рабочие, дает следующая таблица, в которой подразделено по группам все количество вновь прибывших в 1932—1933 гг.:

Причина приезда	1932 г.		1933 г.	
	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%
Общее количество приехавших	62 216	100	52 954	100
Приехавшие по собственному желанию	43 916	70,6	39 938	75,2
Завербованные на работу	18 303	29,5	13 016	24,8

Лишенные гражданских прав, кулаки и заключенные из ИТК (исправительно-трудовой колонии) в вышеприведенных цифрах не учитываются.

11

Абсолютные цифры потерь рабочего времени, данные в соответствии с причиной, вызвавшей эти потери:

Год	Общее количество	Отдых	Простои	Плохая организация	Случайности	Отсутствие материалов	Абсентеизм
1932	41,2	16,3	1,9	5,2	1,1	8,0	8,7
1933 (10 месяцев)	42,5	12,2	6,5	6,3	3,1	8,5	6,0
1933 (ноябрь)	38,1	11,7	8,0	4,4	3,0	6,0	5,0

Эта таблица взята нз докладной записки одиого директорв строительства своему начальнику, напечатвнной в закрытом (для служебиого пользовання) яздания книгн, озаглавленной «Магнитогорск, 1934» (с. 84).

12

Следующая таблнца показывает фактнческнй выпуск продукцин в Магнитогорске в процентах от запланнрованного:

Вид продукции	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Цемент	83,6	47,2	48,6
Строевой лес (необработанный)	78,8	65,5	48,5
Деловая древесниа	110,0	45,0	39,0
Шпалы (железнодорожные)	69,0	24,0	0,0
Рельсы	74,0	34,0	39,0

13

В следующей таблице даны цифры материального балаиса складов Магнитогорска на 1 января 1931—1934 гг.:

1 января 1931 г. на 27,750 миллиона рублей (товаров н материалов)
1 января 1932 г. на 41,180 То же
1 января 1933 г. на 60,500 »
1 января 1934 г. на 36,800 »

14

Следующая таблнца дает процентное соотношенне между запланнрованиым н фактнческнм колнчеством полученного н установленного оборудования:

Производственный комплекс	По плану должно было быть установлено к 1 января 1934 г.	Фактически установлено к 1 января 1934 г	Выполнение плана (в процентах)
	(в тысячах рублей)		
Доменная печь	24 306	10 508	43
Мартен	39 792	5 961	15
Прокатный стан	125 578	12 673	10
Шахты по добыче железной руды	45 690	6 425	14
Энергоснабжение	115 562	33 563	29
Вспомогательные комплексы	15 141	2 134	14

15

Перерасход бюджетов строительных организаций (в процентах) представлен в следующей таблице:

1929—1930 гг.	1931 г	1932 г.	1933 г.	Среднее
11	25	41,5	13,7	25,5

Таким образом, за пять лет строители израсходовали денег на 25 процентов больше, чем полагалось им по бюджету, при этом они построили (в чем можно убедиться на основании вышеприведенных данных) приблизительно в два раза меньше запланированного.

16

Количество руды, добытой магнитогорской железо-рудной шахтой (в миллионах метрических тонн)

Руда	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1940 г
Неподготовленная	0,5	2,17	3,8	...	...	...	...
Для доменных печей (доменная руда)	0,2	1,34	2,0	5,4	6,5	6,3 *	6,9 *

* По предположительным расчетам.— *Примеч. автора.*

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Тысячн тонн	326	588	1150	1252	1500	1530	1535
Коэффициент *	1,77	1,74	1,22	1,13	1,03	1,00	...
Количество тонн на одного работника	468	628	1030	1164	...	2004	...

* Коэффициент полезного нспользовання объема доменной печн рассчнтывается путем деления колнчестаа кубическнх метров объема доменной печи на колнчество тонн в день.— *Примеч. овторо.*

Этн цифры взяты нз статьн Клншевнча, в то время работавшего на должностн главного ннженера комбината, напечатанной в «Магнитогорском рабочем» (2 февраля 1936 г.) под названием «Сделаем весь Магнитогорск стахановскнм», а также из статьи нннженера Сурнина («Магнитогорскнй рабочий», 3 ноября 1937 г.).

Ежемесячная проектная мощность комбината, как это было подсчитано немецкими промышленниками, составляла 26,660 тысяч тонн.

18

Выпуск продукцнн по месяцам в 1935 г. (в тоннах продукцнн; металлические отходы производства не учитываются)

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май
15 569	15 332	18 711	17 354	20 129
Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
18 667	30 338	28 565	27 006	39 005

19

Время от времени возникал вопрос, стоит ли платить рабочим такие большие премиальные за продукцию, выработанную сверх плана, если она продается по той же самой цене, что и плановая. В следующей таблице показано распределение производственных затрат при выпуске стальных рельсов прокатным станом-500 в октябре. Цифры даны в рублях на тонну готового металла:

Стоимость исходного сырья (стальные заготовки)	109,26
Стоимость отходов производства	2,40
Зарплата рабочим	7,00
Кирпичи, газ, сбыт, вода, электроэнергия, запчасти, транспорт и т. д. (постоянные издержки производства)	5,89
Амортизация	3,43
Административные (управленческие) расходы	3,00
Общая стоимость одной тонны готовой продукции	130,98

Сумма амортизационных отчислений на прокатном стане, составлявшая приблизительно 120 тысяч рублей в месяц, была рассчитана на основании данных за десять лет для основных видов оборудования и на основании данных за двадцать лет для здания.

Амортизационные отчисления, административные (управленческие) расходы, плата за свет, запчасти и т. д. требуют постоянных расходов и составляют сумму, приблизительно в два раза превышающую сумму зарплаты. Таким образом, администрация могла позволить себе платить рабочим вдвое и втрое больше за увеличение выпуска продукции.

20

В следующей таблице даны цифры среднемесячной заработной платы, средней выработки (в тоннах), выполнения плана и зарплаты специалистов-техников. Эта таблица дает представление о том, как шла и какие результаты давала организационная работа на комбинате летом и осенью 1935 года:

	Апрель	Май	Июнь
Выполнение плана (в процентах)	78	85	75
Количество продукции (в тоннах)	17 534	20 128	18 667
Средняя заработная плата рабочих	231	272	241
Средняя заработная плата техника-специалиста	534	922	923
Выработка на одного рабочего (в тоннах)	28	33	31

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
Выполнение плана (в процентах)	120	100	91	132
Количество продукции (в тоннах)	30 038	28 565	27 006	39 005

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
Средняя заработная плата рабочих	289	305	308	407
Средняя заработная плата техника-специалиста	1195	1438	1056	1527
Выработка на одного рабочего (в тоннах)	47	46	42	59

Показатели выполнения плана не возрастали, поскольку сам план постоянно увеличивали.

21

Выпуск продукции различными производственными комплексами Магнитогорского комбината (в тысячах тонн):

Продукция	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г
Железная руда	1 340	2 000	—	—	5 400	6 575	—
Чугун в чушках	320	588	1 150	1 252	1 500	1 530	1 535
Сталь в слитках	—	87	436	815	1 163	1 403	1 490
Стальной прокат	—	58	—	—	959	—	1 200
Кокс	330	843	1 590	1 733	1 977	1 920	1 515

Так как не было опубликовано ни одной полной сводной таблицы по годовому выпуску продукции (насколько это известно автору), то вышеприведенная таблица была составлена на основании различных источников: все цифры за 1936 год были взяты из большого сельского календаря на 1938 год (с. 71); все цифры за 1938 год были взяты из газеты «Магнитогорский рабочий» от 3 января 1939 года (статья инженера Перельмана); все цифры вплоть до 1934 года взяты из «Магнитостроя» (с. 103). Данные по мартеновскому цеху за 1937 год взяты из газеты «Магнитогорский рабочий» от 1 января 1938 года. Остальные цифры за 1937 год были взяты из статьи Коробова, напечатанной в «Магнитогорском рабочем» 1 января 1938 года. Цифры по коксу и доменным печам за все годы были взяты из «Магнитогорского рабочего» от 2 февраля 1938 года. Остальные цифры также получены на основании данных, опубликованных в «Магнитогорском рабочем», так как эта газета к каждой годовщине создания Магнитогорска публиковала данные по общему количеству выпущенной продукции с самого начала работы комбината.

Проектный выпуск продукции (в тысячах тонн):

Продукция	1928 г	1934 г
Руда	1125	7500
Чугун в чушках	656	2750
Сталь в слитках	337	3050
Стальной прокат	574	2485
Кокс	656	2750

Эти данные взяты из «Магнитостроя» (с. 4, 5, 6).

22

Тем не менее, принимая во внимание то, что абсолютное увеличение выпуска продукции часто достигалось за счет ввода в строй новых производственных мощностей, я приведу пример производительности труда и издержек производства, который дает более полное представление о результатах стахановского движения.

Производительность труда на Магнитогорском комбинате

Цифровые данные представляют собой среднюю выработку на одного рабочего за год. Были взяты два года — 1935 и 1937,— представляющие собой приблизительно начало и конец влияния стахановского движения.

Продукция	1935 г.	1937 г.
Железная руда	2917	3361
Кокс	1324	1684
Чугун	1163	2004
Сталь	574	894
Готовый стальной прокат	294	511

Было бы, конечно, неправильно утверждать, что этот рост производительности был обусловлен только влиянием стахановского движения. Некоторый рост производительности труда достигался за счет освоения нового оборудования. Тем не менее стахановское движение имело большое значение.

23

Следующая таблица дает представление о новых и старых нормах, первоначальных и новых производственных мощностях и рекордных показателях (в тоннах в смену)

Производственный комплекс	Проектная мощность согласно первоначальному проекту	Новая мощность, запланированная на конференции в Москве 1936 г.	Рекордный показатель	Старая норма	Новая норма
Доменные печи (на одну печь)	333	436	544	383	400
Мартен	90	191	167	93	117
Блюминг	1000	1400	1500	800	1200
Прокатный стан-500	320	1000	1000	366	600
Прокатный стан-300	280	500	600	260	365
Прокатный стан-250	120	250	215	70	140

Рабочие нормы выработки были увеличены на 30—50 процентов, но даже эти новые нормы были ниже предельных мощностей различных производственных комплексов, которые были определены на конференции по сталелитейной и черной металлургии в Москве.

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Продукция за год (в тысячах тонн)	87	436	815	1163	1403	1490
Среднее количество тонн стали на 1 м ^{2} одного мартена на одну плавку	337	373	419	—	549	—
Производительность труда одного рабочего (в тоннах на одного рабочего в год)	3348	4780	6048	8940	—	

Дополнение

«ЗАМЕТКИ ИЗ МОСКВЫ» 1938 год

Это дополнение состоит из трех отрывков, присланных государственному департаменту посольством США в Москве. Они содержат информацию, предоставленную Джоном Скоттом чиновнику посольства в начале 1938 года. Работники посольства регулярно опрашивали американских граждан, живших и работавших в СССР. Записи этих многочисленных интервью были впоследствии классифицированы и помещены на хранение в национальные архивы. В настоящее время все они микрофильмированы на 14 катушек микропленок. Три отрывка, приводимые ниже, взяты из следующих досье микрофильмов: 861.5048/107, 861.651/17 и 861.5017/804 соответственно.

Стивен Коткин

ТРУД ЗАКЛЮЧЕННЫХ

28 января 1938 года

Категории заключенных

Говоря об использовании принудительного труда в Магнитогорске, необходимо помнить, что среди всех заключенных или бывших заключенных можно четко выделить следующие четыре категории.

1. Колония так называемых «кулаков», состоящая из крестьян, которые были против коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств в период 1930—1934 годов, и теперь находились в процессе «раскулачивания», как называют его советские власти.

2. Обычные уголовники, содержащиеся в ИТК (исправительно-трудовая колония).

3. Специалисты-заключенные, осужденные на разные сроки принудительных работ по политическим мотивам. В большинстве своем это инженеры, получившие образование до революции.

4. Иностранные беженцы, большинство из которых оказались в Советском Союзе в поисках страны «Утопии».

1. Колония кулаков

Крестьяне начали прибывать в Магнитогорск в конце 1931 года. В течение 1932 года сюда прибыло огромное количество крестьян. Это была весьма разношерстная толпа: половина всех прибывших были по национальности русские, остальную часть составили украинцы, татары, башкиры и киргизы.

Этих крестьян доставили в Магнитогорск, как доставляют скот — в закрытых вагонах, с единственным окошком, под дулами винтовок. Путешествие чаще всего длилось двенадцать дней, в течение которых крестьян иногда кормили черным хлебом, а свои естественные потребности им приходилось отправлять через дырку в полу вагона.

Большинство так называемых «кулаков» (в основном это были крестьяне, имевшие какое-то хозяйство и владевшие определенным количеством частной собственности) были арестованы ГПУ вскоре после того, как беднейшие крестьяне, имевшие мало или совсем не имевшие частной собственности и личного хозяйства, проголосовали за проведение коллективизации. Этот процесс зачастую встречал значительное сопротивление со стороны более зажиточных крестьян, что и привело к тому, что вся собственность «раскулаченных» крестьян, за исключением носильных вещей, в которые они были одеты, была конфискована. Таких крестьян вместе с их семьями обычно отправляли в Магнитогорск.

Я разговаривал со многими из таких крестьян и пришел к выводу, что, хотя в теории и существовали некоторые определенные критерии для ликвидации индивидуальных крестьянских хозяйств деревенскими Советами (например, степень сопротивления процессу коллективизации или количество наемных работников), в действительности решение о раскулачивании принималось в основном только по количеству принадлежащей этим крестьянам собственности, которая могла быть очень полезной и пригодиться новым коллективным хозяйствам — колхозам. Личные антипатии и обиды также могли стать причиной «раскулачивания». Наиболее бедные и менее щепетильные люди зачастую доносили на крестьян зажиточных. Руководители местных партийных органов не порицали такую практику, ибо перед ними была поставлена задача налаживания коллективных хозяйств.

Прибытие кулаков в Магнитогорск. Когда такие крестьяне прибывали в Магнитогорск, их привозили под охраной на окраины города. Здесь им приказывали размещаться на постой и выдавали палатки, в которых они должны были жить. Так как не было ни досок, ни каких-либо других материалов для строительства лучших жилищ, эти люди всю зиму 1932/1933 года провели в палатках. К концу 1933 года население этого палаточного городка достигло приблизительно 35 тысяч человек. В ту зиму десять процентов населения городка умерло, не вынеся тяжелых условий жизни и недоедания. Практически ни один ребенок младше десятилетнего возраста не пережил зиму 1932/33 года. Температура воздуха часто опускалась ниже сорока градусов.

Виды работ, выполнявшихся кулаками. С первого же дня все, за исключением детей моложе двенадцати или четырнадцати лет, начинали работать землекопами, плотниками, слесарями и т. д. Вся колония содержалась под вооруженной охраной, и крестьяне ходили на работу и возвращались обратно в палаточный городок под конвоем.

К следующей зиме постепенно построили бараки. Теперь у крестьян появилась хотя бы крыша над головой, но эти бараки были чрез-

вычайно перенаселены: две или три семьи помещались в одной маленькой комнатке. Люди много болели.

Голод в конце 1932 — начале 1933 года. В конце 1932 года в Магнитогорске катастрофически не хватало продуктов. Хотя у кулаков были хлебные карточки, они не могли достать достаточно еды, чтобы прокормить себя и свои семьи. Женщины и дети постоянно ходили по помойкам и собирали в сумки все выброшенные неиспорченные продукты, которые могли там найти. Это был самый настоящий голод. К весне начались небольшие забастовки и стало нарастать пассивное сопротивление отдельных групп этих крестьян. Об этих беспорядках стало в конце концов известно высшему начальству, и все закончилось арестом двух офицеров ГПУ — начальника трудовой колонии и его заместителя,— ставших «козлами отпущения» и осужденных на длительные сроки.

Количество кулаков-заключенных. Четыре-пять тысяч рабочих, умерших зимой 1932/33 года, были заменены вновь прибывшими. В основном это были крестьяне, убежавшие из других колоний. Общее количество населения магнитогорской колонии — около тридцати или сорока тысяч человек — таким образом оставалось почти неизменным. Эта колония играла важную роль в строительстве комбината, так как ее население выполняло практически все виды тяжелых строительных работ.

Отношение к Советской власти. Среди этой группы заключенных не велось никакой советской пропаганды. С ними обращались как с классовыми врагами, давая почувствовать, что отношение к ним никогда не изменится. Многие из этих крестьян были страшно озлоблены и полны горечи, потому что у них отняли все и заставили работать на систему, погубившую многих членов их семей. Причиной единственного случая саботажа, который мне довелось увидеть в Советском Союзе собственными глазами, была слепая ярость одного из этих несчастных людей. Однажды я увидел, как старик-крестьянин бросил лом в большой генератор, а затем, радостно смеясь, сдался вооруженным охранникам.

Однако бо́льшая часть заключенных из этой группы усердно работала. Они хорошо освоили свое дело, некоторым даже увеличили зарплату, и они смогли таким образом улучшить свои жизненные условия. Средняя зарплата составляла приблизительно 80 рублей в месяц. Некоторые стали квалифицированными рабочими и даже мастерами и начали зарабатывать от двухсот до трехсот рублей в месяц. Необходимо помнить в этой связи, что так называемый «класс кулаков» состоял в основном из наиболее умных, бережливых и трудолюбивых крестьян, которые много и упорно трудились, копили деньги и приобретали не только какую-либо собственность, но и определенные профессиональные навыки. Их трудолюбие ощущалось даже в тяжелых условиях Магнитогорска. Путь наверх некоторых из этих людей был поистине героическим.

Освобождение. В начале 1935 года некоторые из этих крестьян (вероятно, несколько тысяч) были восстановлены в гражданских правах, получили свои паспорта, и им было разрешено уехать. К этому времени многие из них уже разбили сады, купили коров и мелкий рогатый скот, который держали в маленьких двориках, находившихся рядом с их убогими бараками. Их жизнь стала приближаться к уровню, близкому к тому, к которому многие из этих крестьян привыкли в своих деревнях, поэтому определенное количество крестьян после освобождения осталось в Магнитогорске.

В настоящее время эта колония в Магнитогорске насчитывает около тридцати тысяч человек. Они продолжают жить в деревянных бараках, но, как я уже сказал, многие живут сравнительно хорошо, так как у них есть небольшие садики, коровы и куры. Они уже больше не ходят под конвоем. Для их детей открыты три школы. Все они были официально восстановлены в гражданских правах — у всех было право принять участие в голосовании во время последних выборов, проводившихся 12 декабря 1937 года, но только четвертая часть этих людей получила паспорта. Соответственно большинство не может покинуть Магнитогорск.

Сегодняшние настроения в среде кулаков. Бо́льшая часть этих бывших крестьян продолжает работать на строительстве, но некоторые из них теперь занимают ответственные должности. Я думаю, что очень многие полны горечи, но понимают, что любое волнение или противодействие привело бы только к аресту и еще худшей жизни. Они продолжают жить и работать, лелея слабую надежду, что когда-нибудь их жизнь изменится к лучшему.

Дети. Дети этих крестьян представляют собой интересную группу. Моя жена в течение годв преподавала в одной из школ, о которых я упоминал. В этой школе учились лучше, чем в любой другой из сорока с лишним школ в городе. Дети кулаков чувствовали, что они принадлежат к преследуемой группе, как и в других таких группах, здесь было много детей, упорно учившихся, и они ничуть не хуже — если не лучше — детей других, не «кулацких» групп. Их совершенно не трогает политическая пропаганда, проводимая в школах, так как они чувствуют связь со своими родителями, лишившимися всего.

Потенциальные враги. В случае войны, вторжения или напряженности внутри страны от кулаков можно ожидать серьезных неприятностей. Если же в течение последующих десяти лет кризисная ситуация не возникнет, то я полагаю, что эта группа будет постепнно поглощена остальным обществом, так как старые ее члены вскоре умрут, а молодые утратят в значительной степени чувство горечи и комплекс неполноценности.

В качестве примера того, что происходит в этой группе, я хочу рассказать о своей домработнице. Ее отец был зажиточным крестьянином, не захотевшим вступить в колхоз. Эта семья была раскулачена в 1932 году и отправлена в Магнитогорск. В первую зиму мать и двое младших детей умерли. Отец работал чернорабочим. В настоящее время брат нашей домработницы стал механиком, зарабатывающим около трехсот рублей в месяц, а она сама ходит через день по утрам в школу, чтобы научиться читать и писать. Она настроена чрезвычайно враждебно, но, за исключением отдельных редких высказываний, в основном держит язык за зубами.

Влияние чисток на колонию крестьян. Огромный процесс чисток, происходивших в течение двух последних лет, почти не коснулся этой колонии, здесь было арестовано приблизительно пятьдесят человек, а это не идет ни в какое сравнение с тем, что происходило с другими группами населения в Магнитогорске и в остальных местах.

Причина кроется в том, что крестьянам-кулакам никогда не доверяли никаких административных или политических постов, а чистки больше всего затронули людей именно с таким положением. ГПУ уже давно проверило этих людей, их происхождение и обстоятельства жизни были хорошо известны; что же касается других людей, особенно на ответственных административных и технических должностях, то ими только теперь начали заниматься.

2. *Исправительно-трудовая колония*

ИТК (исправительно-трудовая колония) находится в административном подчинении Наркомата внутренних дел. Сюда доставляют людей, осужденных не за политические преступления, со всех концов страны; эти люди также участвуют в строительных работах. В Магнитогорске пять таких колоний, в которых содержатся от 15 до 18 тысяч заключенных.

Категории заключенных. Девяносто процентов заключенных этой группы осуждены за правонарушения в нетрезвом виде, однако есть и профессиональные воры, проститутки, мошенники и т. д. Сроки их заключения варьируют от шести месяцев до пяти лет. В колонии имеется также небольшая группа заключенных, состоящая из священников православной церкви. Большинству из них были предъявлены обвинения в поджоге зерна или в подобных, полууголовных-полуполитических преступлениях. Они все еще носят длинные волосы и ходят на работу в своих старых скуфьях и поношенной одежде. Многие, по всей видимости, никогда не моются.

Пропаганда. Большинству заключенных ИТК еще нет тридцати лет, они неграмотны или полуграмотны. Администрация ведет энергичную пропагандистскую работу с ними. Для того чтобы пробудить в этих людях общественное самосознание, для них созданы драматические клубы*, оркестры, профессиональные училища, организовано соревнование между бригадами и т. д. Десять процентов их зарплаты уходит на покрытие административных расходов. Они обучаются различным профессиям, и им приходится учиться читать и писать. Некоторые из них начинают ценить человеческий труд. До 1936 года в колонии не было вооруженной охраны, позже она появилась в связи с участившимися побегами. В настоящее время заключенные выходят на работу под конвоем, ночью им не разрешается выходить из своих бараков.

Виды выполняемых работ. Что касается видов выполняемых этими заключенными работ, то следует отметить, что в течение первых трех месяцев их заставляли выполнять работу, не требующую какихлибо специальных навыков, например рытье канав. По истечении этого срока им разрешалось заниматься любой работой по своей специальности. Некоторые добивались того, что их назначали на ответственные должности. Например, должность главного электрика на строительстве в 1933—1934 годах занимал человек, отбывавший в ИТК пятилетний срок наказания за мошенничество. Его зарплата составляла 700 рублей в месяц, и у него были для разъездов телега и лошадь.

В начале работ этим людям выдают холщовые комбинезоны, холщовую обувь, галоши, рукавицы и приказывают взяться как следует за дело и энергично работать. Их хорошо кормят, дают им много черного хлеба, капусты, картошки и немного мяса. В течение первых трех месяцев многие из них узнают, что такое настоящий труд.

Отношение к Советской власти. В общем и целом мужчины и женщины, находящиеся в ИТК, относятся к Советской власти менее враждебно, чем кулаки. Это уголовники, и при любой форме правления с ними обращались бы точно таким же образом. Большинство из них понимают или подсознательно чувствуют это и поэтому вряд ли будут способны на какие-либо действия, направленные против Советской власти. Однако в кризисной ситуации они, по всей вероятности, могли бы явиться причиной беспорядков, убегая из мест заклю-

* Драмкружки? — *Примеч. переводчика.*

чения. В Магнитогорске не очень приятно жить, и большая часть заключенных несомненно предпочла бы вернуться в свои родные места.

3. Специалисты-заключенные

В 1932 году ГПУ отправило в Магнитогорск 20—30 специалистов. Всем им было предъявлено обвинение во вредительстве, и большинство проходило по так называемому «процессу Промпартии 1930 года».

Бо́льшую часть этой группы заключенных составляли настоящие специалисты, получившие образование в лучших учебных заведениях царской России или за границей. Многие из них занимали высокие посты в промышленности до и во время войны*.

По прибытии в Магнитогорск им предоставляли самые лучшие квартиры, имевшиеся в наличии, и автомобили. Они работали по контрактам (договорам), по условиям которых некоторые зарабатывали три тысячи рублей ежемесячно. Их назначали на чрезвычайно ответственные должности и призывали хорошо работать, чтобы доказать, что они действительно намерены стать добропорядочными советскими гражданами. Реакция людей из этой группы заключенных была весьма неоднородной. Хотел бы показать это на примере судеб нескольких человек.

Георгий Иванович Булгаков. Получив образование перед войной** в Германии, он стал специалистом в области промышленной органической химии. Булгаков с большим энтузиазмом отнесся к революции и вскоре был назначен на одну из самых высоких должностей в советской химической промышленности. До 1930 года он был членом коллегии химической промышленности Советского Союза. В 1930 году он был арестован как член Промпартии и приговорен к десяти годам тюремного заключения. В течение всего следствия, длившегося около года, Булгаков так и не признал себя виновным.

В 1932 году он прибыл в Магнитогорск отбывать наказание. По условиям своего контракта (договора) он получил ежемесячный оклад, составлявший 2500 рублей, машину и должность главного инженера химического завода, который в то время еще строился.

Было известно, что Булгаков относится к властям враждебно, и он этого не скрывал. Он работал не настолько добросовестно, как бы мог. В свои свободные дни Булгаков уезжал на охоту и не принимал никакого участия в общественной и культурной жизни города. К нему относились с определенной долей подозрения.

В 1936 году на химическом заводе произошел сильный взрыв, Булгакову было предъявлено обвинение в преступной халатности, поскольку в машинном отделении, где произошел взрыв, не было инструкции на случай аварии. Он утверждал, что невиновен, но все равно был осужден, и к тому десятилетнему сроку, который он в то время отбывал, добавили еще шесть месяцев.

После этого его отношение к правительству стало еще более желчным и враждебным. Он говорил мне несколько раз, что ненавидит правительство и особенно ГПУ.

В 1937 году во время проведения чисток, затронувших весь технический состав химического завода и металлургического комбината

* Д. Скотт имеет в виду первую мировую войну 1914 года.— *Примеч. переводчика.*

** То же.— *Примеч. переводчика.*

в целом, Булгакова арестовали. Его жене выделили койку в одном из бараков. Все их совместное имущество, включая его и ее одежду, а также 50 000 рублей, составлявших личную собственность его жены, было конфисковано. Шесть месяцев спустя жена Булгакова узнала, что он получил еще один десятилетний срок после того, как вновь отказался признать себя виновным. Через несколько недель после вынесения ему приговора его жена была также арестована за недонесение о преступной деятельности мужа — ей было предъявлено обвинение в преступном сговоре (статья 58^{12} Уголовного кодекса*) — и выслана вслед за своим мужем на Камчатку.

Булгаков был химиком чрезвычайно высокой квалификации, написал несколько работ, в которых рассматривались процессы получения бензольных фракций и дистилляции дегтя. Я знаю, что он был твердо убежден, что никогда не совершал никаких преступлений против Советского правительства, поэтому он никогда и не признавал себя виновным. У многих иностранных наблюдателей сложилось впечатление, что все эти специалисты признавали себя виновными во вредительстве, саботаже и т. п. Это неправильно. Просто редко можно услышать о тех людях, которые не признавали себя виновными.

Илья Гаврилович Тихомиров. До войны** Тихомиров работал главным инженером в большой бельгийской фирме на юге России. Во время «процесса Промпартии» он также был осужден на десять лет и в 1931 году отправлен в Магнитогорск. Его назначили главным электриком всего комбината, одной из составных частей которого были электростанция мощностью 38 тысяч киловатт и большой конверторный цех. Его зарплата составляла три тысячи рублей в месяц. Он занимает этот пост и по сию пору. Тихомиров — прекрасный администратор и отличный специалист. Он много работал. В 1936 году, когда многие другие инженеры были арестованы, ему выдали советский паспорт и полностью восстановили в гражданских правах. Вероятно, Тихомиров мог бы уехать из Магнитогорска, но он предпочитает оставаться именно в этом городе. На процессе, по которому он проходил, Тихомиров признал себя виновным и, по всей вероятности, сообщил какие-то сведения о ГПУ Магнитогорска. Вот какой ценой он купил себе свободу.

Однако было бы неправильно утверждать на основе всего сказанного мною выше, что Тихомиров настроен просоветски. Он относится к Советской власти так же враждебно, как и прежде, и испытывает чувство горечи, размышляя над иронией судьбы: ведь он получил свободу, оклеветав себя. Он поклялся мне, что никогда не совершал никаких преступлений, но на суде счел за лучшее признать себя виновным.

Другие специалисты-заключенные. Из двадцати — тридцати специалистов-заключенных, присланных в Магнитогорск отбывать наказание, около десяти человек получили новые сроки и были высланы куда-то на Дальний Восток. Пять или шесть человек наградили орденами за трудовые достижения, и они занимают высокие посты. Остальные,

* Вероятно, автор здесь имеет в виду Уголовный кодекс РСФСР 1927 года. Его статья 58^{12} гласит: «Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев».— *Примеч. переводчика.*

** Имеется в виду первая мировая война.— *Примеч. переводчика.*

подобно Тихомирову, продолжают работать, и им более или менее доверяют. Многие из них настроены все еще враждебно и, несомненно, являются потенциально активными врагами существующего правительства. В настоящий момент они запуганы, но в случае какого-либо кризиса могли бы представлять опасность для диктатуры. Советские должностные лица понимают это, и я убежден, что этих специалистов снимут с занимаемых должностей, как только будет найдена замена им.

Большинство этих людей глубоко осознают тот факт, что все они русские, и верят, что существующий ныне режим — как бы плохо они к нему ни относились — строит сильную Россию, а это дело надо поддерживать и защищать. Возможно, что именно вследствие этого чувства они могли бы помогать современному Советскому правительству, если бы оно подверглось нападению извне. Например, они оказали бы чистосердечную поддержку скорее Сталину, нежели Троцкому, так как нисколько не симпатизируют идеям мировой революции и построения бесклассового общества.

4. Беженцы

В 1932—1933 годах в Магнитогорск было доставлено несколько групп иностранцев. Переходя советскую границу, эти люди стремились обрести в СССР «родину рабочего класса». Они ожидали, что найдут работу и жизненные блага. Среди них были две тысячи беженцев из Польши преимущественно еврейского происхождения, двести финнов (в большинстве своем бывшие контрабандисты), пятьдесят болгар, тридцать немцев, несколько румын и турок.

Эти беженцы были арестованы сразу же после перехода ими границы. Их отправили в Магнитогорск, где они находились под наблюдением ГПУ.

Финны. Хотя беженцев кормили несколько лучше, чем среднего русского рабочего, условия жизни были настолько хуже, чем они ожидали (особенно в 1933 году), что начались беспорядки. В 1935 году финны устроили забастовку, и вся их группа была арестована, а затем исчезла. В Магнитогорске их больше никогда не видели.

Польские беженцы. Беженцы из Польши (в основном евреи) были достаточно мудры, чтобы не устраивать забастовок. Они занимались тем делом, которое им было поручено, и некоторые из них вскоре стали агентами по снабжению, медсестрами, преподавателями немецкого языка, врачами, чертежниками и т. д. В 1935 году и в начале 1936 года казалось, что они станут самыми преуспевающими людьми в Магнитогорске.

Но в 1936 году все изменилось. Некоторые люди из этой группы были арестованы. После таких арестов другие уже совсем потеряли всякие иллюзии относительно жизни в Советском Союзе. Многие попытались бежать. Некоторые из них попробовали заручиться поддержкой польского консула в Москве, они писали туда письма и просили друзей повидаться с консулом. Когда власти узнали об этом, эти люди были арестованы. Мне известно, что двум полякам при помощи польского консула все же удалось уехать. К концу 1937 года почти вся эта группа была ликвидирована. Общее число арестованных польских беженцев в 1936 и 1937 годах составляло приблизительно 1200 человек. По всей видимости, не делалось никакого различия между теми, кто получил советское гражданство, и теми,

кто все еще имел статус изгнанника и жил под непосредственным надзором ГПУ. Арестованы были все.

По моему мнению, эта группа в основном состояла из ненадежных и скользких личностей. Конечно, с точки зрения властей, их удаление было желательно. Как я уже говорил, они представляли собой весьма нестабильное сообщество, и нельзя было рассчитывать, что они останутся трудиться на строительстве до самого завершения работ.

Немцы и болгары. Немецкие и болгарские беженцы также жили под наблюдением ГПУ. Они были чрезвычайно неудовлетворены жизнью в Советском Союзе и большинство из них пытались бежать. Все болгары, за исключением одного мужского парикмахера, который все еще находился здесь, были осуждены либо за шпионаж, либо за попытку к бегству.

Несколько немцев (один из них работал в гараже) угнали машину и в 1936 году отправились в Германию. Их задержали в шестидесяти милях от Магнитогорска, все они были осуждены сроком на пять лет каждый. Некоторые из этих немцев были открытыми сторонниками Гитлера. Они обычно собирались и слушали по радио речи немецких руководителей.

Колония в настоящее время. В настоящее время группы людей, работавших в Магнитогорске принудительно, включают в себя: 25 тысяч так называемых «раскулаченных», которые все еще не имеют права покидать город, но уже не находятся под вооруженной охраной, и около 15—20 тысяч заключенных ИТК под стражей. Все население Магнитогорска составляет 145 тысяч жителей. Соответственно около 30 процентов населения трудится на принудительных работах.

ВРЕДИТЕЛЬСТВО

8 февраля 1938 г.

Я постараюсь объяснить, как понимают вредительство советские власти и как понимаю его я сам.

Отвечая на Ваш вопрос о том, есть ли у меня основания полагать, что в Советском Союзе действительно совершаются акты вредительства некоторыми неудовлетворенными элементами (например, бывшими кулаками, контрреволюционерами, антисталинистами в широком смысле этого слова и т. д.), я думаю, надо начать с того, что мне известны случаи вредительства, совершенные отдельными людьми. Некоторые из них, исходя из американских стандартов, я считаю подлинными, другие — весьма сомнительными, а какие-то — просто плодом фантазии. Далее я хотел бы подчеркнуть тот факт, что при обсуждении вопроса об актах вредительства в Советском Союзе (даже не рассматривая деятельность тайной полиции) необходимо помнить, что советский суд по уголовным делам дает достаточно широкое определение вредительства, и таким образом, под это определение попадают такие действия, которые любой американец счел бы всего лишь проявлением безынициативности и лени, неумышленной халатности и т. п. Советские власти, очевидно, не делают никакого различия как между умышленными и неумышленными действиями, так и между действиями, наносящими поправимый вред и вред, невосполнимый ничем. Дело в том, что, по мнению советских властей, любые действия, наносящие ущерб национальной экономике, считаются

вредительством. Таким образом, отвечая на Ваш вопрос о так называемом вредительстве, я попытаюсь разделить все известные мне случаи на те, которые представляются мне подлинным вредительством или саботажем (иными словами, это случаи, которые в соответствии с общепринятым значением этого слова в большинстве стран могут рассматриваться как явно умышленное или злонамеренное разрушение собственности), и те, которые кажутся мне сомнительными или даже полностью вымышленными.

1. Случаи подлинного вредительства

Мастер на станции доменных печей. Я был знаком с одним мастером на станции доменных печей в Магнитогорске, который несколько раз открыто заявлял мне, что он собирается разрушить или повредить что-нибудь на комбинате. Его родители, оба выходцы из буржуазных семей, были убиты во время революции как враги государства. Ему самому, в то время еще юноше, удалось спастись, изменив имя. Сумев «затеряться в толпе», он стал квалифицированным рабочим-металлургом. По советским стандартам он даже стал довольно преуспевающим, зажиточным человеком, так как еще и занимался мелкой спекуляцией. Однако он считал, что революция разрушила его жизнь и, естественно, винил Советскую власть в том, что его постигла такая участь. Он довольно много пил и, напившись, угрожал расправиться с Советской властью.

В один прекрасный день в погнутых и раздробленных лопастях одной из турбин, очень сложной конструкции и весьма хрупких, был обнаружен гаечный ключ. Эти ветряные турбины необходимы для нормальной работы доменных печей. Советское правительство, по всей вероятности, заплатило за это оборудование, которое теперь было полностью уничтожено, двадцать или тридцать тысяч золотых рублей. Через несколько дней мастера арестовали. Он сознался, что это сделал он, и, как я слышал от одного из рабочих комбината, его осудили на восемь лет тюремного заключения.

Измельченное стекло в турбинах. В другом акте вредительства, с которым я столкнулся лично, участвовали бывшие кулаки, трудившиеся на принудительных работах в Магнитогорске. Как Вы знаете, этих людей обычно используют на строительных работах. Сейчас все еще находятся в стадии строительных работ турбины второй очереди магнитогорской электростанции. Это большие турбины: некоторые из них имеют мощность пятьдесят тысяч киловатт, другие — двадцать пять тысяч киловатт. Бывшие кулаки заливают цемент, кладут фундамент, настилают полы и так далее. Как и почти на всех других строительных площадках Советского Союза, оборудование здесь устанавливали до того, как сделали фундамент и закончили строить здание. Вследствие этого бывшие кулаки все еще находились на строительной площадке после того, как уже установили некоторые турбины. Однажды утром механики обнаружили в основном подшипнике (сердечнике) одной из турбин измельченное стекло. Немедленно начали проводить расследование, и рядом с сарайчиком, куда бывшие кулаки каждое утро приходили отмечаться о выходе на работу, обнаружили второе ведро с измельченным стеклом. Электросварщики пользовались им, растворяя его в специальной жидкости, для нанесения покрытия на электроды. Очевидно, один из бывших кулаков насыпал этого стекла сначала себе в карман, а потом в сердечник турбины. Какой-то кресть-

янин решил причинить вред Советской власти в отместку за коллективизацию — иными словами, за конфискацию своего имущества. Как я говорил, большинство этих крестьян были чрезвычайно озлоблены, и некоторые из них настолько сильно ненавидели Советскую власть, что прибегали к преднамеренному, умышленному вредительству. Я уже рассказывал о крестьянине, который засунул лом в один из генераторов на магнитогорском комбинате *. После таких инцидентов бывших кулаков либо снимали со строительных работ, либо за ними пристально наблюдали охранники из ГПУ, пока устанавливалось какое-либо оборудование.

Директор — мошенник. Директор строительной конторы, занимавшийся возведением новых домов для рабочих комбината, был не удовлетворен своей зарплатой, составлявшей тысячу рублей в месяц, и двухкомнатной квартирой. Поэтому он построил себе отдельный дом, куда переехал через год после окончания строительства. В доме было пять комнат, и он смог его хорошо меблировать: повесил шелковые портьеры, поставил рояль, застелил пол коврами и т. д. Затем он начал разъезжать по городу в автомобиле в тот момент (это происходило в начале 1937 года), когда в городе было мало частных машин. В то же время годовой план строительных работ был выполнен его конторой всего лишь приблизительно на шестьдесят процентов. На собраниях и в газетах ему все время задавали вопросы о причинах такой плохой работы. Он отвечал, что нет стройматериалов, не хватает рабочей силы и т. п. Началось следствие, в ходе которого выяснилось, что директор присваивал себе государственные фонды и продавал строительные материалы близлежащим совхозам по спекулятивным ценам. Было также обнаружено, что в стройконторе есть люди, которым он специально платил, чтобы проворачивать свои «дела». Состоялся открытый, длившийся несколько дней, процесс, на котором судили всех этих людей. О нем много говорили в Магнитогорске. В своей обвинительной речи на суде прокурор говорил не о воровстве или даче взяток, а о вредительстве. Директор обвинялся в том, что саботировал строительство жилья для рабочих. Он был осужден после того, как полностью признал свою вину, а затем расстрелян.

Что такое «вредительство»? По-видимому, все вышеперечисленные случаи надо, несомненно, назвать актами вредительства. Первые два случая, по-моему, можно квалифицировать именно так. Однако из сотен дел арестованных мужчин и женщин, которых я знал, вероятно, только десять процентов подпадают под эту категорию.

В основе ненависти этих людей к советской диктатуре лежали личные причины и мотивы, однако люди эти не являлись членами какой-либо контрреволюционной организации. Большую часть случаев, о которых мне известно, можно назвать сомнительными, так как трудно прийти к какому-либо определенному выводу относительно виновности, поскольку ГПУ никогда не публикует результаты проведенных им расследований.

2. Сомнительные случаи вредительства

Свастика на башнях Кремля. В конце 1936 года местная газета «Магнитогорский рабочий» в одном из своих номеров напечатала фотографию Московского Кремля. Если внимательно рассмотреть ее с по-

* См. сообщение посольства от 28 января 1938 года.

мощью увеличительного стекла и лупы, то можно увидеть, что стеклянные звезды на Кремлевских башнях имели очертания свастики. Тираж этого номера газеты был конфискован рано утром, но многие люди уже успели купить газету. Редактора немедленно арестовали, а работники редакции были «прочесаны» ГПУ. Были арестованы несколько поляков-эмигрантов, работавших в фотоотделе.

Ситуация осложнилась. Все жители города заговорили об этом деле, и постепенно все смогли увидеть эту фотографию со свастиками в припрятанном кем-то номере газеты. Люди начали интересоваться, чья же это работа. Некоторые утверждали, что это дело рук ГПУ, которому просто надо оправдывать свое существование. Другие предполагали, что это просто случайность — какой-то фотографический курьез, возникший в результате оптических искажений. Несколько человек клялись и божились, что это работа гестапо. Поляки так и не были освобождены, а я, как и Вы, могу только гадать, что это было: вредительство или контрреволюционная деятельность?

Случай Завенягина. В конце 1936 года стало очевидно, что в большом запасе резервного угля Магнитогорского комбината происходит процесс самовозгорания. В связи с этим директор комбината Завенягин, который в это время был членом Центрального Комитета партии, решил воспользоваться этими резервными запасами угля. Некоторое время не делали заявок на новые поставки угля для комбината, поскольку Завенягин, очевидно, считал, что с финансовой точки зрения лучше не иметь мертвого капитала в виде больших резервов угля. Вероятно, он планировал пополнить запасы, как только резервный уголь начнет подходить к концу. Однако его подвела природа, сыгравшая с ним злую шутку. Как раз в тот момент, когда практически весь уголь был использован и несколько составов с новым запасом шло из Кузнецка в Магнитогорск, началась пурга. Движение на дорогах остановилось дней на семь. Так как уголь имелся лишь в мизерных количествах, а для нормальной работы комбината необходимо около семи тысяч тонн в день, то комбинат на несколько дней пришлось остановить. Снежные завалы были наконец расчищены, и комбинат возобновил производственный процесс.

Хотя этот инцидент обошелся комбинату в миллионы рублей, никто даже не упоминал о вредительстве. Сам Завенягин в это время был занят выявлением вредителей на комбинате, и его ошибка была объяснена случайным стечением обстоятельств.

Некоторое время спустя Завенягина назначили первым заместителем наркома тяжелой промышленности, и он уехал из Магнитогорска. Он был избран в Верховный Совет; считали, что у него большое будущее. Внезапно он исчез.

На Магнитогорском комбинате ходили разговоры о том, что случай с углем был одной из главных причин его исчезновения с политической арены Советского Союза. Я знал Завенягина и могу сообщить Вам некоторые факты, которые, вероятно, сыграли гораздо большую роль в его падении, чем инцидент с углем.

Завенягин был сыном бедного еврейского разносчика. Аккуратный, умный, в глубине души добрый и человечный, он быстро сделал себе карьеру, в основном только благодаря своим способностям. Завенягин блестяще закончил Московский горный институт, его незаурядный ум привлек внимание начальства, его стали назначать на ответственные должности, он работал на южных металлургических заводах. Это был преданный делу коммунизма человек до тех пор, пока власть, данная ему в Магнитогорске, не вскружила ему голову. Когда он

прибыл на комбинат в 1933 году, чтобы привести здесь все дела в порядок, ему было около тридцати лет. К этому времени он уже стал членом Центрального Комитета Коммунистической партии, и его считали восходящей звездой на небосклоне большевизма.

Очевидно, в Магнитогорске его опьянила полнота власти. Он стал бюрократическим тираном. Завенягин любил людей и хотел, чтобы его любили, но некоторые личности воспользовались его дружбой и положением. В конце концов он сделался недоступным. Проведенная на комбинате чистка, ответственность за которую частично лежит и на нем, лишила Магнитогорский комбинат нескольких лучших инженеров. На комбинате не было заметно никаких значительных изменений к лучшему, когда им руководил Завенягин. Казалось, что в Политбюро им довольны. Его звезда продолжала подниматься все выше и выше. Как я уже говорил, Завенягин был сыном бедного разносчика и получил образование при Советской власти, а это — идеальные биографические данные для любого честолюбивого юноши в Советском Союзе. Я думаю, его можно считать типичным «выдвиженцем» («выдвиженец» — это человек, выдвигаемый начальством на более высокие должности обычно благодаря каким-то своим положительным качествам и заслугам). Особенно много таких людей сделали карьеру за последние восемнадцать месяцев. Завенягин принадлежит именно к этой группе «выдвиженцев», которые, как мне известно, не могут долго удерживать свои посты при сталинском режиме. Завенягин был слишком молод и тщеславен. Он также слишком много знал и был слишком умным и здравомыслящим человеком, чтобы стать фанатиком-сталинистом.

Вероятно, его арестовали и сослали. Может быть, он еще вернется, отбыв какой-то срок под надзором ГПУ на одной из больших строек, где используется принудительный труд. Диктатуре нужны такие люди. Было ли его падение вызвано вредительством? Если внимательно разобраться в истории его жизни, то мне кажется, что даже с советской точки зрения этот случай можно классифицировать как сомнительный.

Однако мне кажется, что закат его карьеры начался в тот момент, когда он привел в состояние шока нескольких подлинных коммунистов в Магнитогорске, людей совестливых и порядочных, и вызвал зависть у всех остальных, построив излишне просторные и комфортабельные дома для себя и некоторых близких к нему людей, среди которых был и начальник ГПУ. У Завенягина был самый большой дом из четырнадцати комнат, стоимость которого вместе с обстановкой составила 300 тысяч рублей. Все это не привлекло бы такого внимания и не вызвало бы столько разговоров, если бы дело происходило где-нибудь в другом месте, а не в Магнитогорске, где рабочие жили в грубо сколоченных деревянных бараках, а инженеры и технический персонал — в довольно-таки убогих квартирах, где были открытые канализационные сточные канавы, и что хуже всего — больница размещалась в неотапливаемых барачных помещениях, в которых даже не были настелены полы.

Вскоре после того как был арестован и расстрелян в январе 1937 г. Пятаков, Завенягина назначили заместителем наркома тяжелой промышленности, которым к тому времени стал Межлаук, а позднее — Каганович.

Увеличение выпуска продукции, закончившееся катастрофой. В 1935 году произошел сильный взрыв на домне № 2 в Магнитогорске. Кирпичи выпускного отверстия раскрошились, горячий чугун

расплавил пластины охладительной камеры и несколько кубических метров воды вылилось на сотни тонн расплавленного чугуна в доменной печи. Произошел взрыв, в результате которого снесло крышу с литейного цеха и несколько человек получили увечья. Восстановительные работы обошлись приблизительно в один миллион рублей, а домна № 2 почти в течение месяца была закрыта на ремонт.

В это время рабочих-доменщиков заставляли увеличивать объем выпуска продукции. Бригады соревновались между собой. И мастеру, и начальнику производства, и почти всем остальным было известно, что выпускное отверстие домны № 2 не в порядке, но никто не хотел взять на себя ответственность и остановить домну для проведения текущих ремонтных работ. Москва все время подгоняла директора. В результате ничего не было сделано, чтобы отремонтировать выпускное отверстие, пока не произошел взрыв. После этого арестовали начальника доменного цеха, и, как говорили на комбинате, дали ему десять лет. Эти слухи трудно проверить, поскольку единственные люди, которые обычно узнают о судьбе арестованных,— это их родители или родственники, хотя даже им часто приходится годами ждать известий об участи своих близких.

Экспертная техническая комиссия, устанавливавшая причины взрыва, пришла к выводу, что он произошел в результате «варварской, неумелой эксплуатации, безразличного отношения к оборудованию комбината и вредительской деятельности».

Ошибки, допущенные при строительстве газохранилища. В Магнитогорске инженеры рассказывают историю о двух газохранилищах, закупленных в Германии и установленных немецкими инженерами. Общая стоимость этих газохранилищ, включая стоимость их установки, составила около двух с половиной миллионов золотых рублей. Когда деньги уже были выплачены, оборудование доставлено и проверено, а установочные работы выполнены на восемьдесят процентов, некоторые любознательные личности стали интересоваться, выдержат ли эти газохранилища чрезвычайно низкие температуры воздуха Магнитогорска. Когда этот вопрос был задан немецким инженерам, они ответили, что газохранилища предназначены для хранения газа при температуре не ниже 15 градусов ниже нуля (по Фаренгейту) *, а зимой в Магнитогорске ртутный столбик часто опускается до тридцати—сорока градусов ниже нуля.

Оказалось, что газохранилищами невозможно пользоваться, так как при низких температурах вся влага, находящаяся в газе, конденсируясь и замерзая, оседала бы на стенках и толстый слой образующегося таким образом льда проломил бы стенки контейнеров своим весом. Работы по установке газохранилищ были прекращены на год, пока ГПУ проводило расследование.

Результаты этого расследования так и не были опубликованы. Однако инженеры в Магнитогорске поговаривали, что даже ГПУ, так хорошо умеющее отыскивать саботаж, не смогло обнаружить никаких доказательств злого умысла. Немцы получили заказ, выполнили всю работу и им ее оплатили. Различные советские организации также выполнили все, что от них требовалось. В то время как был сделан заказ, не было никого, в чьи функции входило бы выяснение вопроса: будут ли газохранилища нормально функционировать в погодных условиях Магнитогорска. Единственное лицо или организация,

* Автор, вероятно, имел в виду температурную шкалу Цельсия. См. основной текст книги «За Уралом».— *Примеч. переводчика.*

которой ГПУ могло бы предъявить обвинения, это, очевидно, советская администрация в целом. Дело, по-видимому, закрыли, хотя, вероятно, могут еще найти какого-нибудь козла отпущения.

Дело товарища Шевченко. Шевченко, бывший директор коксохимического завода в Магнитогорске, в прошлом имел несчастье служить под знаменами белого генерала Деникина на Украине. Когда армия генерала была разбита красными, Шевченко, сын буфетчика, сумел скрыть свое прошлое и стал профсоюзным деятелем. Это был энергичный, решительный, но грубоватый человек, и эти качества весьма пригодились ему в профсоюзной работе. Он вступил в партию, а в 1932 году стал начальником строительства коксовых батарей Магнитогорского комбината. Однажды загорелась деревянная конструкция, возведенная над коксовальной печью для баланса температурного режима. Вместо того чтобы дать ей догореть, пожарники направили струю воды на горячие кирпичи и таким образом было уничтожено на один миллион двести тысяч золотых рублей огнеупорного кирпича, закупленного в Германии. Шевченко присутствовал на месте происшествия, и его и еще одного человека арестовали. Тогда вмешался Марясин, начальник всего строительства, и, использовав свои связи в Москве, умудрился выручить обоих из беды.

Об этом инциденте забыли. Конечно, дело, заведенное тогда на Шевченко, осталось в досье местного ГПУ. Шевченко получил повышение и стал начальником производства коксохимического завода. Его речи на партийных собраниях стали еще более пылкими, и он публично заявлял о том, что получил орден Ленина за свои заслуги перед партией. Он продолжал работать энергичнее и лучше, чем большинство остальных начальников производства.

Но через некоторое время его друга — Марясина — арестовали как троцкиста, работающего на японскую контрразведку. Насколько было справедливо выдвинутое против Марясина обвинение в троцкизме и шпионской деятельности, я сказать не могу. Однако мне известно, что с этого момента Шевченко имел вид человека, перепуганного до смерти. Его положение еще более осложнилось тем, что на комбинат приехал рабочий с Украины и начал рассказывать о том, как Шевченко служил в армии генерала Деникина. Обнаружили «связи» между Марясиным и Шевченко. Последнего сняли с работы. Через месяц его лишили ордена Ленина и арестовали.

Конечно, существует вероятность того, что Марясин действительно возглавлял какую-то контрреволюционную или шпионскую организацию в Магнитогорске и что, шантажируя людей, пытавшихся скрыть свое прошлое, он заставлял их помогать себе. Вполне возможно, что он узнал и о прошлом Шевченко, и о его службе у Деникина, и о том, что Шевченко занимается мелким взяточничеством. Это довольно запутанная история, и о деятельности этой организации (если таковая существовала на самом деле) ничего не известно. Шевченко осудили на десять лет. Был ли он вредителем? Я привожу этот случай как типичный сомнительный пример, ибо не исключено, что вредительство здесь имело место.

Закрытие электростанции. 7 ноября прошлого года * в Магнитогорске разразился скандал. В тот день, когда праздновалась двадцатая годовщина революции, электростанция в течение многих часов была закрыта. Комбинату пришлось брать энергию из Челябинска и Златоуста, а им самим ее не хватало. Это была неприятная

* 7 ноября 1937 года.— *Примеч. переводчика.*

история, и ГПУ занялось выяснением. Был арестован сменный инженер, и началось следствие.

Здесь произошло вот что. Ученые прекрасно знают, что вода при определенных условиях замерзает, образуя особую разновидность льда, называемого русскими «придонный лед», поскольку он не плавает, а скапливается на дне. Такой лед иногда нарушает работу насосов. Летом прошлого года теплые сточные воды химического завода спускали в дальнюю часть озера, чтобы они не нагревали поток воды, поступающей на завод, поскольку часть ее используется для охлаждения. Все знали об этом изменении в технологии сбросов, которое дало желаемый результат. Поступающая на завод вода стала холоднее, и все были довольны. 6 ноября 1937 года был сильный мороз и труба, по которой вода поступает на электростанцию, оказалась забитой тяжелым придонным льдом. Поскольку для работы электростанции требуется большое количество воды, сменному инженеру пришлось отключить моторы. Насколько мне известно, ГПУ так и не освободило этого инженера.

Польский шпион. В Магнитогорске жил один польский беженец. Это был беззаботный, веселый парень, предпочитавший девушек книгам. Он поступил в институт, однако летом 1936 года его исключили из комсомола и из института. Некоторое время спустя он был арестован. Его обвиняли в том, что он, будучи агентом польской разведки, соблазнил многих студенток и, таким образом, помешал их учебе.

Я его хорошо знал, и если обвинение его в донжуанстве было достаточно справедливо, то обвинение в том, что его любовные похождения были целенаправленным саботажем учебы его возлюбленных, слишком смехотворно, чтобы в это можно было поверить. Большинство студентов не относилось к этому обвинению серьезно, однако никто из них не осмелился сказать об этом на собраниях.

3. «Новые люди»

Рассказывая о взлете и падении таких людей, как Завенягин, мне кажется, имеет смысл познакомиться поближе с типами новых людей, выдвигаемых Кремлем на более высокие должности. Некоторых из них ждет участь Завенягина, другие, поднявшись, сумеют выжить. Может быть, Вам будет интересно узнать кое-что о некоторых «выдвиженцах».

Павел Иванович Коробов. Коробову немногим более тридцати. Он из замечательной династии рабочих-металлургов. Его отец сорок пять лет проработал у доменной печи. Несколько его братьев также стали рабочими-металлургами. Семью наградили орденом Ленина, и недавно они были приняты в Кремле Сталиным.

Коробов учился в Московском университете, по окончании которого его направили на один из южных металлургических заводов. Через три года он стал директором завода по выплавке чугуна. В 1936 году он прибыл в Магнитогорск и начал здесь работать на такой же должности. В этом же году началась большая чистка, и, когда главный инженер и директор завода исчезли, Коробова назначили сначала главным инженером, а потом директором всего комбината. В свои тридцать лет он возглавил предприятие, выпускающее десять процентов прокатной стали и приблизительно двенадцать процентов чугуна от всего производства стали и чугуна в Советском Союзе. Коробов был директором комбината во время процесса чисток, повлиять

на который он практически не мог, и поэтому ему приходилось быть очень осторожным в работе. Очевидно, он был не очень уверен в себе. Тем не менее к тому времени, как я ушел с комбината, он сумел добиться увеличения выпуска продукции в некоторых цехах, включая и мартеновские,— и это произошло в тот момент, когда количество продукции, вырабатываемой большинством других комбинатов, уменьшалось, а также прославленные металлурги, как Гвахария из Макеевки, были арестованы.

Коробов много учится и работает. Помимо всего прочего, он читает иностранные технические журналы. Его любят и уважают подчиненные. Однако инженеры старшего поколения подсмеиваются над его техническим образованием и способностями. Втайне он мечтает стать писателем и очень любит читать художественную литературу. Это чувствительный и искренний человек, преданный идеалам коммунизма.

Продвижение Коробова вверх по служебной лестнице дало ему возможность занять такое положение, где он начинает понимать все то, что раньше даже не приходило ему в голову. Я несколько раз разговаривал с ним и почувствовал, что чтение иностранных журналов и его постоянно расширяющийся кругозор заставляют Коробова сомневаться в том, что Советское государство сможет когда-нибудь догнать такие развитые капиталистические страны, как Соединенные Штаты. Он также начинает видеть не только героическую, но и темную сторону жизни в Советском Союзе, он замечает карьеризм, тосты, награды, аресты, нажим, интриги и тому подобное.

Пока что дела у директора комбината Коробова идут хорошо, но в основном благодаря его репутации. Однако опыт и ответственность — отличные педагоги, и если ему повезет и он сумеет продержаться на своем посту еще десять лет, то сможет быть хорошим руководителем. Однако он приближается к осмыслению некоторых аспектов жизни в Советском Союзе, а это могло бы в дальнейшем привести его к такому критическому отношению к действительности, что в конце концов он может стать жертвой сталинских чисток.

Сергей Васильевич Солтиков * (Салтыков?). История Солтикова — также типичный пример жизни людей нового типа, обязанных своим продвижением вверх по служебной лестнице процессу чисток. Этот человек наполовину татарин, сын кочевника. В 1930 году его отправили учиться в Московский горный институт. В тот момент он имел образование на уровне учащегося четвертого класса американской школы. Это было время, когда горный институт принимал таких людей, хотя, насколько мне известно, сейчас уровень требований несколько возрос. В 1934 году Солтиков получил диплом об окончании института, но как инженеру знаний ему не хватало. В институте он вступил в партию и научился хорошо говорить на собраниях.

В Магнитогорске он стал главным мастером безозольного цеха на коксохимическом заводе, получил комнату площадью около девятнадцати кубических метров ** и женился на хорошенькой русской девушке. Жизнь казалась Солтикову прекрасной; он присутствовал

* «Saltikov» в англ. произношении будет звучать как «Солтиков», однако вполне вероятно, что автор транскрибирует таким образом фамилию «Салтыков».— *Примеч. переводчика.*

** Вероятно, автор имеет в виду квадратные метры, так как в Советском Союзе измеряется площадь, а не объем жилого помещения.— *Примеч. переводчика.*

на всех партийных собраниях, регулярно платил взносы и говорил все, что должен говорить хороший сталинист.

Потом началась большая чистка, которая смела почти весь технический состав коксохимического завода. Солтиков стал директором завода. К тому времени он уже имел двухлетний опыт работы, но все еще недостаточно хорошо знал химию. Однако он очень старался восполнить пробелы своего образования, и завод продолжал работать более или менее нормально. Кочевник, сумевший стать во главе предприятия, живущий, с его точки зрения, в хороших условиях и обладающий авторитетом, Солтиков теперь является олицетворением типа «нового человека», довольного всем. Он не знает и не интересуется тем, что происходит во внешнем окружающем мире, никогда не читает классическую литературу и удовлетворен знанием того, что советская система — лучшая в мире, так как она дала ему возможность возвыситься.

Если не произойдет никаких взрывов или аварий и работа будет идти более или менее хорошо, то, вероятно, у Солтикова не будет неприятностей и его не арестуют. Представляется весьма сомнительным, что ему в голову могут прийти какие-нибудь непочтительные или крамольные мысли — по крайней мере, еще много-много лет они у него не появятся. Он не достиг и может так никогда и не достичь того состояния, которое я считаю опасным для добропорядочного, верного сталиниста.

Атясов. Атясову, секретарю заводского комитета (завкома) коксохимического завода в Магнитогорске, двадцать шесть лет. Его буквально «вытолкнули» на эту должность прямо из кабинки его подъемного крана, где он получил звание рабочего-стахановца. Все прежние профсоюзные работники в результате проведения чисток исчезли, и надо было их кем-то заменять. Как Вам, вероятно, известно, заводской комитет, или завком,— это профсоюзная организация под непосредственным контролем дирекции завода.

Атясов имел весьма смутные представления о профсоюзной работе, но, по-видимому, он знал достаточно, чтобы понимать, что задачи заводского комитета — помогать администрации улучшать качество продукции, уменьшать затраты и снижать себестоимость, поддерживать трудовую дисциплину и так далее. Наверное, он также знал (или ему кто-нибудь рассказал), что существуют определенные регламентирующие условия труда законы и правила, которых надо придерживаться, однако, если правила слишком явно нарушались, это могло вызвать критику со стороны общественности, общественное порицание, выражавшееся в большом количестве разговоров, не имевших никаких последствий.

Отец Атясова был бедным крестьянином и поэтому он не смог дать сыну образование. Атясов писал так, как пишут дети, и делал задачки на сложение с большим трудом. Я видел его кабинет, в котором царит такой беспорядок, что Солтиков никогда не может ничего найти. Но Атясов в восторге от своей работы. За помощью он обращается к секретарю парткома цеха. Он еще не достиг той стадии развития, на которой мозг начинает кое-что подвергать сомнению и задавать вопросы, и возможно, никогда ее не достигнет. У него не возникает никаких вопросов, его не волнуют ни еретические мысли, ни угрызения совести, он предан, как собака. Если только он не попадет в плохую компанию и его не сделают козлом отпущения за какую-нибудь аварию, то он, несомненно, сможет подняться достаточно высоко в сталинской иерархии.

Выводы. Сейчас в Советском Союзе молодым мужчинам и женщинам без образования и специальной подготовки доверяют все более ответственные должности. Отсутствие профессиональной подготовки для многих не играет большой роли, так как они многому учатся в самом процессе работы и умудряются как-то двигать дело вперед. Но у этих молодых людей есть мечты, надежды, иллюзии и даже идеалы, которые могут быть легко разбиты. Прошедший год стал для них временем, когда они столкнулись с устрашающими событиями, увидев, как исчезают не только многие старые и заслуженные большевики, но и такие люди, как Завенягин, чья звезда, казалось, только восходила. Некоторые из этих новых людей станут жить более или менее нормально и никогда не будут обеспокоены, однако другие могут достичь той стадии вопросов и сомнений, о которой я уже говорил. Они начнут анализировать, находить прорехи в кружевах кремлевской пропаганды, так как между фактами и пропагандой огромная пропасть. Аресты руководящих работников, деятельность ГПУ, парадоксы и противоречия — все это, несомненно, плохо отразится на многих из этих молодых людей.

Мне кажется, у Советского Союза нет блестящего будущего. Если партия не сможет вернуть себе, хотя бы частично, прежнюю роль ведущей силы в стране и если ей не будет разрешено пропагандировать основные социалистические принципы, то не будет того цементирующего влияния, которое могло бы препятствовать деморализации и разрушению идеологии, заменяющей молодежи веру или религию. Я только что прочитал в «Правде» от 27 января 1938 года, что сто тысяч новых людей были назначены на руководящие должности. Сколько из них лишатся головы из-за предоставленных им сейчас власти и авторитета, сколько людей начнут высказывать критические мысли и будут арестованы? Сколько Солтиковых и Коробовых присоединятся в Сибири к таким людям с изломанной судьбой, как Завенягин? Несомненно, очень многие. Этот процесс происходил и в прошлом, но теперь, он вероятно, намного ускорится — по крайней мере в ближайшие несколько лет. Жизнь в Советском Союзе жестока, и режим не знает жалости.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

10 марта 1938 года

Я только что провел две недели, путешествуя по Уралу, где посетил Свердловск, Магнитогорск и Челябинск. Постараюсь подытожить для Вас впечатления от поездки, которые я сравниваю с моим предыдущим опытом жизни на Урале и особенно в Магнитогорске в период с 1932 по 1937 год.

Во-первых, должен отметить, что, с одной стороны, стало больше продовольственных товаров, причем качество их улучшилось, а цены снизились, и вообще обслуживание населения в этих трех городах Урала стало более сносным и даже лучше, чем в Москве. Во-вторых, по сравнению с прошлым годом положение на Урале изменилось к лучшему.

С другой стороны, у меня сложилось впечатление, что кампания политических арестов расширяется и местные власти более напуганы, чем год назад.

Материальные условия. В Свердловске, Челябинске и Магнитогорске в продаже было масло, но его продавали с ограничениями. Нельзя было купить его столько, сколько захочется. Иногда продавали масло высшего качества по 15 руб. 50 коп. или 13 руб. 50 коп. за килограмм. Однако большая часть масла была низкого качества — от 5 до 8 рублей за килограмм.

Крупы, мука и другие продукты были в довольно большом выборе. Молоко можно было купить ежедневно и в магазинах, и у частных торговцев на улице. Магазинная цена составляла 1 руб. 50 коп. за литр, частники продают его по цене от 1 руб. 80 коп. до 2 рублей за один литр.

Одежды было гораздо больше, чем год назад, и выбор был обычно лучше, чем в Москве, особенно это касается мужской, женской и детской обуви. Цены держались в пределах от 20 рублей за обувь для самых маленьких, мужскую и женскую матерчатую обувь и обувь на резиновой подошве до 200 рублей за самые лучшие женские вечерние туфли. Сравнительно хорошие мужские кожаные ботинки можно было купить за 150 рублей. Рабочий может за 60 рублей приобрести кожаные ботинки на резиновой подошве не самого лучшего качества.

Полушерстяные женские и мужские пальто продавались по цене около 400 рублей, что значительно превышает среднюю ежемесячную заработную плату на промышленных предприятиях. Что касается текстильных изделий, то я обнаружил, что Магнитогорск в этом отношении снабжается хуже, чем Свердловск и Челябинск. Однако во всех трех городах очень трудно приобрести костюмы, а штучные товары и ткани в кусках практически невозможно купить.

В этой связи хочу сказать, что в Челябинске я видел, как человек пятьдесят стояли в очереди за шерстяной материей, а другая очередь приблизительно такой же длины выстроилась в этом же магазине за мужскими нижними рубашками. Я также видел в Свердловске женщин, стоявших в длинной очереди за чулками.

Что касается электротоваров, инструментов и тому подобных вещей, то уверен, что уральские города снабжаются лучше, чем Москва. Здесь есть в продаже советские пишущие машинки за 9500 рублей, электропылесосы за 400 рублей и различные домашние электроприборы по ценам, вполне доступным высокооплачиваемым рабочим и техникам. Имеется также большой выбор кухонной посуды и фарфора по довольно-таки приемлемым ценам.

Здесь легче найти и снять комнату, чем в Москве, причем плата за нее будет несколько ниже. Зарплата приблизительно такая же, как и в Москве.

Во время своего путешествия я пришел к выводу, что уровень жизни населения постепенно повышается и что среднему, хорошо оплачиваемому рабочему становятся доступными многие материальные блага, а я считаю, что именно в этом средний советский гражданин заинтересован больше, чем в чем-либо еще.

Ни разу за время путешествия я не видел никаких признаков голода или нехватки продовольствия. Во всех поездах, на всех железнодорожных вокзалах и станциях есть буфеты, где можно купить булочки, хлеб, колбасу, сыр, а иногда масло. Цены на некоторые продукты ниже, чем в Москве. Например, апельсины стоят 1 рубль 25 коп., а сыр — 12 рублей килограмм.

Таким образом, кажется, что все люди, находящиеся на свободе, работают и пользуются жизненными благами больше, чем когда-либо за последние несколько лет. Но многие лишены свободы, и именно

с этим связаны у меня отрицательные впечатления от путешествия.

Терроризм. Процесс чисток идет здесь в более широком масштабе, чем в столице. Я не заметил ничего, что указывало бы на его спад.

Местные руководители до смерти перепуганы. Например, в Челябинске я заходил в горком партии, к главному редактору местной газеты, в управление милиции и разговаривал со многими людьми. Никто из них не хотел мне сказать, какова численность населения города. У меня были рекомендательные письма из Народного комиссариата по иностранным делам, но никто не обращал на них внимания. Бюрократия боится говорить иностранцу что бы то ни было.

Невозможно было даже приблизиться к большим фабрикам и заводам. Вскоре мне сообщили, что теперь экскурсии на предприятия не проводятся.

Я узнал главную причину испуга руководящих работников: большинство из них были новыми людьми, пришедшими на смену арестованным или расстрелянным. В Магнитогорске, где я раньше работал, у меня еще остались друзья, мне стало известно, что партийная организация города три раза подвергалась чисткам за последние три года. Каждый раз, когда что-то случалось с первым секретарем горкома партии, он тянул за собой практически всех работников аппарата. Первым из партийных лидеров, ставших жертвами чисток, был Ломинадзе, старый большевик, находившийся в оппозиции и застрелившийся через несколько дней после убийства Кирова. Вторым стал Хитаров, тоже старый большевик, арестованный в Челябинске. Третьим был Берман, арестованный три месяца назад. Один из его братьев, насколько мне известно, все еще является начальником управления лагерей Наркомата внутренних дел (ГПУ) в Белоруссии. Другой брат Бермана продолжает занимать пост наркома связи Советского Союза. Неудивительно, что большинство местных руководителей всего боятся. Все те люди, с которыми мы беседовали, не произнесут ни слова до тех пор, пока не позвонят куда-то и не поговорят о чем-то торопливым шепотом.

Один из этапов проведения чисток (который не настолько заметен в Москве, как мне кажется) — это арест жен и членов семьи жертвы. Из случайных разговоров с друзьями я узнал, что во всех трех городах жены и семьи всегда арестовывались вместе с обвиняемыми и получали срок заключения согласно статье 50 Уголовного кодекса РСФСР. Женам обычно вменялось в вину недонесение властям о преступной деятельности их мужей. Их обычно приговаривали на срок от шести месяцев до десяти лет. Детей, за исключением грудных, отбирали. По всей вероятности, матери больше никогда их не увидят, поскольку воспитанием займется государство на том основании, что предатели, шпионы и подобные им люди не могут воспитывать детей в стране социализма.

Когда разговариваешь не с чиновниками низшего и среднего звена, а с более или менее обычными, средними советскими гражданами в поездах, у них дома и т. д., то кажется, что они боятся всего несколько меньше, чем это можно было бы ожидать. Некоторые из тех, с кем я разговаривал в поезде, и несколько моих друзей высказывались достаточно свободно, причем общая тенденция их высказываний отнюдь не полностью совпадала с политической линией передовиц газеты «Правда».

Основная масса рабочих (за исключением, конечно, иностранных рабочих), по-видимому, совсем не была затронута процессом чисток. Насколько мне известно, количество арестованных рабочих составляет

очень небольшой процент. В большинстве случаев жертвами чисток являются чиновники всех рангов, инженеры и т. д.

Зачастую рабочие даже радуются, когда арестовывают какую-нибудь «важную птицу», руководителя, которого они по какой-то причине невзлюбили. Рабочие также очень свободно высказывают критические мысли как на собраниях, так и в частных беседах. Я слышал, как они используют сильнейшие выражения, говоря о бюрократии и плохой работе отдельных лиц или организаций.

Ситуация в промышленности. Я могу дать следующую оценку положению в промышленности на Урале. Все еще сильно ощущается нехватка угля. Один из способов решения этого вопроса — экономия электроэнергии, поскольку все уральские электростанции работают на угле. В Магнитогорске электроэнергию в жилых домах отключают с 9 часов утра до 5 часов вечера и с 2 часов ночи до 5 утра. В начале февраля в этом регионе Урала начинает темнеть с 5 часов пополудни и темно до 8 часов утра. Такая система экономии не позволяет пользоваться утюгами, электроплитами и т. п. в дневное время. Она также мешает старому русскому обычаю спать при свете, чтобы клопы не вылезали из щелей.

Количество продукции, выпускаемой Магнитогорским металлургическим комбинатом, возрастает. Ежедневная выработка чугуна достигает 4500 тонн, а выработка стали — еще больше. Однако Челябинский тракторный завод изготовляет только около сорока единиц продукции в сутки. Несколько лет назад этот завод производил 50 тысяч тракторов в год. Такое снижение было вызвано прежде всего тем, что начали использовать дизельные двигатели, и, возможно, частично еще и тем, что часть заводского оборудования была продана «Станкострою» — большому челябинскому заводу, производящему танки для Красной Армии (как мне удалось узнать из надежных местных источников информации).

Стало абсолютно невозможно попасть на большой Уральский завод тяжелого машиностроения в Свердловске. Это огромный, хорошо построенный завод. Я бывал на нем в 1932 году и еще раз в 1939 году. В литейных цехах — лучшее американское, английское и немецкое оборудование, и сам завод, если сравнить его с заводом компании «Дженерал электрик» в Шенектади, производит благоприятное впечатление. Согласно местным источникам информации, здесь строят подводные лодки, которые потом в разобранном виде отправляют на север и Дальний Восток.

Железные дороги, насколько я могу судить, находятся в хорошем состоянии. Я видел много товарных составов, большая часть которых двигалась в восточном направлении. На двух станциях я увидел и поезда, перевозящие заключенных; они также шли на восток. Их охраняли солдаты из военных подразделений, вооруженные винтовками. Окошечки этих товарных вагонов находились так высоко и были настолько малы, что невозможно было увидеть даже головы заключенных.

Поезда идут по железным дорогам с бóльшей скоростью, чем раньше. Например, в 1932 году путь от Москвы до Магнитогорска занимал четверо с половиной суток, в 1934 году — трое с половиной суток, а теперь только двое с половиной суток. Полотно железных дорог также улучшилось, во многих местах насыпан балласт, а не песок, который ранее использовался на всех железных дорогах Центральной России.

Пассажирские поезда, как всегда, переполнены, и на каждой

станции можно увидеть очереди за билетами. Повсюду много крестьян, нагруженных грубыми холщовыми мешками, в которые сложено все принадлежащее им имущество. Они едут на восток — в те места, где правительство дает им земельные участки и помогает устроиться на новом месте.

Насколько я мог убедиться, нигде нет никаких признаков проявления народного недовольства или беспорядков. Я полагаю, что на Урале народ считает, будто существующий режим дал и дает им больше товаров и жизненных благ, чем у них было раньше. Возможно, до тех пор, пока советский режим не сможет сделать так, чтобы люди работали, и обеспечить им возможность покупать вещи, необходимые для удовлетворения их небольших запросов, он будет существовать очень долго. Не приходится сомневаться, что лишь весьма немногие считают дело революции преданным и что необходимо предоставить больше демократии и свободы; интересы рабочих по большей части весьма ограничены и не распространяются дальше достижения того уровня, который обеспечивает получение примитивных удобств и удовлетворение элементарных желаний. Сегодня люди на Урале работают, едят, покупают повседневно необходимые товары и, по-моему, не будут устраивать беспорядки. Думаю, дело постепенно идет к тому, что экономическая битва будет выиграна.

Скотт Джон

С42 За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали/Пер. с англ.— М.: Изд-во Моск. ун-та; Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.— 304 с.

ISBN 5—211—01673—4 (Изд-во МГУ)
ISBN 5—7525—0251—9 (Изд-во Урал. ун-та)
ISBN 0—253—35121—1.—
ISBN 0—253—20536—0 (англ.)

Эта книга — документальное свидетельство американского рабочего, очевидца и участника строительства Магнитки. В 1931 г., увлекшись идеей построения нового общества в Советском Союзе, Д. Скотт приехал в Магнитогорск. Работая сварщиком, затем, после окончания строительства,— мастером цеха, он пять лет прожил среди советских людей. Яркое, эмоциональное описание жизни рабочих содержит множество интересных деталей и подробностей и представляет собой хронику событий и судеб советских людей в годы первой пятилетки.

Для широкого круга читателей.

С $\frac{0503020500}{077(02)-91}$ КБ 15—8—1991 **ББК 63.3(2)716**

Скотт Джон

ЗА УРАЛОМ
АМЕРИКАНСКИЙ РАБОЧИЙ В РУССКОМ ГОРОДЕ СТАЛИ

Зав. редакцней *Н. М. Сидорова*
Редактор *О. Н. Агеева*
Художественный редактор *Л. В. Мухина*
Оформленне художника *Б. С. Вехтер*
Техническнй редактор *Т. М. Качула*
Корректор *Т. А. Мурычева*

ИБ № 3900

Сдано в набор 15.02.91. Подписано в печать 10.04.91.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Гарнитура литерат. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,2. Уч.-изд. л. 15,6.
Тираж 40 000 экз. Заказ № 83. Цена 4 руб.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Издательство Уральского университета
620219, Свердловск, ГСП-830, пр. Ленина, 136.

Типография изд-ва «Уральский рабочий»
620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

В Издательстве Уральского университета во II квартале 1992 г. выйдет в свет книга: Кьеркегор С. **Наслаждение и долг.**— Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992.— 17 л.— ISBN 5—7525—0359—0: 5 р.

Переиздание книги выдающегося датского философа, одного из предшественников экзистенциализма Серена Кьеркегора «Наслаждение и долг» вместило работы «Афоризмы эстетика», «Дневник обольстителя», «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал».

Для специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

0301030000

Заявки направлять в книготоргующие организации по месту жительства со ссылкой на темплан Издательства Уральского университета на 1992 г., поз. 61.

В Издательстве Уральского уииверситета в III квартале 1992 г. выйдет в свет киига: Уткии А. И. **Дипломатия Уинстона Черчилля.**— Свердловск: Изд-во Урал. уи-та, 1992.— 30 л.— ISBN 5—7525—0273—X: 6 р.

Автор иарисовал портрет Уиистоиа Черчилля как самого талаитливого дипломата Британской империи в XX в. Он отошел от традициоииого толковаиия истории «второго фроита», показал деятельиость Уиистоиа Черчилля по создаиию аитигитлеровской коалиции. В иовом свете рисуются его отношения с Советским Союзом, Соедииеииыми Штатами, с президентом Рузвельтом.

Для специалистов-историков и широкого круга читателей, интересующихся историей междуиародиых отношений.

0503030000

Заявки направлять в книготоргующие организации по месту жительства со ссылкой на темплан Издательства Уральского университета на 1992 г., поз. 66.

4 р.